

Юз

Алешковский

Собрание
сочинений
в шести томах

Т. 1

Юз Алешковский

Собрание сочинений в шести томах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17803508

ISBN 9785447460136

Аннотация

Произведения Юза Алешковского, представленные в этом томе, – признанная классика, золотой фонд русской литературы: «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Маскировка», «Рука». Они написаны ещё в прошлом веке, но не утратили своей актуальности. Цитаты из них можно использовать как к происходящим вокруг событиям, так и к тем, которые в России ещё будут происходить...

Содержание

Предисловие к «Собранию сочинений Юза Алешковского в 6 томах»	5
Великий выходец из положения	6
Автобиографическая справка	13
Опыты на героя	16
Николай Николаевич	19
1	19
2	22
3	26
4	27
5	30
6	33
7	36
8	42
9	45
10	49
11	51
12	54
13	56
14	59
15	62
16	66
17	71
18	73
19	78
20	82
21	84
22	86
23	88
24	89
25	90
26	93
27	94
Кенгуру	98
1	98
2	104
3	109
4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Собрание сочинений в шести томах

Том 1

Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к «Собранию сочинений Юза Алешковского в 6 томах»

От составителей.

Мы работали над этим собранием сочинений более полугода. По времени это срок достаточно большой, но и – крайне маленький, короткий. Большой – чтобы просмотреть интернет-версии произведений Юза Алешковского, выбрать те, в которых меньше ошибок, опечаток. Чтобы привести в порядок расползающиеся при конвертации строки. Большой – для работы, по сути, косметической. И с этой работой мы справились. Хотя кое-где и не исключены какие-то мелкие «блошки».

И – срок малый, чтобы сделать настоящее, академическое собрание сочинений. Со статьями, сносками, комментариями, фотоснимками, набросками и вариантами произведений. Это уже работа ученых, литературоведов – профессионалов, которая, конечно, будет когда-нибудь проделана.

Мы же – любители. У нас любительский опыт издания цифровых книг. Поэтому вооружённому глазу они, конечно, будут заметны. Но ещё мы и большие любители творчества Юза Алешковского. И ко всем произведениям, которые вы найдете в этих томах, мы отнеслись с максимальной бережностью.

В Интернете, среди своих друзей, знакомых, мы нашли редкие, никогда не публиковавшиеся раньше, песни Алешковского. Легендарный «Николай Николаевич» в этом собрании сочинений – в новой, улучшенной редакции.

Есть и произведения, их, конечно не много, которые публиковались в различных периодических изданиях, но не вошли в широко известные «бумажные» собрания сочинений. В шестом томе размещено несколько редких снимков.

Настоящий шеститомник – это избранные произведения писателя Юза Алешковского.

Подбор абсолютно субъективный, и составлен исключительно на основе наших личных пристрастий:

т.1 «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Маскировка», «Рука»

т.2 «Синенький скромный платочек», «Книга последних слов», «Смерть в Москве»

т.3 «Блошиное танго», «Признания несчастного сексота», «Семейная история», «Песни»

т.4 «Карусель», «Тройка, семёрка, туз...», «Маршал сломанной собаки»

т.5 «Моргунов – гримёр из морга», «Американский концепт», «Свет в конце ствола», «Посвящается Ги де Мопассану», «Жепепенака»

т.6 «Предпоследняя жизнь. Записки везунчика», «Маленький тюремный роман», «Шляпа», «Как мимолётное глазенье», «Эхо кошачьего «Мяу»», «Строки гусиного пера, найденного на чужбине», «Чтения по случаю 80-летия Юза Алешковского «Юз!»

*Александр Дунаенко
май, 2014г.*

Великий выходец из положения

Юз Алешковский – замечательный русский поэт, прозаик, романист, эссеист, философ, автор гениальных афоризмов. Список можно продолжать, но он все равно не сможет в достаточной степени отразить значение его вклада в русскую культуру.

Божий Дар – штука вневременная. Чего никак нельзя сказать о способе его реализации. Конечно, в первую очередь, на пути воплощения дара стоит личность, характер того, кому этот дар достался. Способности всегда только помогают. Дар, напротив, может и погубить, принять, так сказать, «поперечное положение». Надо суметь родить свой дар, надо найти в себе смелость вступить в нашу действительность с этой драгоценной обузой на руках. В комплекте с даром для его реализации необходимо иметь большое мужество и даже некоторую дозу авантюризма. А уж исторический момент поможет определить истинные возможности и даже жанровые особенности его существования. Исторический момент – всегда соавтор. Когда он особенно крут, роль его непомерно возрастает.

В массовом сознании бытует представление, будто бы существуют два основных типа литературных судеб. Одни идут чередой, друг за другом по некой главной дороге, имитирующей якобы хронологический принцип познания. В советское время это, разумеется, означало, что, начиная с анонимного автора «Слова о полку Игореве», писатели готовили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, постепенно открывая для себя и для публики все новые и новые основания для ее свершения. Получилось такое многотомное уголовное дело на человечество, которое, с одной стороны, безобразно погрязло, а с другой, почему-то все-таки достойно светлого будущего. При вскрытии язв российской действительности образовалось немало перлов. На самом деле, естественно, каждый великий и даже просто настоящий писатель – явление уникальное, неповторимое и абсолютно неожиданное, чтобы не сказать авангардное. Именно такие писатели и выстраиваются вдоль воображаемой столбовой дороги Духовного и Исторического процесса, так сказать, задним числом. Тем не менее всегда попадались, а после революции их поголовье резко возросло на обильно удобренной почве, – такие авторы, которые не умели найти себе легального места в создавшейся обстановке, те, кто не в состоянии оказались принимать советскую действительность за нормальный фон для нормальной жизни.

А если же все-таки не вовремя полученный Божий Дар не давал покоя стремящимся к писательству отщепенцам, они пытались найти и находили некий выход из положения. Одним из образцов «выходца из положения» в начале советского периода был Михаил Зощенко. Своим литературным приемом он сумел обозначить одновременно и невозможность, и наличие изящной словесности в условиях красноречивого уродства.

В значительной степени культура советского периода представляла собой некое подобие рубцовой ткани, то есть той, которая вырастает на месте травмы; она способна поддерживать и сохранять форму некогда здоровой ткани, но не может выполнять ее специфическую функцию. Из всех так называемых деятелей отечественной культуры лишь единицы были настоящими. И мало кто из них мог открыться публично и раскрыться в полную силу. Большая часть истинных талантов сгинула. Кому относительно повезло – за границу с самого начала, а другие – в лагеря или каким-то иным ускоренным способом – на тот свет. Для жизни оставалась только так называемая внутренняя эмиграция, случайное укрытие от вездесущих органов, безвестность, подполье, безумие и тому подобный ассортимент способов проживания с неродившимся талантом, как с нераскрывшимся парашютом. Тогда огромный дар мог уместиться в Мухе-Цокотухе, в каком-нибудь фильме-сказке для детей и т. д.

Юз принадлежит к тем, кто не был согласен всерьез принять эту действительность за свою подлинную и единственную жизнь, которую надлежит покорно проживать в предложенных ею рамках. Несогласен не в том смысле, чтобы лезть на баррикады или выходить на Красную площадь, а в том, чтобы постоянно ощущать и формулировать отклонение этой действительности от Нормы. Попытка разделить с другими хитрецами благодатную почву детской литературы, хоть и удалась ему с профессиональной точки зрения, но не удалась с точки зрения экзистенциальной.

Дар Юза бескорыстен по своей сути. Он начал писать прозу без всякой мысли о возможности быть напечатанным, он сочинял в полном смысле слова – «на троих». Первый свой шедевр, «Николая Николаевича», он написал, чтобы порадовать трех самых близких своих собеседников, им же его и посвятил. Но и потом, став уже обожаемым и известным автором, никогда не занимался просчитыванием предполагаемого спроса; в его совершенных по форме сочинениях всегда есть четкий замысел, но никогда нет умысла.

Молодой человек, который в Американском посольстве в Москве выдавал мне визу, спросил меня, что написал приглашающий меня на свой юбилей Юз Алешковский. Он сам оказался бывшим студентом-славистом, изучавшим наш самиздат.

И он о Юзе ничего не знал и не слышал. Тогда я произнесла: «Товарищ Сталин, вы большой ученый...» Он радостно закивал головой и выдал мне визу. Сначала я невольно удивилась, а потом до меня дошло. Да, Юз ведь и не был героем самиздата. Никому не в обиду будь сказано, но никакой самиздат не выдержал бы такого рода бесстрашия, не только абсолютного политического, но одновременно и метафизического, и языкового. Если не в изложении исторических фактов и не в исторической же их оценке, то в философском экзистенциальном осмыслении феномена «Соньки», в спектрометрическом анализе этой адской смеси – он пошел, пожалуй, дальше прочих. Я ничуть не намерена умалить значение подвижнической деятельности диссидентов, не пожалевших ни жизни, ни личной свободы в борьбе с Гидрой, а также литераторов и публицистов, участвовавших в ее выведении на чистую воду. Общими усилиями система расшатана и в некоторой степени рухнула, придавив множество своего незадачливого народа обломками. Я сейчас говорю только о литературе того периода. И тут я позволю себе заявить, что романы «Рука», «Кенгуру», минироман «Николай Николаевич», повесть «Маскировка» – самые смелые и самые свободные от советского духа антисоветские произведения, потому что власть не только виртуозно и полностью разоблачена, но и голая – осмеяна, что для объекта бывает, видимо, особенно обидно. Юз указал Соньке ее место – у параша, исходя из онтологических и эстетических соображений. Ибо нельзя рассуждать о Юзе, о значении его творчества и не назвать по имени или даже по имени-отчеству главную героиню большей части его сочинений. Даже если о ней, как о божестве дикарей, не произносится ни слова прямо, она, советская власть, или Софья Власьевна, стоит за всем происходящим. Возмутительница спокойствия, щедро снабжающая материалом, достаточным для зашкаливания всех органов чувств, для постоянного эмоционального накала, для почти что панического желания выразить свои непосильные впечатления. Пожалуй, это характеристика Музы.

Только тут у окошечка Отдела выдачи виз я наконец по-настоящему осознала, что он держал в руках, отваливая из СССР. Кроме «памятника литературы», ставшего гениальным дебютом Юза в прозе, – «Николая Николаевича», таких блестящих сатирических и пророческих сочинений, как роман «Кенгуру» и повесть «Маскировка», к этому времени Юз уже написал свой главный труд – роман «Рука». Это практически пословица: с «Рукой» в руках – век свободы не видать. «Руку» до сих в каком-то смысле страшно читать.

Кстати, в трагических и по-советски комических обстоятельствах отъезда, в Шереметьеве тех лет, Юз все никак не мог от нас, окаменевших этим тяжелым ранним утром провожающих, уйти окончательно. Он раз пять возвращался к нам из какого-то ходульного, наспех

сооруженного с помощью перегородки и лесенки, мира иного – то с очередной отвергнутой таможенниками бутылкой водки, то с чем-то еще недозволенным для пересечения границы. Последний раз, уже изрядно преуспев в уничтожении контрабандного товара, он крикнул в толпу провожающих: «Увидимся через десять лет!» Тогда в 79-м году это прозвучало как черный юмор. А ровно через десять лет Юз впервые посетил бывшую родину. Действительно, нет пророка в своем отечестве. Как только человек обнаруживает у себя пророческий дар, он немедленно сваливает из отечества, так, видимо, из целомудрия и для профилактики.

Каждый творческий человек всю жизнь решает для себя проблему: «быть или стать». Кому не хочется «стать», получить признание, оказаться автором нашумевшего и лауреатом престижного? Но в глубине души больше всего любой автор жаждет не потерять способность ощущать и выражать, то есть – продолжать «быть». В этой связи отъезд Юза из СССР, на мой взгляд, следует рассматривать как свал в частную жизнь, в бытие как таковое. Ей-богу, как ни грустна разлука, но представить себе Юза, пусть даже ему удалось бы чудом, наступив себе на горло, зажав нос и спрятав кукиш в кармане (получается поза, которая непосильна ни для какого йога, но с некоторыми оговорками искусно исполненная рядом российских литераторов), допустим, быть сперва вознесенным мутной волной перестройки, этак по-быстрому, как в подъезде, получить признание во всенародной любви, а затем – лямка капиталистических многотрудных будней, если повезет, то на телевидении или на худой конец на радио – в борьбе за безбедное существование, дачу и евроремонт, – не лучше ли действительно «удалиться под сень струй» и, пребывая в прозрачной тени Уеслеанского университета, оставаться самим собой? И как бы ни шагнуло наше российское общество, в какую фазу или во что менее благозвучное оно бы ни вступило, То, что Юз сумел в свое время, опережая и проясняя сознание нашей духовной элиты, сформулировать, а в эмигрантских уже сочинениях – развить под несколько новым углом зрения, никто, кроме него, так и не сподобился сказать о феномене меняющего свои очертания, но не суть, советского строя, который, подобно останкам мамонта, так хорошо сохраняется в нашей вечной мерзлоте...

Известность пришла к Юзу, начиная с его гениальных песен, резко отличавшихся от всех близких по жанру творений прочих бардов и менестрелей – такой точностью словоупотребления, какая свойственна лишь настоящей поэзии. Хотя, если честно, слава, если и пришла, то пришла вовсе не к нему. Песни приписывали кому угодно. В том числе и народу, что хотя бы не обидно. В чем секрет такой анонимности или, как говорят теперь, нераскрученности автора? В отсутствии инфраструктуры в подполье? В несерьезном отношении к себе самого автора? Конечно, Юз не ощущал себя ни поэтом-песенником, ни бардом или менестрелем. Он легко создал всего несколько абсолютных шедевров, однако не стал разрабатывать этот шельф. Да и слава тогда была равносильна доносу. А камерный успех лучше, чем успех в камере.

В дописменный период своего творчества, кроме негромкой славы автора песен, Юз был знаменит в узком кругу как мастер афоризма, способный гениально передать метафизическую связь явлений Бытия – здесь и сейчас. Один из них, увы, до сих пор не утратил своей актуальности и не похоже, что когда-нибудь утратит. Цитирую на языке оригинала: «В России власть взяли те силы, которые спиздили шинель у Акакия Акакиевича».

Еще не начав по существу писать, Юз стал для нас, его круга и паствы, – явлением культуры в самом главном смысле этого слова. Он с самого начала был великим Просветителем умов и Освободителем сознания. Свежий взгляд на вещи – это не только следствие незамутненности разума постижением наук и лженаук, это составная часть дара. В то тусклое и довольно позорное время вокруг Юза царила вдохновенная атмосфера свободы, живого ума, смеха, легкости рождения гениальных фраз. Причем все находившиеся рядом чувствовали себя не зрителями или слушателями, а участниками. Юз – великий учитель. Он умел дирижировать умами, и когда они начинали выводить порученную им партию, то охотно

принимали легкость ее исполнения за свою заслугу. К Юзу ходили не выпить и пожрать, как могло бы показаться на первый взгляд, хотя и тут его щедрость значительно превышала реальные доходы, к нему ходили побыть свободными и умными, короче говоря, пожить в Бытии, побыть в подлинном смысле этого слова... А потом можно и дела свои нехитрые или даже достаточно хитрые – поделывать.

Юз щедро транжирил свой дар, делился им, так сказать, вручную. Когда удавалось уговорить его спеть, а ведь все безумно этого хотели, а он уже не столько тащился от всенародной любви, сколько слегка обижался за недостаточно серьезное отношение к одному ему известному и то лишь интуитивно – огромному творческому потенциалу. Юз соглашался и пел ко всеобщему счастью, аккомпанируя себе постукиванием пальцами по столу. Но ему действительно уже было пора, уже обожаемый им Александр Сергеич грозил ему в окно: пора, мой друг, пора!

Такому мастеру афоризма должно быть очень трудно начать создавать ткань повествования, не впадая в соблазн объяснять поподробнее искрометное озарение и расшифровывать то, что достижением было – зашифровать.

В поисках «выхода из положения» и способа реализации своего дара Юз попробовал множество жанров: мини-романы, романы, повести, рассказы, эссе, последние слова подсудимых, древнекитайскую поэзию – и все их обогатил. Он не писал лишь драмы, и то, наверно, потому, что не имеет склонности драматизировать трагичность бытия. Юз не только нашел выход для себя, он указал выход всем нам – как справиться с нелегкой участью – жить в то время в том месте. По Юзу, этим выходом является в первую очередь сохранение облика нормального человека. Его главное оружие – смех и обличение inferнальной Соньки на всех уровнях вплоть до молекулярного.

Основным литературным приемом, которым пользуется Алешковский, является сказ (у Юза это монолог, предполагающий наличие живого собеседника-слушателя). Традиционный для русской литературы жанр Юз развил весьма нетрадиционными средствами. Главное действующее лицо его произведений – русский язык, живой, неподцензурный и нецензурный. Продолжая музыкальную тему, так точно использованную Бродским при анализе творчества Алешковского, можно утверждать, что он обладает абсолютным слухом по отношению к божественной НОРМЕ человеческого бытия. Это его идеал, за который он стоит насмерть и отклонение от которого он чувствует, как фальшивую ноту.

Подобно герою «Блошиного танго», Юз безошибочно обонял все компоненты той чудовищной Каши, которая воцарилась в головах и душах советских людей после разрушения всех основ национальной жизни, человеческой морали, после падения, крушения Нормы. Эту кашу, которая ночевала на том месте, где раньше были мировоззрение и нравственные принципы, Юз сумел воссоздать в языке своих героев. Он обессмертил эту Кашу (кстати, само понятие Каши введено самим автором и многократно используется его героями, есть даже рассуждение о том, что у нас в головах должна быть именно Наша Каша, а не какие-нибудь другие кушанья – например, сациви или лобио).

Как и его трепетный герой Сергей Иванович, который научился делать сувениры для продажи в электричках, представляющие собой живое насекомое, запаянное в стекло от бутылки и символично смахивающее на Ленина в мавзолее, главного нашего трупа в хрустальном гробике, который, не стоит об этом забывать, до сих пор там, – так и Юз сумел заключить то подобие жизни, которым нам довелось жить, – в прозрачные контуры своих произведений, язык которых и есть наш единственный «вечно живой» и сохраняет, если и не аромат, не дай Бог его еще раз занюхать, но – дух эпохи. Язык Юзовых сочинений обладает невероятной емкостью. В одной фразе ему удивительным образом удастся заключить всю полноту, трагичность, комичность и мудрость жизни. Откройте на любой странице любой из томов теперь уже легального собрания сочинений – и после заносов словесного

поноса, порожденного нынешней свободой слова, – блеснет гений, не только пророческого понимания действительности, но и самого мудрого к ней отношения. Чувство юмора – единственный путь к независимости, приятный морально и физически, особенно, если он оказался бескровным.

Одной из немаловажных художественных особенностей сочинений Алешковского является обильное использование ненормативной лексики, то есть мата, то есть языка, на котором говорит и даже думает наш многострадальный народ. Мат, как и юмор, играет роль противоядия и обладает способностью создавать некую зону отчуждения, она же – единственная доступная в таких условиях опора.

Герой «Руки» говорит: «Матюкаюсь же я потому, что мат, русский мат, спасителен для меня лично в той зловонной камере, в которую попал наш могучий, свободный, великий и прочая, и прочая язык...» Кроме того, увы, конечно же, надо было так, как мы, провонять советской идеологией и фразеологией, чтобы суметь по достоинству оценивать текст Юзовых сочинений.

Сделав ставку на живой и фантастический язык как на главный инструмент своего творчества, Юз все же преследовал и более глубокие цели, преследовал и, надо сказать, достиг. Он выпестовал свой Дар как неизменное, надежное и чудодейственное средство от зомбирования любого сорта и происхождения, будь то господствующая идеология, догмы узкого круга либералов или интеллектуалов, от любого коллективного или рабского индивидуального способа спастись перед Силами Зла.

Юз не первый русский писатель, который в ранней молодости, соприкоснувшись вплотную с проблемой «преступления и наказания», сумел не сломаться, а напротив, глубже понять смысл и цену существования. «Рука» – это Юзово «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Бесы». Это попытка религиозно-философского осмысления российской истории XX века. Это роман – хор. В нем монолог чекиста-следователя виртуозно превращается в хор, где звучит все услышанное им от великого множества солистов-подследственных, прошедших через его руки. Рука, сын раскулаченных и убитых у него на глазах крестьян, ныне палач-мститель из НКВД арестовывает, а по существу берет в заложники, бывшего красного дьяволенка, участвовавшего в том кровавом рейде. Он жаждет наконец отомстить не только тем, кто убил его родителей, но и тому, кто посадил его тогда на морозе на ледяную колоду и лишил таким образом навсегда способности к деторождению. Обращаю ваше внимание на то, что отмороженные яйца фигурируют в тексте вовсе не для скабрёзности. Повторяю, Юз – настоящий романист, у него в тексте нет ничего случайного, смыслом наполнена каждая мельчайшая деталь повествования. Кто может посвятить всю свою жизнь идее мщения даже за такие чудовищные преступления, кто в состоянии не утратить на протяжении всей жизни острой жажды мщения и не смягчиться? Только тот, у кого нет и быть не может в настоящем – Любви! Так что, в данном случае, отмороженные яйца – это символ телесной неспособности к Любви.

Роман написан на невероятной энергии, он наговорен с той лихорадочностью, которую мы прежде встречали разве что у Федора Михайловича. Достоевский был тогда, по крайней мере, любимым писателем Юза, и именно ему, я думаю, он многое рассказывает в этом романе, свидетельствует, показывает ему, как предсказания из главы о Великом Инквизиторе воплотились и кое-где даже переплонули все пророчества, разгулявшись с размахом нового типа...

Проблема Преступления и Наказания в романе «Рука» расширена. Она поставлена как Проблема Диалектики Зла, сложной взаимосвязи Преступления и Вины, Наказания и Отмщения. Для страны, пораженной таким размахом преступлений, таким попранием морали и норм, присущих не только людям, но и диким зверям, – первым шагом к освобождению духа могло послужить никак не обвинение в адрес политбюро за искажение так

называемых «ленинских норм», а лишь осознание каждым себя как носителя Коллективной Вины. Эта мысль выражена в предсмертном монологе-молитве старого зека: «Мы, братья, виноваты, мы, и не говорите „не мы“! Мы!!! Трижды мы!!!» Позднее, уже в эмиграции, возвращаясь к этой же теме, Юз пишет: «В советской власти виноваты все. Даже уборщица в сортире и кассирша в универсаме».

Идея всеобщей вины ставит под сомнение идею мести. Рука не испытывает никакого смягчения чувств в отношении своего врага, который находится в его полной власти, но высказав и еще раз прочувствовав все, что он пережил и впитал от общения с невинными жертвами режима за всю свою чудовищную жизнь, он теряет энергию мести. Вслед за недалеким Николаем Николаевичем, хитромудрым международным уркой и протрезвевшим героем Маскировки, палач Рука даже своим адским путем приходит почти неожиданно для самого себя – в норму. К нему приходит раскаяние, и его покидает жажда мести.

«Рука» – первое несмешное сочинение Юза. Но, конечно, только по жанру, Юз не может не смеяться, обыгрывая навязшую на зубах каждого советского человека фразеологию («Пора принимать высшие меры», «Оттепель – трудная погода для наших органов», или, как Сталин говорит накануне крупной ночной посадки: «Завтра... в доме правительства... будет полно... свободных, то есть, осознанно необходимых нам квартир»).

А история про «мистера Против-64» могла бы составить отдельное сатирически-пролическое произведение, блестящий сценарий судьбы «перестройки сверху». После мучительных колебаний Хрущев соглашается с требованием братских партий, чтобы в угоду демократии, но не два, как они хотели, а один, тщательно подобранный «коммунист с хорошей русской фамилией типа Каренин или Епишев» («На алкоголизм проверить, на слабость передка, на мат, на семейное и международное положение»), – так и быть, проголосовал бы против линии партии. Однако Федор Боронков так удручает Никиту своей антисоветской подкованностью, что тот передумывает и произносит совершенно уже раннеперестроечную фразу: «Нет, Федор, белогвардейская, кулацкая, жидовская, модернистская морда. Голосовать ты не пойдешь. Ты воздержись. Мы так и сообщим в закрытом порядке товарищам: воздержался. Нельзя сразу быть против. Либерализация – процесс бесконечно долгий, как и путь к абсолютной истине».

Переместившись в пространстве, да к тому же еще и во времени, Юз узнал о свободе и норме что-то еще, но остался верен своей стезе: поиску очагов нормы и подлинной свободы в бытии своих бывших соотечественников. Литературный младший брат Николая Николаевича, Сергей Иванович из «Блошиного танго» – существо намного более тонкое. Он знаменит не суперустойчивыми живчиками, а уникальным обонянием. Он носом чует зловоние пороков. Когда в задушевной беседе генерал КГБ намекает ему, что после успешной переделки всего мира «незахороненное захороним, а кое-что из вынужденно погребенного воскресим», Сергей Иванович говорит себе: «Ни за что не пожелал бы я самому себе присутствовать при воскрешении генералами каких-то ихних невразумительных святынь в ими же обгаженной-перегаженной пустыне Будущего...» Вот вам и определение нашей нынешней реставрации «духоуных ценностей».

Пройдя большой творческий путь, Юз вернулся постепенно к сестре таланта – краткости. Его древнекитайские стихи только на первый взгляд могут показаться пародиями или подражаниями. Они совершенно настоящие. В них подлинная поэзия соединяется с абсолютной мудростью, юмором и светлой печалью. В этих стихах Юз воссоздал тот строй души, который невозможно поколебать. Юз в духовном и нравственном отношении – непотопляем. К нему, как и раньше, тянутся, как к спасательному кругу.

Теперь, на склоне всего, становится особенно понятно, что наш человеческий и одновременно абсолютно виртуальный мир держится на каком-то количестве и качестве людей. В любые времена, при любом режиме и при любой погоде на дворе пайка осмысленной

действительности буквально прихвачена на живую нитку благодаря усилиям нескольких, особенно живых умов. Нам и сейчас жизненно важно знать, что думает Юз о независимости Украины и целостности Грузии, о том, нужен ли России особый Путин и не замешан ли наш Вильям, понимаешь, Шекспир в появлении на сцене Полония...

Вклад Алешковского в духовную жизнь России неоспорим и он еще, слава Богу, не завершен, а каждому, кто его прочтет, жить станет лучше, жить станет веселей.

Ольга Шамборант 2001—2007

Автобиографическая справка

*И с отвращением читая жизнь мою
я трепещу и проклиная,
и горько жалуюсь, и горько слезы лью,
но строк печальных не смываю.*

Если бы величайший из Учителей, Александр Сергеевич Пушкин, не научил меня эдак вот мужествовать при взгляде на жизнь прошедшую, то я ни в коем случае не отважился бы самолично знакомить Читателя с небюрократизированным вариантом своей автобиографии.

Откровенно говоря, жизнь свою я считаю, в общем-то, успешной. Но для начала вспомним, что успех – от глагола успеть.

Начнем с того, что успех сопутствовал мне буквально с момента зачатия родителями именно меня, а не другой какой-нибудь личности в Москве, суровой зимой 1929 года. Слава Богу, что я успел родиться в Сибири, в сентябре того же года, потому что это был год ужасного, уродливого Перелома и мало ли что тогда могло произойти.

Затем я успел возвратиться в Москву и познакомиться с уличным матом гораздо раньше, к сожалению, чем со сказками братьев Гримм. Потом я оказался в больнице с башкой, пробитой здоровенным куском асфальта, что навсегда нарушило в ней способность мыслить формально-логически и убило дар своевременного почитания здравого смысла.

Потом я пошел в детсад, но исключен был из него вместе с одной девочкой за совершенно невинное и естественное изучение анатомии наших маленьких тел. Так что в школу я попал человеком слегка травмированным варварски бездушной моралью тоталитарного общества.

Прогуливая однажды, я свалился в глубокий подвал, повредил позвоночник, но выжил. Врачи и родители опасались, что я останусь лилипутом на всю жизнь, хотя сам я уже начал готовиться к карьере малюсенького циркового клоуна.

К большому моему разочарованию, я не только продолжал расти, но превратился в оккупанта Латвии вместе с войсковой частью отца; успешно тонул в зимних водах Западной Двины; потом успел свалить обратно в Москву и летом сорок первого снова махнуть в Сибирь, в эвакуацию.

Вообще, многие наиважнейшие события моей жизни произошли за Уральским хребтом. Так что я имею больше конкретных прав называться евразийцем, чем некоторые нынешние российские политики, стоящие одной ногой в Госдуме, другой в Индийском океане.

Во время войны, в Омске, я успел влюбиться в одноклассницу буквально за месяц до зверского указа Сталина о раздельном обучении двух полов. По другим предметам я в школе драматически не успевал. Это не помешало мне успеть не только схватить от любви и коварства, от курения самосада и голодухи чахотку, не только выздороветь, но и возвратиться в Москву здоровенным верзилой – победителем палочек Коха, умеющим стряпать супы, колоть дрова, растить картошку, а также тайно ненавидеть вождя, с такой непонятной жестокостью прервавшего романтические общения мальчиков с девочками в советской школе.

Я был весельчаком, бездельником, лентяем, картежником, жуликом, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, велосипедистом, футболистом, чревоугодником, хотя всегда помогал матери по дому, восторженно интересовался тайной деторождения и отношения полов, устройством Вселенной, происхождением видов растений и животных и природой социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина,

Дюма, Жюль Верн и Майн Рид. Может быть, именно поэтому я ни разу в жизни своей никого не продал и не предал. Хотя энное количество разных мелких пакостей и грешков успел, конечно, совершить.

Я проработал с полгода на заводе, но школу кончить и вуз так и не успел, о чем нисколько не печалюсь. Вскоре произошло событие не менее, может быть, важное, чем победа именно моего живчика в зимнем марафоне 1929 года, года великого и страшного Перелома. Я без ума втрескался в соседку по парте в школе рабочей молодежи. Любовь эта напоминала каждую мою контрольную по химии: она была совершенно безответна. Дело не в этом.

К счастью, общая химия Бытия такова, что я с тоски и горя начал тискать стихи, то есть я изменил соседке по парте, Ниночке, и воспылал страстной любовью к Музе, которая впоследствии не раз отвечала мне взаимностью. Вообще, это было счастьем успеть почувствовать, что любовное мое и преданное служение Музе – пожизненно, но что все остальное – карьера, бабки, положение в обществе, благоволение властей и прочие дела такого рода – зола.

Потом меня призвали служить на флот. Переехав очередной раз Уральский хребет, я совершил ничтожное, поверьте, уголовное преступление и успел попасть в лагерь до начала корейской войны. Слава Богу, я успел дожить до дня, когда Сталин врезал дуба, а то я обо-гнал бы его с нажитой в неволе язвой желудка.

Вскоре маршал Ворошилов, испугавшись народного гнева, объявил амнистию. Чего я только не успел сделать после освобождения! Исполнилась мечта всей моей жизни: я стал шофером аварийки в тресте «Мосводопровод» и навечно залечил язву «Московской особой».

Начал печатать сначала отвратительные стихи, потом сносные рассказы для детей. Сочинял песенки, не ведая, что пара из них будет распеваться людьми с очистительным смехом и грустью сердечной.

Вовремя успел понять, что главное – быть писателем свободным, а не печатаемым, и поэтому счастлив был пополнять ящик сочинениями, теперь вот, слава Богу и издателям, предлагаемыми вниманию Читателя.

Ну, какие еще успехи подстерегали меня на жизненном пути? В соавторстве с первой женой я произвел на свет сына Алексея, безрассудно унаследовавшего скромную часть не самых скверных моих пороков, но имеющего ряд таких достоинств, которых мне уже не занять.

Я уж полагал, что никогда на мой закат печальный не блеснет любовь улыбкою прощальной, как вдруг, двадцать лет назад, на Небесах заключен был мой счастливый, любовный брак с прекраснейшей, как мне кажется, из женщин, с Ирой.

Крепко держась друг за друга, мы успели выбраться из болотного застоя на берега Свободы, не то меня наверняка захомутали бы за сочинение антисоветских произведений. Мы свалили, не то я не пережил бы разлуки с Ирой, с Музой, с милой волей или просто спился бы в сардельку, заключенную в пластиковую оболочку.

В Америке я успел написать восемь книг за шестнадцать лет. Тогда как за первые тридцать три года жизни сочинил всего-навсего одну тоненькую книжку для детей. Чем не успех?

Разумеется, я считаю личным своим невероятным успехом то, что сообщая со всем миром дождалась мы все-таки часа полыхания гнусной Системы, ухитрившейся, к несчастью, оставить российскому обществу такое гнилостное наследство и такое количество своих тухлых генов, что она долго еще будет казаться людям, лишенным инстинктов свободы и достойной жизнедеятельности, образцом социального счастья да мерою благона-вия.

Так что же еще? В Америке, во Флориде, я успел, не без помощи Иры и личного моего ангела-хранителя, спасти собственную жизнь. Для этого мне нужно было сначала схватить вдруг инфаркт, потом сесть за руль, добросить себя до госпиталя и успеть сказать хирургам, что я согласен рискнуть на стопроцентную успешную операцию на открытом сердце.

Всего-то делов, но я действительно успел в тот раз вытащить обе ноги с Того Света, что, ей-богу, было еще удивительней, чем миг моего зачатия, поскольку...

Честно говоря, если бы я имел в 1929-м какую-нибудь информацию об условиях жизни на Земле и если бы от меня лично зависело, быть или не быть, то... не знаю, какое принял бы я решение. Впрочем, несмотря на справки об ужасах земного существования, о войнах, геноцидах, мерзостях Сталина и Гитлера, диком бреде советской утопии, террариумах коммуналок и т. д. и т. п., все равно я успел бы завопить: БЫ-Ы-Ы-ЫТЬ! – чтобы меня не обогнала какая-нибудь более жизнелюбивая личность. Возможно, это была бы спокойная, умная, дисциплинированная, прилежная, талантливая, честнейшая девочка, меццо-сопрано или арфистка, о которой мечтали бедные мои родители.

Одним словом, сегодня, как всегда, сердечно славословя Бога и Случай за едва ли повторимое счастье существования, я горько жалею и горько слезы лью, но, как бы то ни было, строк печальных не смываю; жену, детей, друзей и Пушкина люблю, а перед Свободой благоговею.

Понимаю, что многого не успел совершить, в том числе и помереть. Не знаю, как насчет остального, например, хорошей натаски в латыни, греческом и английском, а врезать в свой час дуба я всегда успею.

Поверь, Читатель, в чем-в чем, а в таком неизбежном деле ни у кого из нас не должно быть непристойной и истерической спешки.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Опыты на героя

Не знаю, есть ли в истории литературы еще такой случай. Да, конечно, многие классики по 20 лет мурыжили свои сочинения. Переписывали, дописывали, шлифовали, полировали. Мне лично в принципе непонятен такого рода писательский труд – замысел, поиск выразительных средств (а-у-у!), трудности с реализацией задуманного и прочая. Зато легко могу себе представить, что некто способен накатать полифонический роман в кратчайшие сроки, следуя при этом некоему своему особому состоянию мыслей и чувств, не чуя, так сказать, рук и ног, несясь лихорадочно вместе со своими героями по волнам судьбы – так, как будто за ним гонится черт. Еще легче представить себе возможность создания короткого произведения – на одном дыхании и «продиктованного свыше».

Но вот такой случай – казус нового «Николая Николаевича» – мне кажется явлением в литературе исключительным. Переписано автором блестящее, стопроцентно состоявшееся произведение, изданное на многих языках, имевшее огромный успех, для многих – главное произведение автора. Произведение, в котором он впервые предъявил читателям свой неповторимый стиль повествования и мышления, свой метод, свою философию жизни и одного из самых дорогих его сердцу героев. Монолог-исповедь бывшего вора-карманника Николая Николаевича, по страсти и по стилю потрясает с первых фраз. В этом мини-романе Юз впервые заговорил своим неповторимым языком, а читатель впервые окунулся в эту стихию свободы слова не только в политическом, а в методологическом и даже метафизическом смысле. Именно язык, как написал в свое время Бродский, оказывается не инструментом, а главным героем прозы Алешковского. Живой, богатый, новаторский, невероятно емкий язык. Повествование обладает чарующим свойством шедевра – невероятной скоростью, головокружительными перескоками с одного пика победы над невыразимостью экзистенциальной тоски или абсурдности жизни – на безымянную высоту, отбитую здравым смыслом у коллективного бестолкового.

Особого внимания заслуживает возрождение Алешковским похороненной под грубыми и уродливыми крокодиловыми памфлетами и хамскими карикатурами, характерными для сатиры и юмора советского периода – традиции русского «смеха сквозь слезы». Юзово остроумие и его редкостная сердобольность в так называемый «дописьменный период» его творчества оттачивались в невероятной точности словоупотребления при сочинении им песен и расцветали в подлинных перлах его гениальных афоризмов. НН оказался первым в череде потрясающих основы соцреализма и соцпоцмодернизма – неподцензурных и нецензурных памятников литературы русского застоя. Так же, как и в ерофеевском шедевре, в НН и автору, и читателю – «и больно, и смешно», смех и восторг – самая лучшая форма для усвоения горестного содержания. Осмеяние – лучший способ борьбы со злом, целительный для тела и очистительный для души.

С годами стало очевидно, что, несмотря на многотомное и блестящее творчество Алешковского «за отчетный период», т.е. от НН-1 и до настоящего времени – НН продолжает жить в Юзовом сознании. Он персистирует, как возбудитель хронического заболевания. Он часть Юзова существа. Юз верит в НН. Доверяет его воображаемой реакции на бытие. В свое время он добыл НН из очень глубоких слоев безвоздушного пространства советского инобытия, как некое очень полезное ископаемое, а потому обновить роман – значит – добыть реакции НН на новые вызовы безбожной комедии нашей жизни. В девственной, но здоровой башке НН постоянно осуществляется синтез. Каша в его голове – это то, что получается от совместного бурления навязываемых советской пропагандой штампов, кулуарных разговоров в полуподпольной лаборатории, уроков мудрости жизни от старшего товарища – международного урки, литературы, прочитанной в процессе дровички на благо науки (НН -

донор спермы для новаторских экспериментов подпольных советских генетиков) и его собственного природного нравственного чутья. И потому особенно велик соблазн пустить НН по новому кругу бытия в небытии. Юзу интересно, а читателю полезно узнать, как и куда он поместит то или иное событие, ту или иную информацию – в свою здраво мудацкую иерархию ценностей. Уже в многотомнике, изданном в России, Юз чуть-чуть дописал НН, уже двадцать с лишним лет назад НН стал ему мал. И вот теперь – нет, Юз не замахнулся на НН-2, на НН в иной исторической эпохе. Он просто фантастическим образом пропустил в прежние обстоятельства места и времени – новые знания. НН прошел краткий курс повышения квалификации, а Юз предъявил нам свое, авторское новое прочтение. Прочтение удалось запечатлеть то ли поверх, то ли рука об руку с исходным образом. Юз продемонстрировал нам результат интереснейшего эксперимента – литературный герой оказался матрицей, подходящей для многоразовой процедуры осмысления и преодоления бытия.

Николай Николаевич – архетип. Как и Дон Кихот, над которым он сам плакал три недели вместо того, чтобы ударно драть на благо научных дерзаний. Его адаптационные способности безграничны, но при этом в нем нет ни тени вульгарного приспособленчества. Он органически неспособен ссучиться. Расширение его возможностей никак не сопряжено с падением. Ему, так или иначе, присуща НОРМА, с высоты которой он брезгует, не доверяет, сторонится, сочувствует или, как в случае Влады Юрьевны – благоговееет перед тайной совершенства.

Исходный НН потряс в свое время, кроме всего прочего – невероятной скоростью авторской мысли. Фразы были короткие и при этом невероятно емкие. Между словами зияли и сияли бездны сжатого смысла.

Теперь Юз создал «расширения». Прикоснувшись своей рукой к этому произведению снова, он словно на интерактивном экране добывает новый урожай – уточнение и размножение смыслов. НН остается самим собой. Он – матрица. Здоровое начало. Человек, который звучит гордо, даже будучи использованным в качестве подопытного существа наукой, советской властью, властью тьмы и волей автора. В расширенном варианте НН в еще большей степени представляется собирательным образом здравомыслящего не окончательно испорченного всенародного доброго молодца, который через все завалы советского экзистенциального бреда, похоже, все-таки выбирается на сушу труднодоступного пайка нормального существования на свете – прочь от коллективного безумия, прочь даже от взрастивших его интеллект ученых, которые по грустному признанию старичка Академика, тоже заняты суходрочкой, прочь – в тихую гавань любви и мирного созидания. (Не так же ли поступил и сам автор, когда свалил, по существу, не в Америку, а в частную жизнь, продлив ее в дали от суетной молвы – на радость себе, семье, читателям и друзьям?)

Забавно, но, похоже, Юз сам заразился от героев своей книжки, экспериментировавших на сперме Николая Николаевича с помощью прибора ИМ-1 (искусственная матка), и его неудержимо тянет экспериментировать на феномене Николая Николаевича, как например, на приборе НН-1. И трудно с ним не согласиться! Это и вправду интересно и небесполезно.

После временного якобы повзросления человечества мы сейчас как будто бы опять становимся свидетелями и участниками, и жертвами, конечно, ситуации, когда ничто, никакие знания-образования-умения не помогут и только нравственное чутье, звериная врожденная благонамеренность смогут или не смогут уберечь нас от гибели.

А вот Николай Николаевич слинял-таки от навязанного ему способа существования белковых тел – у него лично, а не под руководством партии, правительства, науки или даже Влады Юрьевны, – у него лично стоит теперь на дореволюционную книгу «Как самому починить обувь»! Это очень важный момент. Несмотря на все льготы хрущевско-брежневской тотальной дрочки НН выбирает для себя скромное созидание. Нет, не свершения и не замашка на прежде небывалое – починка уже имеющегося и обидно подразваливше-

гося. Господь создал прекрасный мир. С тех пор он только портится и уже изрядно преуспел в этом. Его надо починять, желательно своими руками. Николай Николаевич не только перестал воровать, не впрягается в ярмо рабского труда – он даже перестал дрочить в прямом и переносном смысле, он пошел дальше интеллигенции по пути избавления от иллюзий дьявольской мании величия. Он становится человеком, который намерен звучать ГОРДО и при том – НЕФАЛЬШИВО.

Ольга Шамборант

Николай Николаевич

Ирине Розенталь-Никифоровой, Алеше, Ольге Шамборант, Андрюше Битову и моей, в те дни рожденной Музе – на память о поддачах, комарах, свежей треске, землянике, дивных дюнах Рижского взморья.

1

Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А если заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, заодно уж и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, прибарахлен, усами пошевеливаю, как кот, словивший мышь, «Волга» бегают, хата, заметь, кооперативная, а жена – скоро кандидат наук, главное, любовь ведь свыше нам дана, замена счастью она, примерно так сказал тот же Пушкин. Жена, в натуре, загадка – не менее, а если более, то тайна природы. Этот самый сфинкс с отбитым носом, который в Египте – я короткометражку видел, – говно по сравнению с ней. В нем, кроме памятника, и раскалывать-то нечего, если разобраться. Ну о жене речь впереди. Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интеллигентней, и шнифты не разбегаются, как у зайца. Закусывай, а то совсем окосеешь и еще лет триста умом Россию не поймешь... я тоже, как видишь, совершенно ее не понимаю, но все-таки закусываю.

Короче говоря, после войны освободился я девятнадцати лет, образование – от звонка до звонка – культурные трехлетние беседы с различными врагами народа, замечательно умными русскими, евреями, литовцами, чеченами, немцами и прочими равноправно посаженными членами дружбы народов. Тетка меня в Москве прописала: ее начальник паспортного стола ебал прямо на полу в кабинете. И месяц я нигде не работал. Не хотел. Куропчил потихоньку на садке, причем без партнеров, даже пропаль перепулить быю некому. Артистом называли щипачества, легендой такого вот артистизма. Если б Сталинскую премию за него давали... впрочем, хули пороть утопию? Видишь пальцы? Ебаться надо Ойстраху – мои длинней. И, между нами, чуял я этими пальцами, что за цвета у купюры в лопатниках или просто в карманах. А сколько в Москве залетных щипачей, но парчушек, которые за рубль горят или за пару билетов на футбол со Спартаком? Тучи! Тянут лопатник и тянут, сохатые, как дедка репку, вытянуть не могут, потеют, на цырлах балансируют, потом вы-тя-ги-ва-ют, тут их – за жопу и в конверт. У нас в стране, чтоб ты знал, не считается, сколько спиздил, главное – не воровать.

Как, спрашиваешь, однажды я сгорел?.. нет, не жадность, сука, погубила – собственный волюнтаризм подвел, моего хуидола... дело прошлое, одна цыганка мне гадала – мы с ней кувыркались-клоунадили за кулисами театра Ромен: остерегайся, мой хороший, автобусов... не внял я, позорник, не внял... была в том проклятом автобусе полезная давка... я заподлицо прижался к тендеру одной охуительно аппетитной дамочки... в сумочке бабки нащупал, вытянул, перепулил их за отворот ботинка, работаю, блядь, как Игорь Кио – хрен уследишь, где фокус, где фикус, то есть накомь выкуси, Петровка 38... и вот тут, надо же, они, сволочь, изволили, видите ли, заторчать... плевать данному органу – одна из его кликух, Шершавый – на чувство реальной, как дважды два, опасности и наоборот... это не одно и тоже – научись размышлять, скептик ты ебанный... он себе тупо упирается, как ишак у Хаджи Насредина... куда, блядь, куда?.. ну хули ты пристал?.. я же позади нее стою, а ведь у любого, как известно, хуирода заместо трезвого ума – лишь инстинкт самовставания тогда, когда залупой вниз болтаться надо... скажу тебе так: ни в истории, ни в географии природы – ни малейшего не будет

порядка, пока они, хуидолы и хуироуды всего человечества, не начнут вставать вовремя, как, допустим, у собак, котов, тех же ишаков, слонов, моржей и других млекопитающих... проблема-то в том, что демография у народа вшивовата, вот, кирюха, в чем дело, тогда как самой ебли на душу населения намного больше, чем дальнейшей нужды в быстрейшем укреплении породистого генотипа нашей популяции – иначе нам пиздец... вот тебе и а-а-а!.. я и сам такой: всю дорогу завожусь с полоборота, но это уже профессия... как видишь, являюсь не только инструктором-мастурбатором высшего разряда, но и испытателем не хуже самого Коккинаки... я даже сейчас, вроде тебя, тахикардирую, как у окошка женской бани, давление скачет, прерывается дыхание... это злоебучая либедуха загуляла по буфету – это она... если хочешь знать, мы, козлы, попривыкали ее использовать все больше ради кайфа ебли, а не заветного распоряжения, общеизвестно Кого именно, насчет плодитесь и размножайтесь, так как ебля это вам не игрушка... позже узнаешь, что это за звери – либедуха и Эрос, промеж ног который у тебя вырос вместо умственного развития обоих полушарий того же не обученного мозга... автобус, значит, пыхтит, мой, еще раз подчеркиваю, тупо упирается в самую что ни на есть святую для каждого существа женского человеческого пола позицию... еще пяток секунд, и он, как бывало, кончил бы в трусики – плевать ему на них, не он стирается... но, как и было мне цыганкою нагадано, судьба распорядилась по-своему, так как, в ее глазах, любой шершавый – пшик, зола, ничто... чудесная дама завопила на весь автобус, прямо в член моих мудей вцепилась, я остолбенел... чехты, горю с поличным, хотя потом уверял я следака, что чьи-то бабки мне в ботинок нарочно перепулил какой-то жулик в форме капитана МВД, которого немедленно надо бы отыскать, поймать и обезвредить... бесполезняк – все такое нашему следствию похую, не в Америке находимся... но вот какое странное дело: точно такого, как я напророчил, щипача, в офицерской форме, отловили с поличным через пару дней, а меня тут же разогнали... теперь до конца срока жизни – хуй вот я еще разок в автобус сяду... лучше поползу по мостовой, скажем, в бар, чем сесть в коварный этот вид транспорта.

Ну ладно, куропчу себе помаленьку. Маршрут троллейбуса «Букашка» освоил и трамвая «Аннушка». Ксивы разные, заметь, не брал. А если попадались, я их по почте отсылал или в стол находок перепуливал – надо все ж таки совесть иметь. Был при бабках. Очень изводила, в тесноте, близость девичьих и женских даров природы. Иногда, на всякий случай, подвязывал шершавого косынкой к ляжке, чтоб в давке не осатаневал, грешный дьявол преисподней.

А у метро «Кировская» процветала ярмарка девчонок и бабенок, домработниц. Эти трясогузки летали стаями в столицу, так как хули им было толку от вшивых колхозных трудодней. Наебешься, бывало, с двумя-тремя ночью, в Нескучном, так, что коленки подгибаются, как у новорожденного телка. Один раз ебанулся в обморок, девки ужаснулись, сбегали за «скорой», санитары увезли меня на носилках во Вторую Градскую – почти не дышал, порол какую-то хуйню, так что запомни: подбалденный перееб намного вредней трезвого недоеба... да, да, перееб – нечто вроде заворота кишок и болезни Приапа... Приап был царем, кричал от боли, поскольку хер его моржовый, то есть авторитетный, в древнем мире, член, вообще никогда не ложился... согласен, частично поэтому пиздец и надвинулся на всю древнюю Грецию – от нее остались только боги, их резиденция в горах, остров Лесбос и Олимпиадное движение спортсменов к финишам различных стартов. Не спасибо – не следует кирюх благодарить за соль, лекарства, спасение от смерти и за уроки истории – это хуевая примета. Я уж собирался поджениться на дочке теневика-миллионера, но она была тупа, некрасива, лопала много конфет, даже не помогало устрашение, что жопа слипнется от бесконтрольного такого пережора сладостей. Мне это обрыдло. Честно говоря, свобода всех телодвижений личности дороже трехразового питания и полового отъебона, причем, безо всякой любви. Потому что только любовь к одной во всей Вселенной даме сердца

чудесно сдерживает свободу распутных, как это бывает, телодвижений – вот почему, и хватит, я сказал, кончай почемукать!.. Вдруг тетка говорит:

– Сосед тебя, Луку Мудищева сраного, в институт к себе берет. Лаборантом будешь. Все одно – погоришь. Гуталин велел политбюро разделить твоё ворье на сук и блатных, чтоб, как с тифом и другим геморроем, жестоко и навсегда покончить с преступным миром. Это не параша: у моего полубовника брат на Лубянке шпионов мышеловит – он все знает прямо от Берии, с которым на вась-вась. С чем-чем, а с садизмом прокурорской власти у нас не заржавеет. Я перебздел. Везло мне что-то очень долго. Специальность получить хотелось, но работать не любил. Не могу – и все. Хоть убей. На зоне кто не работает, тот не ест, а кто мантулит и, как лошадь, упирается, тот вообще – дистрофик, доходяга, долго не живет. Отучили людей мантулить по-совести, особенно, в лагерях. Кроме того, воровка никогда не станет прачкой, а урка не подставит свою грудь. Пришлось идти в институт к соседу, потому что примета есть такая: перебздел, значит, вот-вот погоришь. И в натуре, замечаю в трамвае, как и в троллейбусе, топтунов в штатском, у них в карманах «несчастья», в шнифтах жестокий блеск.

С соседом этим, в институте который, мы по утрам здоровались. Он в сортире подолгу сидел, газетой шуршал и смеялся. Воду спустит и хохочет. Ученые – гад буду, все они авоськой стебанутые. По-моему, он, в комсомольском возрасте, тоже мою тетку ебал. В общем, устроился я в его лабораторию. По фамилии – Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. Внешность вполне благородна, ничего себе – красюк, но какой-то, блядь, усталый, седоватый, хоть лет ему всего под тридцать шесть, похож на помесь Калинина со Шверником минус козлиная борода всего лица.

– Будешь носить реактивы и помогать ставить опыты. Захочешь -пойдешь учиться. Что скажешь?

– Нам татарам – одна хуй. Что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать.

– Твоего постоянного мата я больше не слышу.

– Всегда-пожалуйста, хотя мат сближает человека с судьбой его личного дела и личных вопросов других людей.

2

Неделю работаю. Таскаю хуйню всякую, склянки мою, язык солью какой-то обжег в обед, яйца всмятку хавая, ну и закономерно дристал дня два чем-то синим. Думал, соль поваренная, а она, падла, химической была. Бюллетень не брал однако. А то бы в очко миномет вставлять начали, как в лагере. Чернил пузырек я тогда, у опера, уделал, чтобы на этап северный не идти. Собственно говоря, работаю. Оборудую новую лабораторию. Микроскопов в ней с хуеву тучу, навалом приборов, моторов, реторт, змеевиков, реостатов и рубильников – я их с детдома уважаю. Были там и клетки с белым расизмом мышей, против чего боролся Мандела. Нас выгоняли на митинг, руки прочь от которого, но я сачканул, закосив резь в желудке от той же дристогонной химсоли. Вдруг мне надоело упираться, верней, остоебенило. Я даже пошалил. В буфете у начальника отдела кадров лопатник из «скулы» увел ради тренировки искусства своей профессии. Что тут началось! Взвод в штатском прикандехал на замаскированном броневице, из института никого не выпускают. Генеральный шмон, разве только в очко не заглядывают. А все из-за чего? Я с лопатником пошел в сортир отбомбиться, раскрыл, а в нем хуй ночевал – нет бабок. Только ксивы и пара доносов. один – на Кимзу. Науку совсем не туда саботажно направляет со стрелок истории нашей партии, на собрании не поет интернационал, не хлопает, голосуя принимал отвратительный вид вредителя народа, а также с ненавистью, жидовская морда, выключает всесоюзный голос Юрия Левитана, все опыты вышеуказанного экспоната направлены против человека, который звучит гордо, и поэтому косвенно расшатывает экономику.

Понял? Червонцем завоняло для Кимзы. Пятьдесят восьмой. Но я стукачей не люблю, более того, презираю этих глистоппявок. Нет, теми доносами я не подтерся, а спустил их в унитаз. По ним, получалось, что весь институт – сплошной заговор осинового гнезда, а значит, я тоже состою в числе заговорщиков. Донос на Кимзу я из сортира вынес. Взятый лопатник мойкой расписал на части и тоже спустил в толчок канализации всей страны. Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел. Застегивая ширинку, вежливо объяснил танцующему сотруднику, что химией обхавался и что дверь в сортир – не зуб мудрости, нехуй ее дергать, надеюсь, въехали?

– Смотрите, – говорю Кимзе, – ксива на вас.

Он прочитал, побледнел, поблагодарил меня, все понял – и хуяк бумажку в мощнейшую кислоту. Она у нас на глазах растворилась к ебени бабушке. Так вот гангстеры в Америке растворяют стукачей, хотя у нас нет свободной продажи подобной кислоты. Как что было бы, если б выбрасывали ее на прилавок? Приводишь иного неумно зловредного сексота, ии соседа-доносчика, допустим, на свалку. Там уже стоит полный чан самой царской серной кислоты, бросаешь туда крысеныша, посадившего уйму настоящих людей – все, пиздец – в природе больше нет еще одного настырного врага человечества. Вдруг меня дергают к начкадрами с помощниками. Я, сам понимаешь, в несознанке, так как не могу и не желаю иначе.

– Не такие, как вы, портные шили мне на Петровке дела, и то они по швам расползались в первую же примерку!

– Показания есть, что ты позади меня в очереди терся. Может, старое вспомнил?

– Ебал я все показания, кроме дружеских. Много ли там было бабок?

– Если речь о деньгах, то их совсем не было.

– Ну, тогда бы я на такое говно никогда не позарился. У меня не пальцы, а глаз-алмаз, как у Вольфа Мессинга, так как чувствуют, что в лопатнике: капуста или немудреная всякая ксивота.

Ну они там посмеялись. Отдохнули, видать, с моим простым языком, а не со всякими «Да здравствует, блядь, всегда вперед, но если, как сказал Чехов, у врага народа все находится в прекрасном состоянии – и шнифты, и прическа, и шмутки, и душа – то его уничтожают к ебене фене». В общем, меня отпустили.

Назавтра говорю Кимзе, что работать больше не буду. Принципиально – я не рабочий, а артист своего дела. Я, говорю, на тахте люблю лежать и хавать книжки. Тут он как-то странно покнокал, то есть не просто так косяка он на меня давил, как это делает начальство, когда его начинает поебывать какая-нибудь мудацкая идея. Потом начинает издали насчитывать важности для всего человечества этой его молекулярной биологии, и что он начинает опыты, равных которым в истории не бывало нигде и никогда. Одним словом, эксперимент. И ему необходима моя работа, названная то ли благодарной, то ли благородной, во всяком случае, заебенно творческой. Но самое интересное, что она и не работа, а сплошное удовольствие, причем высокооплачиваемое. До такой насладительности тыщу лет ебаться надо всем остальным наслаждениям. Главное, как говорил Аристотель, не бздеть надо, пояснил Кимза, пердячим сероводородом, а отнестись к ней, к работе, по-мужски, без предрассудков и с далеко идущей мыслью о будущем человечества. Кимза – его речь я делаю для тебя понятней – чаще всего напирал то на грядущее, то на историю, потому что, говорит, татаро-монгольское иго зверски притормозило прогресс науки нашей родины лет на триста, ну и Европа, естественно, влупила нам, как ты выражаешься, шершавого – по самую носоглотку. Верней, нас она обогнала по всем предметам, пока мы, распиздяи курские, брянские, орловские и прочие, богатырские свои раззявив варежки, отсиживали свои жопы – зимой на печках, летом на деревьях – и пели, гондоны, широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Короче, всех нас русских, включая сюда дружбу народов, так исторически наебали, что лично тебе, Коля, выпадает масть отыграться – есть во весь! – за все такое международное блядство торможения научного прогресса родины Ивана Сусанина и Зои Космодемьянской, Александра Матросова и артиста Николая Крючкова. Не все ли тебе равно, мудила, это Кимза увязывает героиню войны с космосом, или я?.. а раз все равно, то хули ты каждый раз выскакиваешь, как яйцо из ширинки.

– Слушай, сосед, не еби ты мне мозги, о чем речь-то? – говорю Кимзе.

– Ты должен стать донором.

– Кровь, что ли, сдавать, потом ее же и пропивать?..

– Нет, не кровь.

– Что же, – смеюсь, – если речь о говне или о ссаках, то я не кулак – всегда готов отдать такое свое добро в копилку пятилетки нашей страны.

– Сперма нам нужна, Николай. Сперма!!!

– Что за сперма?

– То, из чего дети получают.

– Какая же это сперма? Это – молофейка. Молофья, трекать если по-научному.

– Ну пусть молофья. Согласен сдавать молофью для науки? Только не пугайся. Позорного в этом ничего нет – наоборот, все мы, имею в виду многострадальную нашу отчизну, совершим с твоею исторической помощью героический рывок, приделаем заячьи уши прошлым, а также нынешним Чингисханам Запада. Кстати, полнейшая тайна такой сдачи тебе гарантируется. Твердо.

– Я готов – это заебись, как смешно, главное, не по-троцкому, а по-нашенски, по-мушкетерски. А сам-то ты чего ж не сдаешь молофейку? – Кимза сразу помрачнел и нахмурился.

– Во-первых, дирекция обвинит в выборе объекта исследования по родственному признаку, во-вторых, достаточно во-первых. Давай, соглашайся.

Тут я сел на пол и хохочу, стараюсь не обоссаться, как защекоченный. Ни хуя себе работа – аж аппендицит заныл безбожно.

– Зря ты ржешь, Коля, ты же не болван, зря. Сядь и послушай, для чего нам нужна твоя сперма, – сказал Кимза.

Шутки-шутками, а я прислушался, и оказалось, что план у Кимзы таков: я дрочу и трухаю, что одно и то же, а молофейку эту тончайше вмазывают на поверхность спецстекла и всячески под микроскопом изучают. Позже попробуют ввести таковую молофейку в матку бесплодной особе женского пола и посмотрят, влетела она, или нет. Тут я его перебил насчет алиментов в случае чего. Заделаю вот если десяток пацанов с пацанками, а потом, значит, шевели рогами в получку, как накормить, напоить и прибарахлять всех этих разьебаев из мною же заделанной шоблы-еблы, да?

– Оплату труда и временную – до исторического торжества нашего реванша – как и тайну твоего научного подвига тоже, твердо гарантируем, пусть данная проблема тебя не колышет. Ни о каких алиментах не может быть и речи.

И еще у него имелись – совершенно уже секретные планы – всестороннего исследования моей молофейки. Обещал их перечислить, как только приступим к опытам. А хули, думаю, капуста подзаработает за свою самозавестно околонаучную деятельность, куплю домик в Крыму с фруктовым садом, заведу гарем, как крымский, из ссылки приканавший, татарин. Ну и появляю себе по очереди тройку баб, колупаюсь там с виноградом дамские пальчики, с клубникой и прочим мармеладо-повидлом – насрать мне разом на все ихние пятилетки и отдавание бабок в долг партии с правительством на дальнейшее развитие народного хозяйства. Это они, козлы, так поливают, а в натуре наши бабки прожигают ижди-венцы-паразиты забугровых компартий, ну те, которые готовят мировые кризисы, пожары и прочие революции, я бы папу ихнего ебал.

Веришь, кирюха, у меня заторчал от всех этих ебоглазых разговоров – хоть сию минуту начинать трудиться во славу родины социализма и демократии передового правосудия!

Мне это было не впервой. До тюрьмы я не дрочил, а на зоне каждый сотый не трухает, остальные девяносто девять дрочат, как сто. Если сгоришь на трех своих вокзалах, сам помастурбируешь, намотаешь всю эту ебаную апперцепцию себе на ус – куда ты нахуй денешься, немедленно если не завяжешь, не начнешь трудиться. Учти, наша зона – далеко не тюрьга за границей, где человеко-зек имеет право на ученье, отдых и на труд. Само собой, при отличном поведении, раз в неделю, в ЛондОннах-Парижах, ихнему зеку-человеку положены строго регулярные половушные контакты с заказными Нинками-Зинками-Лизками и прочими Ирисками. Кинет тот человек пару-тройку палок – вот и дрочить ему уже не надо, и именно такое положение вещей называется – гуманизм. А то едешь в «Анушке», кнокаешь в окошко, на каждом шагу гуманизм, блядь, гуманизм, а в тюрьмах что и на зоне? Зеков вместо гуманизма держат в черном теле – вот что, ебена кровь. А на воле, допустим, тому и другому полу негде поебаться из-за жилищного вопроса, то есть негде. И, выходит дело, в одной стране, отдельно взятой чертями за жопу – такова уж ее судьба – весь злоебучий половой вопрос перекосячен сикось-накось. Я это к чему?.. Все дело в том, чтобы такие издевательства над либедухой морально не переживать... я же сказал, что о ней – позже, или не сказал?.. Ну подрочил на зоне – и подрочил, отдал природе должок – и отдал. А другой подрочит, утречком уныло канает на вахту, как убитый – страдает от ядовитого презрения к слабости своей воли. А что потом? На всю жизнь себя он этим переживанием калечит. Да, на всю жизнь. Он уже говно, а не летчик-испытатель Коккинаки. Знал я Мильштейна Левку, мошенника, мы с ним кушали. Отбой, зеки сеансов поднабрались после трофейной киношки, ну той, которая, в общем, есть у тучки светлая изнанка, а также нагляделись на забугровую голожопость дамских фоток. Тишина, за работу принимаются кожаные движки... темная ночь, ты, любимая, знаю, не спишь... и с другим лейтенантом лежишь... и поэтому, верю, тайком... ты слезу вытираешь... какой там нахуй для нас, в бараке, гуманизм?.. Не до дрочки только врагам народа, переломанным на Лубянке, доходягам и прочим инвалидам. Левка Мильштейн

зубами скрипит, борется с собой и постепенно засыпает. Я ему советовал прочить хотя бы раз в месяц, День Красной Армии, 8 Марта, Первомай и по революционным праздникам, религию не трогаем, но он – ни в какую, потом попал в дурдом, его комиссовали.

Ну ладно. Задумался я и спрашиваю Кимзу про условия. Сколько раз спуск? Какой отпуск, рабочий день, оклад, название должности в трудовой книжке?

– Во-первых, будь добр, не говори «спуск, спускать» – ассоциируешь волшебство таинства спермы с ничтожеством говна в унитазе коммуналки. Во-вторых, оргазм – ежедневно по утрам, всего один раз, еще два часа на отдых, а также на усиленное питание для возрождения новых сперматозоидов, они же живчики. Оформим тебя техническим референтом. Оклад – по внештатному расписанию, так как должности, подобной твоей, еще не бывало в многострадальной истории нашего отечества, а может, и всего человечества. Рабочий день не нормирован. Восемьсот двадцать пять рубчиков. Ежемесячная прогрессивка. После результативного оргазма и отдыха – кино, цирк, футбол, но ни в коем, понимаете, случае не алкоголь и не шаланданье к гунявым профурсеткам блядского типа. Воздержись от коитусов вообще и в частности.

3

Я вида не подал, что удивился, я просто охуел, как вот ты сейчас. Приду, думаю, струхну, времени полно – эх, Коля, канай фокусничать пальчиками на трамвае «Аннушка», в троллейбусе «Букашка». В случае, если погорю – смягчающее обстоятельство: работаю в секретном институте, где вредность для характера, порча невменяемых нервишек, зряшний износ организма – он, блядь, скажу, не железо-бетонный. В общем, согласился. Вечером сходил к Фан Фанычу, учителю, старому международному урке. Высшего класса был жулик, профессор нашего искусства, пока границы не закрыли на Карацупу и его верного друга Ингуса.

– Ты, – говорит он, – счастливчик, ты везунчик, но продешевил: молофейка дороже черной икры стоит. Конвертируется почти наравне с платиной, радиоактивностью и другой металлически редкой мудозвонией. Они же тебя наебали! Я бы этим биологам поштучно бодал свои живчики. На то им и микроскопы дадены – мелочь подсчитывать. Поштучно, блядь! Понял?

– Понял, как не понять, я – вполне мыслящая жопа, значит, существую. Ведь живчик – это самый наш цимес. И на здоровье частая дрочка дурно влияет, усыхает спинной мозг, как у Николая Островского. Не бзди, Фан Фаныч, цену я постепенно подниму – не ффраер.

– Жалко вот, нельзя разбавить молофейку, вроде как сметану в магазине, или квас с пивом, раз уж у нас Советская власть во главе с вороватым социализмом демократии высшего пошиба. Тоже навар был бы.

– Не согласен. Молофейка, конечно, не сметана и не пиво, но во ее-то не надо разбавлять, не надо. Это наводит порчъ на народонаселение всей страны. Например, мне лучше уж похимичить, как химичит весь наш народ. То есть я, попридержав кайф, выдаю нагора не всю сразу порцию молофейки с одного оргазма, а чуть меньше половины, как меня учила Шурка, пионервожатая. Это, я думаю, вполне безобидная экономия личных средств, не мешающая опытам. Все равно ведь во всем мире ни за хуй погибает 90 процентов живчиков, если не больше.

– Не советую придерживать, нельзя прерывать половые сношения даже с Дунькой Кулаковой. Испортишь силу воли, тогда и ноги пойдут невпопад, как у алкаша в снегопад. Я одну даму из-за этого разогнал. Только и вопила: «Будьте добры, извергайте, пожалуйста, ваш спрыско-спуск куда-нибудь в другое место!» «Может, в среднее ухо?» – спрашиваю. «Все равно куда, лишь бы не в мир кляйне мутер!» У меня, на почве прерывания, ногти ног и рук почти перестали расти. Пришлось разогнать эту даму. Поезжайте, рекомендую, ффрау, в колхоз имени Гитлера, где и сливайте молоко в бидоны. Так что кончай уж, Коля, чисто по-человечески. Тащи бутылку с получки. Сдери там с них молоко за вредность трудовой задачи и скажи, что тем, которые успешно сдали кровь, с уважением несут на тарелках бациллу. Не будь ффраерюгой. Ведь в Америке пять раз струхнешь – спешишь, как Чарли Чаплин, к конвейеру и получаешь новый фордик. Понял?

4

Ну заявляюсь поутрянке на работу, краснею, здороваюсь с белыми халатами – тужусь, так как разбирают смехучки и немного за себя неловко, как девчонке кинуть палку в телефонной будке, если страшнейший на улице мороз. А с другой стороны – хули, думаю, краснеть? Пускай ебучее человечество пользуется. Может, моя самозаветность пойдет ему на пользу. Смотрю, для меня уже хавирку маленькую приготовили, метра три с половиной, правда, без окон, как камера у графа Монтекристо. Лампочка матового света. При такой дрячье полезней, чем с лампочкой Ильича. Тепло. Лично я, на месте любого вождя, ебал бы всякие мавзолеи, где очереди, как в общественный сортир. Оттоманка стоит. Рядом, на стуле, открытая ждет пробирка для порции моей трудовой молофейки.

– Ну вот, Николай, твое рабочее место, – говорит Кимза.

– Только договоримся – без подьбок.

Тут Кимза и велел мне не развивать в себе какой-то комплекс неполноценности, а, наоборот, гордиться, что сначала я стану секретным, потом всемирно известным первопроходцем в науке и передовой, можно сказать, пионерской гинекологии.

– Все такое, – наглею бесстыдно, – нужно мне, как пятке хуй, лучше пуляйте за вредность булку белого, птюху черствого, триста грамм любительской с фисташками и жареного фашиста в очках.

– Располагайся. Приступай, сразу научись докладывать нажатием красной кнопки о приближении извержения семени. Как только скомандую бригаде ученых: внимание – оргазм! – вдумчиво его восприми, затем смело и без потерь извергай подопытную сперму. Сразу после оргазма прошу не зевать, а осторожно закрыть пробирку пробкой.

– Чтоб они не слиняли в побег?

– Я тоже прошу – без шуточек, – взъерился Кимза, как елдою вдаренный промеж шниф-тяр.

– Тогда уж и ты называй результат вредной моей работой как-нибудь по-нашенски – лучше бы по-русски. А то какой-то, видишь ли, у вас «оргазм» – это вредно пахнет вопросами марксизма-ленинизма.

– К сожалению, Коля, не имеется в нашем великом и могучем ином слова. В этом тоже виновато Чингисханство, Иван Грозный и прочее крепостничество. Теперь еще вот гениев поубивали, а вместо Вавиловых расплодили вонючих Молодиных. Тебя ждет работа всего коллектива – трижды вымой руки спецмылом до чисто хирургической кондиции!

– Сучий потрох, возмущаюсь, какая может быть история у всего народа, когда он нихуя не имеет важнейшего слова... нет, вижу, умом, в натуре, Россию не понять, и я теперь не успокоюсь... ну просто все у нас, блядь, имеется: и одна шестая суши – не то что у японцев, у них всего-то от хуя уши – мы и фашизму ввели в очко залупу с отворотом... само собой, Пушкин с Есениным, по небу полуночи ангел летел, потом Лука Мудищев... в смысле, ебется вошь, ебется гнида, ебется тетка Степанида, ебется северный олень, ебутся все, кому не лень... хули говорить? – тут и дружба народов с балетом, и вообще по самую горлянку – лесов, сука, полей и рек, и за столом никто у нас не лишний, кроме врагов народа, и мавзолеев Ленина-Хренина, а в стене Кремлевской, как меда в ульях, заслуженных пеплов с сожженными прахами – короче, каждый божий день миллионы рыл кончают, сука, кончают и кончают, ахают и охают... мы все-таки являемся нацией дружбы народа, а не хуем собачьим, но почему-то на русском совсем никакого не имеем «оргазма», главное, ни одного ученого это совершенно не ебет, а с меня не слазит... нет, такое положение официально я в гробу видал... не желаю его списывать на Чингисхана и другие оккупационные организации, допустим, на КПСС, припишем к ней, как толкуют во дворе, сионских мудрецов

будто бы мирового жидо-масонского заговора... в общем, это у меня не понтовая эпилепсуха из-за «оргазма», а натурально русский заторчал в уме вопрос.

Ладно, я отвлекся... закрываюсь в своей комнатухе, она же бывший ленинский уголок, прилег, задумался, вспомнил, хер знает почему, как в побег с сельхозработ ушли мы с кирюхой в бабский лагерь и переебли там всех вороваяк, а те, кому не досталось, все больше фашистки и фраерши, трусы с нас содрали и на части их разодрали, чтобы хоть запах мужской иметь под казенными одеяльцами... вспомнил, значит, а мой змей горыныч уже, как кобра под дудку, башкой своей грешной поводит... вновь терпеливо поясняю: кобра – это очкастая дрессированная змея... затем беру дальнейшую эрекцию в свои грабки. Я тогда ебся не так уж и регулярно, сразу, не заметив как, струхнул... полпробирки собрал, на которой разные наляпаны секретные значки и другие черепа, дескать, поосторожней с живчиками, они вам не кильки балтийские в прямом посоле, но нефуфловое будущее для разных злобучих планет... целый млечный путь, как говорил, подروحив, мой сосед по нарам, бывший астрофизик... астры – это не цветы на могиле, а исключительно звезды... на него дружок стукнул, что он Землю как планету в рот ебет, если на ее одной шестой происходит такая большевицкая хуета, что ни в какие ворота она вообще уже не лезет... опять, сука, отвлекся... знаешь, почему отвлекаюсь?... в нашей научной конторе больно уж я привык к интеллигентному треканью, а с тобою я от всей своей души оттягиваюсь, так как, клянусь, охуенно люблю речуги детства круглосиротного и, никуды не поделаешь, фени юности моей жиганской... тараню пробирку Кимзе.

Кимза размазал немного молофейки по стеклышку, а остальную в какой-то всовывает прибор, весь который обледенел, так что пар от него повалил, как из ширинки Дед-Мороза, пыф-пыф-пыф... говоришь, не может пар из ширинки валить?... да, я этот факт своими глазами еще в первом классе детдома зафиксировал... тогдашний внутришкольный Дед-Мороз, он же физрук, надрался в сардельку и ввалился на урок во всей форме, усы, борода и прочий серебряный иней, все на нем мигает, сука, все на нем блестит... этот физрук в нерабочем положении пилил нашу Фаину Петровну, которая на городской елке халтурила Снегурочкой... и она, то есть училка, захипежила, мол, у нее урок арифметики, тут двадцать восемь маленьких граждан, короче, шел бы ты, сволочь постоянно буханутая, в жопу... тут Дед-Мороз, в ответ – как рванет на себе ширинку, вот оттуда и пар повалил, как зимой из форточки... рванул и орет, что щас обоссу весь класс, потом заморожу, если ты, Фаинка, не пойдешь со мною в пионерскую комнату, там я красное знамя уже разложил на полу... кстати, в пятом классе я у того же бухого физрука ляпнул из нажопника, прямо на физкультуре, всю получку... директор-зверь весь детдом раком поставил, но получку нигде не нашли, потому что я ее притырил в шкафчике самого физрука... найдет – хер с ней, с получкой, не найдет – еще лучше... целую четверть тайно жрал конфеты, угощал девчонок и курил папиросы «Север»... за все такое запретное девчонки мне показывали неспелые еще сиськи и кое-что другое... хули говорить, спасибо товарищу Гуталину за наше счастливое детство... не знаю, почему вспомнил я все такое очень уж грустное, не знаю.

Посмотрел Кимза в микроскоп и глаза на меня вытарашил. Словно по облигации выиграл сто тонн.

– Ну, Николай, ты супермен, сверхчеловек, невероятно, почему – не спрашивай, потом поймешь, я тебя поднатаскаю в биологии.

– Покнокать-то можно?

– В другой, в другой раз. Сейчас иди. До завтра.

Ну я строю из себя солидняка и говорю, что за донорство в Америке дорожке платят, раз питаться надо после каждой палки от пуза, а то подрочу с неделю, и вся наука остановится: станут доходягами живчики всей моей молофейки. Тебе это нужно?

– А что бы ты хотел иметь из закуски? Учти, с продуктами сейчас вшивовато. Вся страна, кроме вождей и завмагов, сосет по девятой усиленной.

– Мяса грамм двести, можно и триста, хлеб с маслом, стакан жареных семечек, бутылку кефира, стакан чифирка.

– Зачем же семечки?

– От скуки, во время дробки, их можно кидать под верхний клык свободной рукою.

– Семечек не будет, сие – антигигиена, а насчет мяса похлопочу. Мой шеф – академик-вегетарианец, сам великий Хреново. Возьму у него спецталоны, он огромное значение тебе придает – огромное.

– Тогда увеличивай зарплату. Из своего кармана, что ли, платишь?

– Увеличим. Вот организую лабораторию, ставок выколочу побольше, и увеличим. Хорошо будем платить за твою молофейку. Богатая она у тебя, Николай, богатая и неслышанно наизлющая, ею можно львицу оплодотворить, то есть такую, как у тебя, молофейку не сравнить с большинством молофеек рядовых. Влада Юрьевна, бегу, бегу! Вахтеру скажи: наряд на осциллографы идешь получать. Ну иди, отдыхай, а то у меня, из-за бесхозяйственности и халатности администрации, все твои живчики к ебени матери передохнут. Ну иди, отдыхай, а то у меня, из-за бесхозяйственности и халатности администрации, все твои живчики к ебени матери передохнут. Это ты приучаешь меня к мату.

– Вахтеру все скажу, на чернуху я мастер, но впредь о моей матери не говорите ни одного дурного слова.

– Извини, если обидел.

– Ничего, проехали станцию Больной Вопрос, следующая платформа Седовласопиздецкая, далее везде.

5

Однажды канаю по институту, и первый раз в жизни совесть во мне заговорила... ишачат все эти доктора, кандидаты, лаборанты, а я подрочил себе в удовольствие – и готов... еще в планетарий стремлюсь, рвуся в короткометражку, в одной грабке – французская булка с поджаристой верхушечкой, саму булку, сука такая, Гуталин обозвал городской, а в другой – двести грамм докторской... словом, как-то неловко перед рабочим коллективом... а с другой стороны, молофейка науке нужна и, значит, всей стране... вот только на дремоту волокет после каждой дрочки... даже лень было щипать на центровых моих маршрутах... пошел я в бар пивка пить, похавать раков, погрызть жареных сухариков из черняшки... кстати, учти, от пива стоит, надо лишь думать о бабе после пяти кружек, а не насчет поссать... как же не поссать, говоришь?... внушать себе надо уметь – вот как... йоги, которые в Индии обитают, даже не срут по месяцу и больше, а ссаки в пот превращают и в слезы... я так полагаю, что, по-научному, по-нашенски, по-биологицки, кал, то есть говно, у этих йогов в запах превращается... ну вот, скажем, спирт... ты его не закрыл – он и выдохнулся... только спирт быстро выдыхается, а говно долго – в нем, в говне, молекула совсем другая, и очень вонючая, гадина такая... а уж про атом говенный и говорить нечего... он, блядище, и не расщепляется, наверное, в синхрофазотроне... между прочим, спрошу у Кимзы, что будет, если атом собачьей кучи расщепится... верняк – мировая вонь поднимется до облаков... ты пей... спиртыга – высшей чистоты... мне на месяц, спасибо международному урке Фан Фанычу, два литра выдают, муде перед оргазмом дезинфицировать... ну а я навожу экономию, как настоящий советский человек... ведь как было дело?... Кимза всем остальным выдает спирт, а меня бортает... ну уж хуюшки, думаю себе, и в пробирку к молофейке грязь наскреб с каблука – не фраер, нас не набеешь... Кимза сразу тревогу забил.

– Почему живчики не стерильны? Почему они чумазые? Руки трудно вымыть донору?

– Надо, – говорю, – при опыте не руки мыть, а общеизвестное народу мужское орудие производства... оно у меня, небось, с утра до вечера в брючатах фигурирует, а не в безвоздушном пространстве... мало ли где побывает за сутки?

– Сколько спирта?

– Два литра.

– Многовато. Триста грамм хватит.

Тут я доказал, что прежде чем за инструмент браться, нужно все пальчики обтереть, на обеих, причем, руках, скажи спасибо, что их не дюжина, как у Джина в музее Востока, заодно, мало ли что еще, как говорится, необходимо стерилизовать.

– Хорошо. Литр на месяц.

– Э-э! – уперся я. – так дело не пойдет... литр – это в расчете на самый укороченный вид члена, как, допустим, после холодного моря Гагров, а на увеличенный треба раза в три больше... и я еще зарядил по совести... я, блядь, тут самое ценное в себе отдаю неблагодарным потомкам, которых не знаю и знать не хочу... в Америке давно б уже дачу имел на курорте, свой «Линкольн» и другую неподвижность... между прочим, не мертвые души государству бодаю, как Чичиков, а свежую свою родную спермо-молофейку извергаю на гора... поэтому нехуй на мне экономию разводить, не надо... как человек, желаю звучать гордо... ты меня залей спиртом, и я его сам первый бухать не стану... а то шушукается в сортире и подъебывают некоторые падлы институтские, что я своего остолопа при жизни заспиртовать решил... мандавошки, да если бы не он, то был бы конец вашей карьеры, и вы бы не диссертации защищали, а свои жопы на летучке у директора... на моем остолопе только и держитесь – не на лошадином же памятника Юрию Доолгорукому... учреждение наше склочное и нет в нем никакого порядка... не то что в тюрьме или в БУРе... я сроду

ни на кого не стучал, но если вы, змеи, зажмете спирт, клянусь мамой, открыто стукну хуем по столу парткома, месткома и профкома!

– Полагаю, Николай Николаевич прав, – вмешалась в толковище младшая научная, Влада Юрьевна.

– Прекрасно, два литра – ни грамма больше! – После чего Кимза отдал команду готовность номер 1 к эксперименту.

Вот мы, кирюха, и со спиртиком... я даже рационализацию устроил: протираю лежащий, а не стоящий, премию за экономию средств однажды получил... будем здоровы, хавай... ты мой гость, эту севрюгу с красной икоркой я специально для тебя сегодня оставил... черную, между прочим, не уважаю... у меня диатез от нее... жопа идет пятнами, чешется ужас как, и хлористый кальций надо пить, а он, сволочь, горький очень.

Отправляюсь, значит, по утрам в институт, номерок вешаю, в свободное время не путаюсь с Машками, Зинками, Дианками, Фаинками, потому что боюсь лично набейтаться и по сдаче спермы фуфло двинуть, крутануть, как сейчас говорят, динамо... почему?.. потому что херовато стал я себя чувствовать... нервно сплю, какой-то, в движении, вялый – хуже воблы... решил предъявить я Кимзе ультиматум, мы с ним подружились, поскольку он одинок, я одинок – хули ж нам собачиться?.. ты, говорю, тратишь энергию на работу простую, а я на самую в человеке главную... когда кончу, на ногах еле стою и под ложечкой тянет... не думай, что жлобствую, мой, в натуре, косорылит организм от суходрочки... может, мне после такой растраты семенного фонда – и жить-то лет еще пятнадцать, потом гужуйтесь уж тут без меня... тем более, ебля, как таковая, уйдет в преданья старины глубокой, владыками умов будут не Шершавый с Пиамой Здановой, как прелсказывает Академик, а Ш и П, то есть шприц с пробиркой... от всего такого модернизма, так говорит Паша, мой дружок, у меня печалька, и я на ее почве начинаю ненавидеть все человечество заодно со своей молодежкой, а это уже самый настоящий синдром Гуталина-Грозного... Фан Фаныч считает, что внутри меня стала распространяться мизантропия... Кимза, конечно, успокоил... сейчас, оказывается, на солнце бушуют неслыханные магнитные бури, поэтому мизантропией ненависти потягивает от всего человечества, но, к счастью, данные выебоны солнца не влияют на дружбу собак, кошек и лошадей с такими нами, то есть с дебилами враждебных страстей и мудацких идеологий.

Тем временем у Кимзы успешно опыты пошли, он иногда, согласно утопизму, мечтал поставить атомно-заводной такой памятник лично моему, по его выражению, невероятному другу науки... тот торжественно вставал бы рука об руку с лучезарностью восхода, а ровно в полночь укладывался покемарить, допустим, под песню снова замерло все до рассвета, можно и под темную ночь, ты, любимая, знаю, не спишь, или тихо вокруг, сопки покрыты мглой... в старину такие фаллические памятники устанавливались повсеместно... как и в честь замечательного плодородия Пионы Зданской, общей нашей матушки... нахера же их снесли?.. застеснялись, мудаки двуногие... а кого застеснялись-то?.. ведь так называемый хуй у любой живой твари мужского пола, кирюха, если разобраться, – один из двух самых важнейших органов всех времен и народов... точно так же, как, еще раз подчеркиваю, Пиона Зданская... это клевое название придумал Академик... и она, и он, то есть хуила грешный, хочу я сказать, гораздо главней мозгов... мы же, люди, миллионы лет назад не одними мозгами, бывало, ворочали, но и крайне пронырливыми муде, а дамы рожали, рожали, и рожали... мозги же тем временем постепенно развивались... да если бы не так, то и ракета была бы не на хуилу похожа, в момент его эрекции, а на жопу – только вонища, и никакого преодоления тяготения Земли... помни мое слово, вот увидишь: когда мозгам больше некуда будет развиваться, настанет общий пиздец... в те времена стоять не будет даже у последних идиотов, вроде нас с тобой, и у всяких Приапов... все будут исключительно давать дуба, а в родильных домах и в салонах для новобрачных пооткрывают цветоч-

ные да венковые магазины... они-то – хер бы с ними, а вот на улицах под ногами стружки зашуршат, так как начнутся столярные работы по выпуску гробов на душу населения... хули ты шнифты раскрыл?... такая эра всемирного Эроса наступит еще не скоро, да и общий пиздец, возможно не надвинется... кроме того, Влада Юрьевна считает, что есть мы, или нихера нигде нас больше нет – самого Бытия, как бы то ни было, не может не быть принципиально... точнее, до такого положение ебаться надо оптимизму с пессимизмо-скептицизмом, но заткнись, я тебя умоляю... хорошо, Эрос, на нашем русском – это одна из самых авторитетных Высших Сил, можно сказать, наиебучая Сила в Законе... не знаю поэтому ли у Солнца имеется Корона, заткнулись... словом, я говорю Кимзе:

– Набавляй, мне и прибарахлиться надо, и телевизоры скоро выпускать начнут, а то опять воровать пойду или на водителя троллейбуса «Букашка» учиться... кроме того, мне сватают дочь теневика, тот меня засыпет бабками – лишь бы она рожала одного за другим... желаю получать раза в полтора больше, иначе – женюсь, и, как говорит народ, весь хуй до копейки.

– Ну-ну! Не бесись, сочувствую, мне для тебя ничего не жаль. Вот получу когда Сталинскую, или Нобелевскую – отвалю приличную сумму. А сейчас времена в нашей науке сложные и тяжелые. Дай Бог важный опыт до конца довести! Завтра начнем, зарплату увеличим за счет увольнения уборщиц.

Ну, я обрадовался! Хрена с два на автобусе столько заработаешь, не то что на «Букашке» и «Анушке».

6

И направился я на радостях в планетарий. Сначала поддал пивка – развел им трезвое одиночество. Я люблю это дело. Садись под легкой балдой в кресло, лектор тебе чернуху раскидывает про жизнь на других землях и лунах, а ты сидишь себе, дремлешь, над башкой твоей дурашливой умнейшее небо появляется, и звезды на нем и все планеты, которые у нас в стране не видны, например, Южный Крест, и чтобы его увидеть, надо границу переходить по пятьдесят восьмой статье, которая мне нужна, как муде будильник. Вот мигают звездочки и созвездия разные, небо тихо оборачивается, а ты, значит, под легкой балдой в кресле, вроде бы один на всей Земле, и ни хуя тебе, твари жалкой, не надо. И вдруг светать начинается. Пути Млечного уже не видать, розовеет по краям. Хитрожопый какой аппарат! Потом куранты бьют – бим-бом-бим-бом, скорей бы утро – снова на работу, по-десять расчитайся! Зеваю. Гимн Советского Союза. Слава Богу, думаю, что не на нарах лежу и не надо мне, шелюмку похлебавши, пиздячить к вахте, как курва с котелками.

Поддал еще в пивном баре – лишний раз обмыл прибавку, потом попер к Фан Фанычу, а у него в буфете буквально хуй ночевал. Пришлось бежать в гастронорм. Ну захмелел международный урка и учитель, завидует мне, хвалит, велит не трепаться, чтобы не пронюхал всякий хмырь-студент.

– Бойся, – говорит, – добровольцев-энтузиастов. Их у нас, идиотов, дохуя и больше.

Отлично бухнули. Утром проспал, бегу, блядь, а в башке от борта к борту, как в кузове, жареные гвозди пересыпаются. Кимза на меня Полкана спустил, орет, что задерживаю важнейший опыт, внимание – оргазм!

А около прибора, от которого пар идет, Академик-старикан бегаёт в черной шапочке и розовые ручки потирает. Запираюсь в своей хавирке, включаю дневной свет. Рука у меня дрожит, хоть бацай на балалайке, а кончить никак не могу, дрочу, весь взмок, самому себе кажусь мизантропом первобытным. В дверь Кимза стучит:

– Почему оргазм задерживается? Безобразия!

У меня уже руки не поднимаются, слабость под ложечкой, все – пиздец котенку, раб трепещет, увольняйте, тираны, без выходного пособия, пропала моя молофейка. Открыл дверь, зову Кимзу.

– Что хочешь делай, у меня на лицо сухостой, побаиваюсь, что никак не кончу. – Академик просунул голову в хавирку.

– Что же вы, батенька, извергнуть не можете семечко, нам необходимое?

Я совсем охуел от страха, стыдно, заваливаю опыт, хотел в ту же минуту уволиться по собственному, как вдруг младшая научная, она же Влада Юрьевна, одергивает Кимзу с Академиком:

– Коллеги, пожалуйста, не вносите беспокойство в настроение супердонора.

Она меня в виду имела, ноги задрожали, сердце об ребра – утык-утык-утык, ужасно уши чешутся. Захлопывает дверь.

– Прикройте, – говорит, – пожалуйста, ваши синие, Николай Николаевич, довольно невинные глаза, расслабились, будьте добры, вообразите себя в нирване.

И вот, кирюха, собственной рукой, верней рученькой... веткою черемухи... мягким тестом для пельмешек... горячо, как под юбкой чайной бабы для заварки чифирка... с чего это могут быть мои глаза невинными, если сам я развратен до основания, а потом... потом – что будет – то и будет... ой, мамочки, не могу, ей-богу, прямо помираю... берет она вполне откровенно этого змея, так сказать, за весь его член... тут все во мне так напряглось, словно кто-то в спинной мой – прямо каждым позвоночком зазвеневший позвончик – алмазные... в натуре, помираю... гвоздики забивает серебряным молоточком, и окунает меня с головы

до ног в ту самую нирванну с пивом бочковым, и по той пене красные раки ползают, а также плавают в ней жареные черные сухарики... вот, блядь, какое было высочайшее удовольствие!.. не знаю даже, сколько времени прошло, вдруг чую: вот-вот кончу, загнанный оргазмом, как и жизнью, в совершенно безвыходное положение, и уже сдержат себя не могу, заскрипел зубами, изогнулся весь, заорал невероятным каким-то баритоном – а-а-а... потом Академик сказал, что до такого баритона ебаться надо басу Юрия Левитана и тенору Ивана Козловского.

А Кимза сообщил, я ногами колотил, орал-хрипел секунд двадцать от охуенного, как никогда, насладительного удовлетворения... сам же я отключился в обморок – в такую небывало счастливую бессознательность, в которой еще не бывал, хотя ебуса и обалдеваю лет с четырнадцати... ясное дело – любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь и так далее... ты сбегай в сортир-то, свой дымящийся подставь что ли под холодную воду – иначе в те же трусики струхнешь... открываю шнифты, свет горит, ширинка застегнута на все пуговицы, в башке холодно и тихо, и вроде бы набита она сырковой массой с изюмом, очень я ее уважаю... никаких научных дум и никакого нет былого у меня похмелья... выхожу один я на ковровую дорожку, в лаборатории на меня зашикали... Академик над прибором, от которого пар валит, колдует и напевает: «...А вместо сердца пламенный мотор»... как себя было не уважать в такую минуту... я и уважал... вдруг что-то треснуло, как молния, что-то открыли, гайки скинули, академик крикнул: «Ура!» – подбежал ко мне, трясет руку:

– Вы, батенька, возможно, прародителем будете вновь зарождающегося человеческого племени на другой планете! Каждый ваш живчик пойдет в дело! В одном термосе – народ! В двух – нация! А может, наоборот. Сам черт не разберется в этих сталинских формулировках. Поздравляю! Желаю успеха. – И убежал.

Ничего не понимаю. Влада Юрьевна смотрит на меня, вроде и не она дронила, а оказывается, вот что: мою наизлющую молофейку погружали в разные жидкие газы, замораживали, превращая ее в плоскую льда, ну и оттаивали. Оттают и глядят: живы хвостатые или нет, а в них гены спирально затасованы. Никак не могли газ подобрать и градусы. И вот – подобрали. И что же? Ракет тогда еще не было. Но Академик с Кимзой мечтали запустить мою молофейку на какую-нибудь планетенку, вроде нашей, и – в общем – я в этом деле не секу – посмотреть, что выйдет... понял?.. ты ебало не разевай – еще не то услышишь... мои живчики вместе с чьими-то попавшими яйцеклетками выбрались бы из беременного стеклянного прибора, как ты вот из маменькиного пуза, бух! – прямиком в питательный бульон, скажем, Венеры, знаком я с которой по планетарию... через девять месяцев появляются в том бульоне живехонькие Николай Николаевичи!.. их целый десант, и приспособляются, распиздяи, к окружающей среде... так возникает жизнь во Вселенной... не веришь, мудила?.. а ты вот вместо четвертинки возьми в Елисеевском карпа живого, заморозь и поутрянке в теплую ванну брось – он непременно оживет... так вот, возвращается Академик-старикашка, я стараюсь не смотреть на Владу Юрьевну – пылаю от стыда... хотя нет, сначала я Кимзе сказал, что желаю краем глаза взглянуть на этих живчиков... пристроил шнифт к микроскопу, гляжу... их, хвостатеньких головастика, видимо-невидимо... правда, что народ или нация, главное, я их папаша... Академик беззлобно замечает:

– Вы, Николай Николаевич, как-нибудь, пожалуйста, сдерживайте себя, не рычите, не орите при оргазме, а то уж по институту слух пополз, что мы вивисекцией здесь занимаемся. Времена знаете какие? Мы – генетики – без пяти минут враги народа. Да-с. Не друзья, а враги. Сдерживайте себя. Трудно. Верю. Помню молодость. Но сдерживайтесь. Хотя бы грызите зубами карандаш, как случилось однажды со мной в нынешней Коммунистической аудитории.

– Скрипеть, – говорю, – зубами нельзя, от этого в кишках зарождаются глисты.

– Кто вас, милый вы мой, информировал?

– Училка естествознания в детдоме.

– Кимза! Подкиньте эту идею Лепешинской. Пусть ее тупые сатрапы скрипят зубами и ждут самозарождения глистов в своих прямых кишках... Шарлатаны! Варвары! Нахлебники! Враги народа!

Тут Академик закашлялся, закатил шнифты под потолок, побелел весь, трясется, вот-вот хуякнется на пол, но я его на руки взял и усадил на мягкий стул.

– Не бздите, – говорю, – папаша, ебите все в рот, плюйте на солнышко, как на уютю, разглаживайте морщины! – Академик засмеялся, целует меня.

– Спасибо, – говорит, – за доброе, живое слово, не буду бздеть, не буду! Не дождутся! Пусть бздит неправый! – Он эту народную мудрость сначала на нашем сказал, потом ее же трекнул по-древнеримски.

Кимза спирт достал из сейфа. Я закусон приволок свой донорский, ну мы и бухнули за успех науки. Академик захмелел, кричит, что не страшна теперь человечеству всемирная катастрофа и что если все какой-то вагинеткой накроются и замутируют, голову сломя, то моя сперма зачнет новых первосортных чугреев на другой планете, а интеллект – дело наживное, если он вообще человеку нужен, потому что хули от него, кирюха ты мой, толку, от интеллекта этого?.. ты бы посмотрел, как ученые хавают друг друга без соли, блядь, в сыром виде, разве что пуговички сплевывают... а что у нас за международное положение?.. хуеватое оно, вот какое... у зверей, небось, львов там или шакалов, даже у акул и у собак нету ведь международного положения, а у человека есть... только из-за распущенного интеллекта... ладно... прости за лекцию... вздрогнем.

7

Короче, прихожу на другой день или после воскресенья, ложусь в хавирке на диванчик, а мой что-то косорылит – ушел в отказ... дrouchу, дrouchу, а он, подобно мавзолейному чучелу, видите ли, не встает, возгордился... а дело было простое: я ведь в выходные о Владе Юрьевне мечтал, сеансов внутренне набирался – влюбился, злоебитская сила... но работать-то надо... Кимза без толку орет: внимание, товарищи, – подготовка к оргазму номер 1... все нервничают еще больше меня... представь себе, Влада Юрьевна говорит, что, мол, у меня теперь какой-то стереотип динамический в голове образовался, и ей придется снова вмешаться... от одних этих слов ее голоса медового я чуть было не струхнул... села она опять рядышком, вырубил свет... а-а-ах... словно впервые пронзает... а-а-ах... до кишок достает меня еще не открытая физиками наук всемирно ебитская сила... а-а-ах... закрываю шнифты, лечу в тартарары, зубами скриплю, хер с ними, с глистами, а в позвоночник мой по новой забиваются, загоняются серебряным молоточком алмазный гвоздик за алмазным гвоздиком... ебс, ебс, ебс... по жилушкам уже не кровь течет, а веселые прошагивают ребята джаз-оркестра Утесова, и, клянусь, ногти чешутся на руках и на ногах так, что, как кошке в течку, – все охота царапать, царапать и рвать на кусочки... тебя пиздячило когда-нибудь током триста восемьдесят вольт, ампер до хуя и больше, в две фазы?... а меня пиздячило... так это все мура по сравнению с тем, когда кончаешь под руководством Влады Юрьевны... золотисто огненная молния... пусть меня расстреляют в Нескучном саду, лицом к Москва-реке... совершенно огненная молния розово искрящихся лучей, колен этак в двадцать, ебистосит тебя промеж больших полушарий, не подумай только жопы, бери выше – головы!.. и – все... только радуга от тебя остается, испарился ты в дрожашую капельку какой-то тяжеленой ртутищи... и снова, тебе кажется, навсегда рассыпались все двадцать розовых колен той неопикуемой молнии... выходит дело, я опять орал и летел в бездну без дна и покpышки... Кимза ворвался, весь бешеный, белый весь, пена на губах, заикается, толком сказать ничего не может, а Влада Юрьевна ему и говорит, спиртом рученьки протирая:

– Опыты, Анатолий Магомедович, будут доведены до конца. Не теряйте облика ученого, так вам идущего. Если Николай Николаевич имманентно кричит, то ведь при оргазме резко меняются параметры психологического состояния, при этом механизмы торможения становятся бесконтрольно расшатанными... это – отдельная проблема... считаю, что необходимо строить сурдобарокамеру и заказать новейшую электронную аппаратуру... чем нервничать – поинтересовались бы о наличии в Японии элегантных автомастурбаторов на батарейках, будьте добры, обойдитесь без ухмылок и прочей порнографии. Возможно, мастурбация – наиболее трудная, чисто психологически, в науке работа.

Ты бы посмотрел на нее при этом... волосы мягкие, рыжие, глаза спокойные и никакого блядства на лице – загадка, дама-сфинкс, то-то и оно-то... а у Кимзы челюсть трясется, на ебальнике печальном – собачья одинокая тоска... был бы маузер – в решето распатро-нил бы меня, блядь буду, если не так... ну, ты знаешь, я не фpaер, подобрался, как рысь магаданская, и ебал я теперь, думаю, всю работу, раз у меня любовь и второй олень появился на голубом горизонте данной снежной пустыни.

– А вас, Николай Николаевич, я прошу не пить ни грамма спиртного минимум две недели, чтобы не травмировать сперму и не терять времени на излишне долгую мастурбацию. У нас его мало. Лабораторию вот-вот разгонят, – сказала Влада Юрьевна и вышла, протуберанка солнца моего, она одна души моей отрада и тот же негасимый свет. Не думай, не в ебле было дело, совсем не в ней, то есть не в половой ее части.

– Чего залупился? Давай кляпом рот затыкать буду, – говорю Кимзе.

– А без кляпа не можешь?

– Ты бы сам попробовал.

Он опять побелел, но промолчал... опять же, не знаю почему, раздается у меня в мозгу, уверяю тебя, голос ангела, моего хранителя, что никакой мне больше не положено скорой помощи Влады Юрьевны... он это – как отрезал, а я... я обрадовался и зарекся: такое, решаю, больше никогда не повторится, я – свинья, говно, а не летчик... и сразу, вместо стыда, у меня в башке возникли наполеоновские планы... дай, думаю, немедленно разузнаю, где живет Влада Юрьевна... незаметно сел в ее троллейбус, сошли на одной остановке, представляя себя Штирлицом, незаметно же слежу, держусь на расстоянии... темно... она идет под фонарями в черном пальто-манто, ножки красивей колонн Большого театра, белые, стройные, красиво сужаются к ступне, а у меня стоит, как новый валеный сапог... сам я без пальто, на башке грузинский аэродром с Дубининского рынка, выиграл в очко у одного кацо... кое-как отогнул шершавого влево, руку в кармане держу, неловко двигаюсь, она вошла в подъезд... вот уже по лестнице поднимается, коленки иногда видны такие, что мозги идут в разнос... пятый этаж, ушла... а у меня в глазах ее коленки... вдруг пожилой ко мне подходит мент и говорит:

– Хули ты выглядываешь тут, прохиндеище?

– Нельзя, что ли?

– Ну-ка, руку вынь из кармана! Живо!

– Я тебе что – на хуй соли что ли насыпал?

– Р-руки вверх! – заорал мент, я смеюсь. – Руки вверх, сказано!.. – вороненое «несчастье» достает и холодным дулом в ребра тычет... поднимаю грабки, а у меня торчит – карманный пулемет-«максим».

Мент посмотрел, ахнул, дуло к сердцу моему перевел и прямо за него – не за сердце же – цап-царап.

– Это что еще такое?

– Пощупай получше и доложи начальству, что у такого-то, там-то, во столько обнаружено торчило, дымящееся прямо в вверенном лично мне дворе. Убедился?

– Документы есть? – «Несчастье» он сразу запихнул в кобуру.

– Дома оставил, даю слово... в данный момент у меня, как у латыша – лишь хер да душа.

– Совсем одичал народ. С чего это он у тебя, тут же у нас все же приличный двор, а не чердак со всегда поддатыми блядьми.

– Любовь у меня, сержант, поэтому, как видите, встал мой дурак самостоятельно... свое-то вспомнили бы первое чувство.

– Не было его ничерта... какое там нахер чувство!.. она меня охмурила, отравла, нарожала трех остолопов, теперь плачу алименты, блядь, лишний раз не поддать... чувство!.. иди уж, дурак, куда шел, весь ты в комель уродился. Увидел, что ли нечто голообнаженное?

Посмотрел мент, голову задрал, нету ли где в окошке чего-то такого, я сунул ему в лапу купюру, попросил врезать пузырь за мою судьбу, он взял, вздохнул и слинял... сажусь на краешек мостовой, напротив ее дома, и гляжу, как стебанутый мешком с клопами – вдруг выглянет в окошко... любовь, это тебе, кирюха, не червонец срок волочь – это судьба чувства на всю жизнь, от звонка до звонка... ой, блядь, какие тогда треволнения терзали мою душу... и вроде бы кто-то гвозди мне ржавые под ногти загонял... ты, повторяю, не думай, что все дело в ебле, как доказывал Лукой Мудищевым... мне бы просто так смотреть на лицо ее – в нем блядства ни на грош – на волосы то ли русые, то ли рыжие, заглядывать в глаза... они у нее тоже – иногда зелено-карие, а иногда темно, допустим, бирюзовые... а вот когда именно такими они бывают – обойдешься, знать тебе не положено, когда ее глаза становятся такими, как бы это сказать... словом, утро осеннее, утро туманное, иначе не обрисуешь... или возьмем руки... подобных больше нет ни у кого – даже у огоньковского портрета богини

Венеры, на которую весь барак дрожил, пока надзор не отобрал... вот с чем бы тебе, мудила, сравнить эти руки?... допустим, стоишь ты босиком на льдине... семь ветров дуют в семь твоих бедных дырочек... у нас, то есть у мужчин, тупым-то не будь, всего семь, а у женщин их восемь... всего-то на одну дырочку больше, а сколько во всем мире шухера, картин, портретов, тут и голые статуи, и танцы лебедей, загибающихся от балетного мороза прямо в хер ишачий, и, разумеется, Зоя Космосомская, она же Валентина Чкалова, совсем заговорился, короче, много чего еще... не важно чего... а то, что, по твоим словам, женщина мало выигрывает как раз из-за той самой лишней дырочки, то ты рассуждаешь хуже ебаного Лысенки... постыдился бы так логичить в наши дни, когда генетика в жопе... леди, чтоб ты знал, всегда красивей джентльмена... так говорит Академик, мой учитель Хреново... возвращаемся на льдину... развивай воображение-то, иначе выше своего шершавого не прыгнешь... в душе, в общем, сквозняк, и жизнь твоя, чтоб я пропал, на льдине кажется чужой зеленою соплей, нависшей над прорубью в бездну бездн... харкотинной, более того, она тебе кажется, но все дело-то в том, что вокруг тебя конвой... весь он в белых полушубках, жареные бараньи ноги, видите ли хаваает, обжигается... буквально подышаешь от запаха... да, ты от него врезаешь дуба чисто физицки и чисто биологицки тоже... дрожишь, смотрю, от холодрожности моего богатого воображения?... а ты поддай... вот так... и вдруг... вдруг нету на той льдине ничегошеньки, верней, ни тебе конвоя, ни жареных бараньих ног, главное, никаких хуев моржовых с белыми медведями... только теплый, теплый, мягкий-мягкий, как между ляжечек у той же... в общем, у Леди с большой буквы... и вместо льдины, песочек я имею в виду, пальмы, а под пальмами шоколадные цветущие дамы со следами былой красоты на лице, и одна, самая из них дебелая, подходит и намазывает тебе бесплатно на муде целую банку розового крема... нет, не для бритья который, а для пирожного эклер – оно не Наполеон... ты что – совсем уже чумеешь?... я, учти, не шампанская муха, чтоб нарочно тебя возбуждать и даже раздрачивать... короче, тебя так быстро перевели из одной окружающей среды в другую, словно бы из карцера в больничку, что ты в данный перевод ни хера еще не веришь, орешь от невыносимого впечатления, хуякс – и в обморок... а ты не горюй, как говорит один мой знакомый грузин, который гений... поумнеешь – завяжешь на трех вокзалах замки отгрызать у чемоданов, в ВУЗ помогу поступить, ты умный, попадаешь еще по обморокам-то, куда ты нахуй денешься... встретится и тебе в твоей судьбе дама сердца, вроде Влады Юрьевны, – вот и попадаешь... ты малый с температурой в 30 градусов жары – буквально ртуть кипит в залупе твоей грешной... ты нелогично спрашиваешь: что в жизни человеку надо?... но отвечу: свобода плюс птюха кровного, законного тепла, и конечно же, взаимная любовь с одной единственной женщиной, еще раз подчеркиваю, во Вселенной... большинство всего остального, с одной стороны, геморрой, с другой – щекотка в носоглотке... хули ты ко мне с обмороками пристал, ну, блядь, просто как оголодавший кобель к шеф-повару кабака, когда из адской кухни выходит тот поссать на чистую атмосферу рабочего дыхания... что я, академик что ли анализировать обморок?... почему?... почему... злоебитская сила, шевельни извилинами-то.

Ведь мужики редко когда падают в обморок, все больше женщины... вопрос: какие именно?... ответ: простые работяги... не только асфальтировщицы, которые дети солнца в своих оранжевых жилетах... тут и кассирши, и бухгалтерши, и в химчистке которые блевотину нашу принимают, и воспитательницы из яслей, и продавщицы, особенно зимой, когда на улице овощи продают, синюю птицу, фрукты, мороженое филе трески, и со стройки бабы, и с мясокомбината, и изо всяких артелей, фабрик, портновских ателье... хуево ты относишься к женщинам... ну, сука, я про них ему толкую, а он пристал с синей птицей... синяя птица – это цыплята, посиневшие от бесхозяйственного дефицита, в дальнейшем Советская власть выбрасывает их в продажу перед Новым Годом, первомаям, седьмым ноября и выборами в верховный с понтом совет... не перебивай мысль... ведь как дело обстоит?... вроде бы

за день наебется баба на работе так, что только пожрать – и на бок... и намерзлись милые бедняги, и жопы отсидели нежные, и руки ноют, и глаза болят, если баба чертежница, и ноги у парикмахерш отекают, и башка у уборщиц кружится стоять раком – заебешься дым глотать, как все они охуевают от радикулитов, моючи полы министерств, киношек и вокзальных сортиров, все грязное, сука, обоссанное, засратое, изbleванное – ну как им всем звучать гордо в койках-то?... или возьмем кондукторшу: ей не то что не в мочь понежиться, допустим, со мною, потом культурно поебаться... какое там! – гадом быть, у нее язык уже не ворочается, за день наорамшись в трамвае «Аннушка», граждане, берите билеты, с передней площадки не соскакивать, отрежет ноги нахуй, ну и так далее... короче, ей уже категорически не до интим интимыча интимкина... а на самом деле в чем секрет-то?... или муж, или ебарь, или я... хули ты забеспокоился?... само собой, и ты тоже... кидаем, значит, этой поишачившей бабенке палку, и она, птичка, пожалуйста – превращается из доходяги-воробышка, думаю, не менее чем в жаворонка, так?... я ж тебе это положение не раз разжевывал, хромосома ты поврежденная.. вот летчик, в пике когда входит, тоже в обморок брякается... и космонавты, пока не вырвутся на свежий воздух стратосфер из вонищи нашей атмосферы, заодно уж припиши сюда ныряльщиков, которые добывают ракушки с жемчужными бусами... у многих должностей и профессий, кроме придурочных членов политбюро, чтоб ты знал, случаются перегрузки... для ума они непостижимы, для остального организма – пиздец как невыносимы... так же вот и в ебле, когда долгосрочную кидаешь палку, они наступают, то есть перегрузки... пойми, кирюха, ты ведь не в розетку на 220 вольт мокрый палец вставляешь, а при оргазме дотрагиваешься, как говорит Влада Юрьевна, до самого что ни есть Бытия... все в этот миг исчезает к ебени бабушке у работающих бабенок: и заботы, и ломота, и что за квартиру не плачено, и какая-то мандавша чулок порвала в автобусе, а ему в паре с другими пять рублей цена – пара дней работы... все забывается, еще раз подчеркиваю, что не в хвост, а в гриву, за день доябывает рабынь труда... а вот, приблизительно, миллиардерши, рабыни капитала – те не то что в обморок хуякнуться, но они же вообще не могут кончить, говорю официально... разберем почему, так как тебе, совершенно уже ни во что не верящему Андропу – хуй в жопу, клянусь советской властью – чтоб уж поскорей она накрылась! – ты меня достал... поэтому и парирую твою безграмотность диалектикой логики окружающей среды, она же природа.. слышал про кино Муссолини «Сладкая жизнь»?.. там это дело показано... мы с Владой Юрьевой были в Главке на просмотре... потому что, я забежал вперед, дочка зам. министра кино попала от моего живчика – вот почему... про кинозвезд читал?... эти пять раз замуж выходят... разве убежит баба от мужика, если он ее превращает в жаворонка или выводит в космос, а она под ним помирает, птичка, от счастья?... ни в жисть не слиняет... тем более, наша жисть устроена хитрожопо... раз тебе на обед какаду, леденцами набитые, и шашлык из муравьеда, и лакеи в плавках шестерят, а в гардеробе шуб, что в коммиссионке, и три машины внизу, да в каждой водила с монтировкой до колен, только позвони, прибежит и влупит, – то от всего такого изобилия ты в обморок не упадешь и, вообще-то, хорошо не кончишь... все Облонские в таком доме захавались – и муж и жена, и ихняя ебучая обслуга... отсюда хулиганство в крови с легкими телесными повреждениями... бывают и тяжелые... она никак не словит кайф оргашки и начинает миллиардера кусать, а он, паскудина, даже не хипежит, ему, видите ли, приятно... потом сам ее кусает, рычит от удовольствия – до блевотины надоели друг другу – развод... допустим, миллиардер рванул на роллс-ройсе в Голливуд – смотреть, как баба под музыку раздевает сама себя, выкручивается в змею гремучую, изогнувшись в свое же заглядывает очко, что очень нелегко... нашу оголтелось они называют стриптизом... потому что взяли и нашли для этого английское слово, а мы ищем, сука, ищем каким бы русским заменить оргазм – все без толку... ты прав, наш народ изуродован заговором истории против географии... спрашивается, зачем мужики пялят шнифты, на бабенок, а за лифчик, пока он с сисек не сорван,

засовывают валюту?... мы с Академиком затрагивали и эту тему... вот зачем: если ты мужик нормальный, и баба перед твоим носом платице – влево, комбинацию – вправо, лифчик – фьюить, в потолок, трусики – в сторону, прожектор голубой светит ей прямо в пушистую куницу, а розовый – в сиськи, то не знаю, как ты, кирюха, но я бы... клянусь мамой, пусть мне твое сердце пересадят, если вру, – помчался б я по черепам на сцену, и пока мне полиция крутит руки, бьет дубинкой по башке, свистит, гадина такая, газы в глаза пускает, пожалуйста, хуй с вами со всеми, пускайте, я уже добрался до этого стриптиза и пилю его, и пилю, пока не кончу... а когда кончу, вези меня в черном «Форде» на суд... и на ихнем суде такую я им предъявлю заявку в последнем своем и откровенном слове:

– Поскольку горю с поличным – сознаюсь... да, виноват, не воздержался, уеб стриптизинку при ейном нахождении в производственном положении, было дело под Полтавой... и правильно сделал, не раздевайся сикопрыга на моих глазах – ты мне не жена... спасибо Гуталину за наше счастливое детство, всегда готов к предварительному тюремному заключению!

Вот как поступит здоровый русский человек, который против разврата эмоций любви и чувства уважения к даме как таковой... объясняю: миллиардеры ходят на оголтелось, потому что можно не ебать раздевающуюся особу... богатеи не то что мы – они еще и рады, что закон запрещает забираться на сцену, а сам закон защищают вышибалы... здоровый мужик, вроде нашего Штирлица, туда не пойдет... яйца так опухнут от сеанса, что придется враскорячку добираться до того, с чего начинается родина в твоём букваре... вопросы есть?... конечно, я и с уборщицами крутил, и с кассиршей... эта дама мое ухо, как ручку кассы крутила, когда дело шло к апогейному экстазу... задумчиво говоря, может, и наоборот... мн-да, крутил я и с завхимчисткой, и с разными поварами, и с одной летчицей-испытательницей вертолетов, помирили мы с которой в продолжительном пике... пике – это штопор... ты лучше спроси, с какой профессией я не жил... разве что с вагоновожатой трамвая «Аннушка»... это было бы цинизмом, слишкова́ть нельзя, в плане народной мудрости – жадность фраера сгубила... даже с должностями я жил, не то что с профессиями... к примеру, тянул заведующую парикмахерской, дом управшу, нотариуса женского пола, директорш вагон-ресторана и гастронома – она была потолще бочки пива – главврачиху уделал лагерного госпиталя... народная судья, которая меня судила, приезжала в зону на личное свидание, кешарями заваливала, не знала куда девать взятки данное лицо нашей коррупции... вот это были оттяжки – высший класс... надзор ее с трудом оторвал от личного свидания... еле-еле доползала до станции... так я мстил ей за то, что срок влупила, сукоедина, могла и оправдать... само собой, ждала меня на воле... нахуя мне на ней жениться?... тогда я принадлежал всем желающим женщинам и ни одну из них не любил в отдельности, а теперь, если забежать вперед, все наоборот... да, в обморок падали почти все... бывало по многу раз... какой ты все же паскудный атеист, что не веришь в эти обмороки?... у тебя же логика в башке не ночевала... я не следак Шерлок Холмс, но кое-что шуруплю в дедукции... ты прав – она есть мудрость наших дедов и прадедов, грохнутых большевичками... доказываю: ты замечал, что в аптеках нашатырного спирта часто не бывает?... нет, его не пьют, а нюхают, он из обмороков возвращает... они случаются заподлицо с оргазмами, особенно, если страстная женщина пылает, как кино-ведьма, на костре половой инквизиции... теперь возьмем аптеки, подолгу ваты нету ни в одной из которых.. это значит, к женскому полу в один день заявились, как дамы говорят, гости... прикидывай анализ-то, но не кала, не мочи, а логики ситуации, главное, сам допирай до выводов, учись рассуждать, мудила... помнишь, лезвий нигде было не достать?... ходим бородатые, как при Иване Грозном, который являлся Гуталином послезавтра, так сказать, пидарас, сыноубийца своей же молофейки... почему не бреемся?... да потому что китайцы перекинули к нам через Амур тучу летающих мандавошек – вот почему... миллионам мужчин пришлось все вплоть до бровей брить, когда лез-

вия были в продаже... а когда пропали, не стану же я, после бритья муде с лобком, скоблить тем же лезвием бороду... не по мне такая нелогичная дедукция, не по мне... плесни боржомчику – изжога достает от ТТТТ – твою таежную тагильскую тупость имею в виду... любя говорю, ты не образован, каким я был недавно, но любопытен, поэтому не бзди – образуйся... на чем остановились?... да, влюбился я, верней, вьебурился по самые уши.

8

На другой день Кимза на меня волком смотрел, не разговаривал, а Влада Юрьевна медово-цыганским своим голосом спросила:

– Может быть, сегодня, Николай Николаевич, вы сами? А я бы задала установке параметры ее действий.

– Конечно, говорю, без проблем... запираюсь в хавирке, жду команды: готовность номер 1, которая перед вниманием – оргазм... думаю только о Владе Юрьевне, фиксирую в тетради опыта начальную стадию эрекции, поскольку та приканать не поленилась.

Тут Влада Юрьевна постучала, просовывает в дверь книжку, душевно советует:

– Отнеситесь, Николай Николаевич, к мастурбации профессионально и совершенно исключите сексуальный момент как таковой. К примеру, мог бы дядя Вася работать в морге, если бы он рыдал при виде каждого трупа?

Логикой она меня убедила, хотя я подумал, что как же это так, если исключить сексуальный момент самой ебли?... ведь тогда стоять не будет.. однако поверил... одной рукой дrouchу, другой – читаю книгу, кажется, «Хождение по мукам»... Кимза, олень-соперник, стучал два раза и торопил... послал его, твердо сказав, что я ему не Мамлакат Мамаева, обеими руками работать не умею, поскольку не левша... хотя ты же знаешь, я, как Давид Ойстрах – артист на обе грабки... нет, я ошибся, книга была «Далеко от Москвы»... вшивая книжонка – ебал бы я писателя, фуфлового Ажаева, просто он тоже срок волок на том же нефтепроводе... вот какие судьба дает повороты... это сделало настроение отличным, осваиваю профессию, струхнул, несу пробирку с молофейкой Кимзе и Владе Юрьевне.

– Спасибо. Не уходите, Николай Николаевич. Вникайте в суть наших экспериментов. Анатолий Магомедович разрешил. Сегодня, в этой установке мы будем бомбардировать ваших милых живчиков несколькими безобидными элементарными частицами. А затем, вот в этом приборе ИМ-1, начнется наблюдение за развитием плода. Это – матка. Только искусственная. Не обращайтесь, какой-то вандал уже нацарапал на ней, как видите, древнее, увы, ставшее маргинальным, слово. К сожалению, не знаю, почему первый слог пи. Второй слог слова – зда, по словам Анатолия Магомедовича, это глина до татаро-монгольского ига. Затем эта зда коренным образом вошла в здание, созидание, издание, первозданность и так далее. Наша тема: исследование мутаций и генетического строения эмбрионов в условиях жесткого космического облучения, с целью выведения более устойчивой к нему человеческой особи.

Я раскрыл ебало, как ты сейчас, нихт фарштеен таковой ситуацимес, но кнокаю. Мою молофейку в гладкой стекляшке – внешне, если не ошибаюсь, чем-то похожей на полированного хуилу – заложили, кирюха, мою молофейку в какую-то камеру. Кимза орет: «Разряд!» Мне страшно, мне ее жалко, это моя – моя она, не партии, не правительства. Ты представь: частица эта сиротливая несется, как в печень ебанутая, и моего родного живчика – половинку, считай, Николай Николаевича – шарах промеж рожек, он и хвостик в сторону. Надо быть Гитлером или Гуталиным, чтоб спокойно наблюдать за безжалостной вивисекцией. Я зубами заскрежетал, еще немного – распиздошил бы всю лабораторию. Тут вынимают прозрачный футлярчик с молофейкой, смотрят в микроскоп – а она ни жива ни мертва – и в какой-то суют ее газ для активности. Потом отделили одного живчика от его и моих родственников, в искусственную поместили матку. Господи, думаю, куда же мы забрели, если к таким сложностям прибегаем. К чему всезнающий Аристотель эту выдумал науку? Пойду я лучше куропчить в троллейбусе «Букашка» и в трамвае «Аннушка». Особенно, разбирало меня зло на эту матку искусственную. Шланги к ней разные тянутся, провода, сама блесит, стрелками шевелит, лампочками, сука такая, мигает, а рядом четыре лаборантки вокруг нее

на цырлах бегают, и у каждой по матке, лучше которых не придумаешь, хоть у тебя во лбу семь-восемь пядей. И поместили туда моего, Николая Николаевича – полупотомочка! А что, если он выйдет оттуда через девять месяцев, но глаз у него правый протоном выбит и ноги кривые, и одна спина короче другой, и вместо жопы – мешок, как у кенгуру? А? Чую – говно ударило в голову. Хорошо, что Влада Юрьевна спросила, о чем я размышлялся.

– Так. Прогресс науки обсуждаю про себя, – говорю это, в оба шнифта на нее уставившись, сам косею от одного только ее голоса, ебаться надо до которого Валентине Зыковой вместе с Клавдией Шульженко и прочими Барсовыми... сердчишко колотится, как глупый – об окно – воробышек, концы подгибаются, сбивается дыхание – любовь, беда, светопреставление, Олег Попов весь вечер на арене! Тут Академик приказывает Кимзе подойти и разъяснить почему на зеркальной поверхности такого драгоценного швейцарского аппарата какая-то антинаучная сволочь непристойное накорябала слово пизда, невероятно режущее слух, куда смотрит охрана?... бескультурие, восстание масс, хулиганский вандализм, полнейшая компрометация ЖПО... пасть заткнул бы, кирюха, ЖПО – это не жилищная помойка, а женский половой орган.

Вечером беру спирт, закусон. Канаю на консилиум к международному урке... да, консилиум – это консультация трех-четырех умов бывалых насчет глупости одного какого-нибудь тупого ума, вроде моего, или твоего... нет, политбюро не консультация, у него же не ночевало ни ума, ни чести, ни совести, само собой, понятий о стране и ее различных народах.

– Так и так, – говорю, – что теперь делать, Фан Фаныч, и как мне быть?

– Не с твоим кирзовым рылом, Коля, лезть в шевровый ряд. На этом деле грыжу наживешь и голой сракой ебнешься об крашенный забор, забудь любовь, вспомни маменьку.

– К сожалению, маменьку мне не вспомнить, я найденныш, валялся и ревел с голодухи на пороге обкома партии – она, бедная, знала, куда меня подбросить... все ж таки как не крути, как не верти, а ихняя партия – не царь Ирод, она его еще хуевей, но, на сегодня, изводит только взрослых, а не младенчиков... ради факта это говорю – не ради справедливости... сам знаешь, где она была, там Картавый с Гуталином давно уж выросли... стоят себе, блядь, один указывает, куда нам идти, другой задумался, надо ли двигать нас, пьянь и рванину, к светлому будущему.

– Хороший ответ, молодчик. Вот если бы так – с ходу – в райсобесе отвечали, то и никакой бюрократии в государстве не было. А то с пенсией тянут справки, тянут, каждая справка неделю жизни отнимает. Прямо, блядь, какие-то повсеместные вопросы марксизма-похуизма, а не гуманизм заботы райсобеса об одиноком маргинале.

Фан Фаныч пенсию по инвалидности хлопотал. Он, видать, задумался, приуныл. Я и покандехал к дому. В сердце – сплошной гной, саднящая болячка. Впору подсесть и перезимовать в Таганке всю эту непереносиму-нагасаку, как говорил японский адмирал на пересылке. Мочи нет. Я даже не думал, имеется муж у Влады Юрьевны, или его нет, то есть было мне насрать на все такое, глаза на лоб лезут, и учти, дело не в ебле как таковой. Бери, повторяю, выше. Ночь не спал, ходил, голову обливал из крана ледяной водицей, к Кимзе постучал, он не пустил. Может, спал? Утра не дождусь. Как назло, часы встали. Прибегаю, а в лаборатории все Владу Юрьевну с чем-то поздравляют, руки трясут, в руках у нее букет, она всему коллективу кивает по-княжески. С некой занебесной высоты увидела меня, подходит, дарит пышный цветок, физиономия у него ужасно смахивает на мохнатую, собачью. Сам холодный, никакими розами не пахнет, такие продают на Трубном абхазы и другие грузины, на букву Х его название... Сам ты, мудила, хер... а то кто ж ты еще, хромосома что ли?... У Кимзы же, я заметил, из одного глаза слезы текут из-за всех научных переживаний. Сразу не поверилось, что, подарив тот цветок, Влада Юрьевна обратилась лично ко мне.

– Любезный Николай Николаевич, поздравляю! Для вас это тоже своего рода праздник.

У меня рыло перекосило шесть на девять, и что бы ты думал? Оказывается, она искусственно попала лично от меня – первый раз то ли в СССР, то ли во всем мире. «Как? Как?» Ну и олень ты сохатый. На твои рога только кальсоны сраные вешать, шляпу же с зонтиком – большая бы тебе оказана была честь. Голодовку объявлял когда? А я объявлял. Меня искусственно кормили не через хавало, а прямо миномет такой в очко вставляли. Ну и навозились с ней граждане начальнички, жопу имею в виду! Только воткнул в очко трубку с манной кашей, а я как пердану – всех их с головы до ног. Они меня сапогами под ребра, по пузу топают, газы спускают и опять в очко загоняют кашицу, иногда бульон, но без сухариков, не помню какое именно меню у жопы было. А я опять как поднатужусь, как заору: «Уходи! Задену!» – их как ветром сдувало. Откуда во мне бздо бралось? – ума не приложу. От волюнтаризма, наверное. А может, от стального духа. Веришь, перевели из Казанской тюрьмы в Таганку, чего и добивался. Похудел только. Гад буду, до сих пор одного не пойму: к чему МВД так сражается за жизнь зека, которому на нее насрать, а того, кто хочет жить, вроде Николая Островского с Джек Лондоном, доводят, падлы, если не до петли, то до цинготной дистрофичности? Вообще, я не пессимищенко-передрыщенко, но думал и в карцере и на воле, что, когда тебя со всех сторон окружают тайны – то военные, то государственные, то научные, заебись сколько их на наши с тобой бОшки – клянусь мамой, не жить охота, а тянет немедленно бухнУть, закусить, на полшишки засадить и петь, как пел в опере Кавардосси, и вот я помираю, и вот я помираю. Не отвлекай.

Дело было так: двое гинекологов и Кимза, известно куда, вставили Владе Юрьевне трубочку, и по этой трубочке мой живучий Николайчик засеменял, шантропеныш этакий, как говорится, на свое место... вот в какую я попал непонятную, сука, историю генетики, и нахер мне не нужной... не знаю, как быть, что говорить?... только чую: вскоре чокнусь, спотыкнусь, стебанусь и поеду задом-наперед туда, откуда вышел... мне бы радоваться как будущему папаше и мать своего ребенка зажать, потом расцеловать, на руках донести до койки... а я в тоске и думаю, заебись что ли ты в коня, наука биология, жить бы мне сто лет назад, когда тебя и в помине-то не было... чую, вскоре чокнусь, смотрю на Владу Юрьевну – вот она, один шажок меж нами – а мне его вовек не перейти... Господи, помилуй, я так любил эту... эту... как бы сказать поточней?... я так – пусть меня четвертуют – любил эту богиню, что в койке не мог себе ее представить, не мог – и все... в ней же, в любви моей – ну ни одна жилочка не дрогнет... однако беру психику в руки – я глух, я, блядь, нем, как будто судьбой волокомый на плаху... к сожалению, я не учебник русского языка – не знаю, откуда плаха... может, и от плакать – почему бы нет?... хотя расопливиться не имел я права, не имел.

– Вы, Николай Николаевич, не смущайтесь, ни о чем не беспокойтесь. Если опыт хорошо кончится, вы дадите имя мальчику, а я девочке. Я вас понимаю... все это немного грустно, но наука есть наука – иногда она обязана вознестись над драмами и даже трагедиями нашей жизни.

9

Я чтоб не рассопливиться, ушел на свое рабочее место, прилег, готовлюсь, главное, расслабиться, погружаюсь в чумово возбуждающую «Капитанскую дочку», иными словами, налаживаю дrouchу, методом ускоренным дrouchу. Вдруг в лаборатории возник тревожный какой-то шум-бурум, быстро струхиваю в пробирку, затыкаю пробкой, выхожу, несу ее в руке. А там, пожалуйста, целая уже топчется ревизия. Ревизоры: замдиректора Молодин, партком, отдел кадров, нихуя которые не решают, что им теперь делать и как быть. Какие-то не из биологии толпятся ффраерюги. Приказ читают Кимзе. Лабораторию упразднить. Кимзу и Владу Юрьевну уволить. Лаборанток перевести в уборщицы, а на меня подать дело в суд – ни хуя себе уха! – за очковтирательство, прогулы и занятия вредительским онанизмом, не соответствующим должности технического референта с дипломом ВУЗа. Вот падлы – сам Кырла Мырла с Энгельсом не разобрались бы в такой обвинилровке. А за то, что я уборщицей был по совместительству – содрать с меня эти бабки, зарплату до суда заморозить. Я как стоял с молофейкой в руке, так и стою. Ресничками шевелю, хлопаю ушами, соображаю, какая ломается мне статья, решил уже, сто девятая. Злоупотребление служебным положением. Часть первая. Потом замдиректора Молодин опять что-то читал про вредительство в биологической науке, и как Лысенко горе-ученых разоблачил заодно с империализмом менделизмом, космополитизмом. Принимаюся. Родной судьбой запахло, потянуло тоскливо. Судьба моя пахнет сыро, вроде листьев осенних, если под ними еще куча говна собачьего с прошлого года лежит.

– Вот он стоит перед вами с улыбкой, виноват, с уликой антинаучной спермы, дорогие товарищи! – Замдиректора Молодин пальцем в меня тычет. – Взгляните, до каких помощников опустились наши так называемые генетики, любившие выдавать себя за представителей чистой науки. Чистая наука делается чистыми руками, господа менделисты-морганисты, а не верхне-передними конечностями онанирующей обезьяны!

Челюсть у меня – кляцк! Тут не только собственной тоскливо завоняло судьбою, но еще многими пунктами пятьдесят восьмой. С ходу решаю уйти в глухую несознанку... ни с Манделем, то есть с Менделем, шли б вы в жопу, лично не знаком... на очной ставке так и скажу, что этого горе-ученого первый раз в глаза вижу и что я таких вот, с понтом, корешей политанией вывожу, как лобковую вшу под общим названием «мандавошки»... насчет морганизма прокурору по надзору заявлю, что моей ноги не было в морге и никогда до самой смерти не будет... мне также не известно, кто именно ебал покойников, или с таковыми, культурно говоря, отождествлялся... чего-чего, а морганизма, крысы, вы мне не пришьете... за него же дают больше, чем за живое изнасилование.

Это ты уж, кирюха, у прокурора спроси, почему?.. извилина у тебя одна да и то на жопе, причем не извилина, а прямая, если разобраться, линия. Не перебивай, олень. Гуляй по буфету и слушай. Прибегает Академик, резко парирует: «Сами мракобесы!» А Молодин несмотря на то, что бывший муж, берет у истопника ломик и как наебнет этим ломиком, прямо с плеча, по научно-фантастической пизде – все лампочки на ней замигали, из трещинки начал вытекать то ли жидкий азот, то ли азотный водород, но это обычное дело даже для любой животрепещущей Пиамы Здановой. А это, скажу я тебе, уже епархия самой Природы-матушки, а не Рока-батюшки, как учит Фан Фаныч.

– Ни к чему, – говорит Молодин, – на такие горе-установки народные финансы переводить! – Молофейку у меня из руки вырвал и выбросил, гад такой, в открытую форточку, на территорию детсадика. Влада Юрьевна так и вскрикнула: там же дети, судари!.. Бесполезняк. Из поведения Молодина я вывел, что скоро он станет директором всего института. Кимза почему-то вдруг захохотал, Академик тоже, Влада Юрьевна заулыбалась, народу

набилось в помещение дохуя и даже больше. Академик выступал, прямо как в опере народный певец СССР Иван Козловский:

– Обезьяны! Троглодиты! Постеснялись бы собственных генов!

– У нас, с вашего позволения, их нету. У нас не гены, а клетки! – заявил ебанный Молодин. – Признайтесь в ошибках перед лицом всего отечества нашей матери-родины!

– Да, да, именно клетки – как в зоопарке! И вообще, Юпитер... пошел ты в жопу!

Да, да, Академик повторил древне-римскую поговорку моего соседа по бараку, историка и доктора наук, который отбрил прокурора из Москвы, выяснявшего жалобы зеков на питание, лечение и укороченные птюхи полусырой черняшки. Отбрил, так как прокурор был неправ, за что и парился десять суток в БУРе. Академику я и об этом рассказывал, и о лагерных премудростях, и что на зоне больше свободы, чем на воле, если нет в бараке стукачей. Так что, не бздите, говорил, погрузимся.

– Вот именно, вот именно, Николай Николаевич, погрузимся.

Потом институтские гавкалы составляли приветствие партии и правительству во главе с каким-то блоком беспартийных коммунистов, потом на заем насильовали подписаться и вопили руки прочь от эволюции великого Дарвина, будем достойны наших предков, вставших на ноги вопреки проискам врагов прогресса, а меня дернули на заседание Ученого совета. И вот тут началась другая судьба, убрали говно собачье из-под осенних листьев. Выкинул я его своими руками. Но по порядку. Поставили меня у зеленого стола и вонзили гиены, дикобразы, крысы летучие, удавы злоебучие – вонзили все эти гниды поганые свои шнифты ползучие в нервную мою систему. Дескать, зададим тебе несколько вопросов, и чем больше правды выложишь, тем лучше для тебя, так как ты есть жертва коварно безжалостных морганистов, вредителей биологии, к тому же не имеющая бесплатно высшего в нашей стране образования.

Посыпались вопросы допроса, но не на того они напали, не на того.

– В каких отношениях находился Кимза со своей помощницей, на себе поставившей эксперимент?

– Писал ли он за нее диссертацию и оставались ли они наедине с самими собою?

– В отношениях, – говорю, – замечательно находились научных, на моих глазах не жили, не встречались, не соотносились.

– Что имеете в виду: соотношение или сношение? – Тут я психанул и ебнул кулаком по столу.

– Это вы имеете что-то там в виду, поэтому шли бы вы все, так сказать, в созвездие под хвост к Большой Медведицы.

– Говорил академик Хреново, что сотрудники великой Лепешинской только портят воздух?

– Не помню. Воздух портит каждый живой, а когда мертвый советский человек, не буду уж указывать пальцем, который именно. Только одни геройски пердят, согласно со всенародной мудростью, а вот некоторые предательски бздят исподтишка, как змеи подколотные.

– Вы допускали оскорбительные аналогии по адресу героически двурукого портрета сбора хлопка Мамлакат Мамаевой?

– Не допускал никогда, хлопок уважаю с детдома. В бараке, вместе со всеми зеками, у которых стоял, дрочил перед снимком фотокарточки сборщицы с челочкой на лбу, обнимал которую наилучший друг хлопка всех времен и наук.

Да, я слово в слово повторяю тебе все, что говорил. Не бздеть же их, когда и без того дальше было некуда?... не отвлекай.

– Кимза обещал выдать вам часть Нобелевской премии, сами знаете за что?

– Ни разу не предлагал, а то с чего бы мне отказываться от таковой доли? Что я мудака что ли? Я вообще завязал с прошлой жизнью и теперь нуждаюсь в поддержке нашей переломной науки. Что в этом, дорогие фразера-товарищи, такого уж хуевого, виноват, хренового?

– Вопросы здесь задаем мы, а не пособники космополитов в науке! Кто делал мрачные прогнозы относительно будущего нашей планеты?

– Не помню, наоборот, я читал в «Вечерке», что у советского человека есть охуительная уверенность в завтрашнем и даже в послезавтрашнем дне, поэтому мы и рейхстаг взяли и, если нужно, Эйфелеву оседлаем, которая является башней слежения за нашим посольством в Париже.

Нет, кирюха, я базарил именно так, а не именно иначе, я их, повторяю, не бздел, наоборот, они бздели моей свободной фени.

– Как вы относились к командировке, извиняюсь, к бомбардировке вашей спермы элементарно вредительскими частицами?

– Сочувственно страдал и заявлял в уме: руки прочь от моего родного иммунитета.

– Обещал ли Кимза сделать вас прародителем будущего человечества?

– Ебал я такое прародительство! Первым по делу пустить хотите? Это вам не проханже, не на того, ебена кровь, напали, совсем не на того!

– Не материтесь. Мы понимаем, что вы жертва. Что сказал академик Хреново относительно генитального... виноват, гениального сталинского определения нации?

– По мне, все нации хороши, как одно муде, рядом с другим муде, лишь бы ложных показаний не давали на суде – что жид, что татарин, что хохол, что чурка черножопый, ну, само собой, и япошки.

– Почему вы после онанизма неоднократно кричали, повышая голос? Вам было больно?

– Это при Иване Грозном, уверенно заявляю, бывало больно народу, когда ему секир-башка на Лобном месте, а в нашей стране оргазм возникает от непостижимого рефлекса удовольствия, как считает академик, допустим Павлов. У нас тоже от всего такого приятные вытекают слюнки, хотя мы люди, но, к сожалению, вовсе не собаки.

– Вам предлагали вивисекцирование?

– Буквально ни разу.

– Вы знаете, что такое вивисекция?

– Первый раз слышу, но, как говорится, с дровосекцией знаком: в тайге здоровенную пихту валили двуручной пилдой, то есть пилою, между прочим, без напарника, который случайно отрубил себе палец.

– В чем заключалась ваша так называемая лабораторная работа?

– Мое дело драть и сдавать молофейку со знаком качества в ту же копилку Отечества. Больше я ни хрена не знаю. Действовал по команде: внимание – оргазм! Как услышу готовность номер 1, так включаю кожаный движок на полную эрекцию. Без этого наука не может, и обо всем таком я в ЦК напишу и лично чахотке, виноват, лично Суслову сообщу, мы ВУЗов не кончали.

– Как относились сотрудники лаборатории к Менделю?

– Исключительно хуево, верней, вшивовато. Поленька даже говорила, что они во время войны узбекам в Ташкенте взятки давали и вместо себя в какой-то посылали Освенцим. И что ленивые они. Сами не воюют, а дать себя убить – всегда-пожалуйста, это им как два пальца обоссать.

– Выбирайте выражения. Кем проповедовался морганизм?

Ну, блядь, думаю, началось самое главное. Сразу вспомнил, как Влада Юрьевна говорила: «Что было бы, Николай Николаевич, если бы дядя Вася в морге рыдал над каждым трупом?» С ходу темно:

– Что это за штука, морганизм?

– Вам этого лучше не знать. Кто с уважением отзывался о космополитах в науке и в жизни?

– Кто это такие? Тоже впервые слышу.

– Выродки и ублюдки, для них не существует границ.

Пиздец, думаю, надо будет вечером предупредить международного урку о выкапывании из могилы бывшей ежовщины.

– Сколько часов длился ваш рабочий день и какие дозы чистого спирта вы получали в течении своей псевдотрудовой деятельности?

Ну, думаю, Коля-Николай, все это намного хуевей самого пиздеца, пора принимать меры и косить по-княжески, по-мышкинскому, в общем, по-идиотски. Затрясся, задергался, надулся, видимо, до синевы, подбегаю к другому концу стола и – хуяк в рыло Молодину полную чернильницу чернил. Она в виде глобуса была сделана зеками шарашки для подарка Гуталину, но на красный цвет всей нашей страны не хватило рубинов и их заменили изумрудами, что попало под вредительство, но чернильница почему-то осталась в дирекции. Хуяк я, значит, ее в рыло Молодину, а сам впадаю в эпилепсию. Впал, валюсь с копыт, хриплю, рычу, нагнетаю пену изо рта. По полу копытами-то колочу, ими же начкадрами по яйцам заехал, кто-то орет:

– Язык ему надо убрать, задохнется, зубы быстрее разожмите мерзавцу разврата, желательно чем-нибудь нержавеющей железным!

Скрежещу всеми зубами, так как запоминаю, каким блядям отомщу за все оскорбления, унижения, подозрения и обиды.

Кто-то сует мне под зубы рыжие часы карманные. Я челюстью двинул, они и тикать перестали. Глазами вращаю бессмысленно. Эпилепсия – первый класс, до такой ебаться надо дяде Ване с тремя сестрами в ихнем вишневом саду.

Перестарался я, засранец, затылком ебнулся об довольно дубовую ножку стола и – уф-фы-ф – с понтом вырубился. А они вокруг меня держат совет, чтобы сор из избы не выносить, Западу пищу не давать. «Скорую помощь» вызвали.

– Этого я никогда не ожидал от своей бывшей жены, – сказал Молодин, вся рожа у него вплоть до рубашки в чернилах, – хотя о ее интимных связях с Кимзой давно догадывался. Она просто мелкая извращенка. С сегодняшнего дня, товарищи биологи, мы с ней разведены.

От радости я чуть не вскочил на ноги, однако сдержался. А «скорая помощь» – ее за смертью, сволочь, посылать – все не прикандеживает. Тогда я стал медленно приходить в себя, поскольку ранее вышел из себя же. Мне говорят, чтобы не нервничал, работу обещали подыскать, дали попить нарзанчика, на Кимзу заявление просили сочинить и вспомнить, приносил ли он на опыты фотоаппарат. «Скорая» так и не приехала. В общем, они из-за меня заметно перебздели.

10

Вышел из института, беру такси, рву к дому Влады Юрьевны... в голове стучит, ни хуя себе уха!... вот чья, оказывается, была она жена... ни хуя себе уха... ах ты, Молодин, сука очкастая, жалко, что чернильница была глобусом и что Земля не квадратная – я б тебе, сука, сразу череп раскроил острым краем до самого гипоталамуса... надо же – такую парашу пустить про лучшую из женщин... мелкая она, видите ли, извращенка... подъезжаем к ее дому, шефу говорю, чтоб стоял и ждал, если хочет сегодня же вернуться домой... быстро нашел квартиру, звоню... открывает она, Влада Юрьевна, открывает, слава тебе, Господи!

– Николай Николаевич, почему это в чернилах ваше симпатичное лицо?

– Ваш бывший муж меня допрашивал, но я не раскололся и никого не продал. Он вас бросил, позорник.

– Ах, я так и думала, успел публично отказаться от менделистки-морганистки. Не стойте на пороге. Заходите. Собственно, я сию минуту сама от него ухожу. Уже собрала вещи.

– Едемте, пожалуйста, ко мне, – выпаливаю, как ныряю в колодец, – не думайте ничего такого, живу один, могу и у приятеля поошиваться, а вы будьте как дома, все мое – это ваше, даже если все ваше – не мое, такси ждет.

– Отлично, едемте, Николай Николаевич, но, кажется, вы с Толей проживаете в одной квартире.

– Ну и что? – кричу, одной рукою чемодан ее беру, другой – рюкзак, ручку сумки – в зубы.

Жил я тогда один. Тетку мою месяцев шесть как захомутали. Ее, если помнишь, паспортный стол ебал, она и устраивала через него прописки за большие бабки. Ну и погорела – жадность фраерюгу погубила, это тоже закон Природы-Матушки. Один из прописанных оказался югославским шпионом. А эти падлы не то что мы, которые всю дорогу в несознанке. Раскололся и тетку продал. Дедка за репку, бабка за дедку. Тетка беспринципно продала своего ебаря, тот разговорился. Тряснули яблоньку, и всех, кого они прописывали, выселять начали. Между прочим, тетке я кешари каждый месяц шлю и помогаю бабками. Вот хер-то, чтоб в беде Николай Николаевич оставлял родственников и кирюх. Значит, едем мы в такси, Влада Юрьевна мне ваткой чернила с ебальника стирает, а у меня стоит от счастья, так как за моей чистотой вовек не следили Любки, Гальки и прочие Зинки-Вальки. Все они любили меня неумытого на сплошных раскладушках, подоконниках подъездов, чердаках, в телефонных будочках, в помещении лифт-мотора. Романтиком я был – всегда в пути к местам подвигов и приключений. И оказывается, Влада Юрьевна еще до войны студенткой крутила с Кимзой роман. Но ломать ей, еще девушке, целку, как я понял, он ей до диплома благородно не желал, что уважаю. Тут война. Кимзу куда-то в секретный ящик загнали, бомбу-водородку делать или еще что-то. Года через два появляется он весь облученный от муде до глаз, к сожалению, на такую наживку только окуньков в проруби ловить, и то не клюнут. Трагедия у человека. Оба они хотели травануться и – концы в воду. Вопросов лишних не вздумай задавать, иначе накроешься, сам знаешь чем, то есть учись, мудила и скребок вокзальный, быть фактически не идиотиней, а джентльменом.

В общем, Молодин, замдиректора, уговорил как-то Владу Юрьевну. Хули, говорит вешаться-то, ты не зонтик и не шляпа, ты – красавица в науке, ты и в быту завидная фигура. Кимза дал ей согласие на брак. Она зачем мне все такое рассказала? Чтобы вел я себя с ним повежливее, посожалительней и не слишком выражался. Она бы в его комнате жила, но боится, что Кимза запьет от тоски, как это с ним уже случалось, поскольку с природой шутки плохи. Приехали. Сгрузили вещички. Я и рассудил, как проводник курьерского

вагона, что спускать лучше уж на тормозах, не то сгорят колодки. Взял бельишко и, унимая аритмию, говорю Владе Юрьевне:

– Поживу у кiryхи, а вы тут не стесняйтесь: за все уплачено. – И поканал к международному урке, к Фан Фанычу... аритмия, в двух словах, это когда адреналин, он же волнующий гормон либедухи, гонит сердце, как ту же лошадь, в гору, сука, в гору, в гору.

11

Это мы с тобой, кирюха ты мой тупой, забежали вперед, а в тот раз я взял пузырь истины в вине, как выражался Кимза, и поперся к международному урке. Лабораторию прикрыли. Завтра не дровичь. Можно и бухануть. Поддали. Предупредил я его, чтобы поосторожнее трекал, как за границу перелетал до тридцатого года в экспрессах. А то сходу пришьют космополитизм и еще пару пятьдесят восьмых. Фан Фаныч приуныл чуть ли не до слез. Он же, говорит, три-четыре языка знает и несколько «фенек». Польскую, немецкую, английскую, итальянскую и одесскую. Правда, на них его только воры понимают, барыги, местная полиция и проституция, поэтому он Родине сгодился бы чертежи какие-нибудь пиздануть из сейфа у Круппов-Симменсов, или посла, допустим, Японии молотнуть за все его ланцы, шифры и дипломатические ноты.

Знаешь, говорит, сколько я посольств перемолотил за границей?.. в Берлине брал греческое и японское, в Праге, сукой быть, – немецкое и голландское... но в Москве – ни-ни!.. исключительно за границей... я ведь что заметил: когда прием и общая гужовка, эти послы, ровно дети, становятся сверхдоверчивыми... в Берлине с Феденькой, полковником, эмигрантом – он шоферил у Круппа – подъезжал к посольству на «мерсе»... на мне – солидная накидка, смокинг, котелок, лаковые штитлеты, белая роза, но не в ширинке, а в скуле, короче, чин-чинарем... вхожу по коврам на балюстраду, по запаху канаю в фойе, где закуски стоят... самое главное в нашей работе – резко пересилить аппетит и ужасную тягу поддать чего-нибудь такого заморского... послы себе мечут за обе щеки... на столе, как пел Вадим Козин, поросята жареные, корочка хрустящая, колбасы отдельной – до хуя, в блюдах фазаны возлегают, все в перьях цветных, век свободы не видать, пир горой, а не большевицкий геморрой... попробуй тут, удержишься, слюни, как у верблюда, текут на белую салфетку, живот подводит... в Берлине вшивенько тогда с бациллой было... все больше черный да черствый и жареная на солидоле брюква, от чего пошел фашизм... но работа за рубежом есть тонкая самодеятельность, а не чистка обуви министрам в том же Рейхстаге... выбираю крупного посла с шеей покрасней и потолще... худощавого уделать трудно, он, враг трудового народа, как олень необъезженный, вздрагивает, если прикоснешься, и глаз на тебя косит, тварь... выбираю, значит, бугая с красной шеей, непременно с тройным подбородком, в тот момент, когда он косточку обгладывает поросячью или же ляжку фазанью... обгладывает, стонет, вроде бы кончает от удовольствия в брючата, глаза под хрустальную люстру вываливает, паразитина... объяви ты его родному государству войну – не оторвется от косточки... вот тут-то я, говорит Фан Фаныч, левой интеллигентно за шампанским тянусь, а правой беру у дипломата рыжие котлы с кандальной цепью и лопатник с валютой... какая там нахуй, не удивляй меня, бдительность – он занят исключительно косточкой... теперь огромная необходима воля, чтобы отвалить от стола с бациллой... коленки дрожат от голодухи... отваливаю. Феденькина «испано-сюиза» уже бьет копытами у подъезда... подает шестерка котелок... по-немецки трекаю, называю фуфловые свои титулы другому шестерке, и тот орет: «Машину статс-секретаря посольства Мурлындии, барону Питергофф!»... Феденька вырывает, солидно рвем когти ужинать в шикарный кабак... нагло работали... дернул же меня бес нелегально же вернуться на Родину – в Россию... а она, дура, которую ну никак умом не понять, отказала мне в шпионской должности... хотя я враждебную дипломатию подрывал и даже не закусывал... поневоле запоешь: «На границе тучи ходят хмуро».

А я сидел, слушал, забывался... не простое у Фан Фаныча было жиганское уркаганство, а рОман из серии «Жизнь самых замечательных людей»... посоветовал ему написать прямо в политбюро, пару раз откажут эти князи из грязи, потом устроят поишачить каким-нибудь шпион диверсантычем саботажниковым... однажды спросил у него что такое мор-

ганизм?.. рассказал, как мне его пришить хотели... международный урка загорелся, с ходу забыл свои посольства и экспрессы, пошли, говорит, возьмем морганистов с поличным, спросим, неужели уж им живого тела не хватает... душу мою такая разбирала сиротливая любовь и тоска всемирная, что я согласился... поддали для душка и тронулись... морг этот за нашим институтом во дворе находился... окна до половины, как в бане, белилами замазаны... свет дневной какой-то бескровный горит – в трех с краю... встаем на цыпочки и – давай косяка давить... никого там не было, кроме покойников... лежат голые, трупов шесть, и ихние бетонные раскладушки выглядят невозможно одиноко, смотрятся – вообще удавись, забудь о жизни на Земле... в проходе черный шланг змеей неторопливой из стороны в сторону вертухается – вода из того шланга хлещет обмывная, по-моему, мутноватая... дядя Вася, видать, выключить забыл... не поймешь – где баба, где мужик, но все такое мне уже не в печень... ноги подкосились от какого-то поганого страха и общей немочи... ничего нет страшней для меня, щипача, когда человек голый и нет на нем карманов... на пляже не знаю, куда руки девать... в бане, блядь, смущает отсутствие на телах скул, нажопников и пистонов для карманных же котлов... там меня особенно жестоко доябывает вся эта моя уголовнейшая генетика... на пляже-то находилось, хоть оно и голое, даже без карманов, но как-никак живое человечество, а тут, в морге, только жмурики, что еще безнадежней и тоскливей неразмораживаемых пельменей... международный урка прилип к окошку – не оторвешь, как будто заглядывает отсюда прямо на тот свет... прижег я ему голяшку папиросой – сразу оторвался... хули, говорю, подъезд раскрыл, нет тут нихуя интересного... он уперся, что все наоборот... и что как угодно можно себя представить – и в Монте-Карло, где он ухитрился спиздить у спальной посла Японии в Копенгагене, и в Касабланке, там он держал пари, за сутки целый бордель перебал, девятнадцать, погибает, палок кинул, пять долларов выиграл, и в Карлсбаде в тазике с грязью – ну где хочешь, там он и может себя представить... а в морге, говорит, изрубить мне залупу на медном царском пятаке в мелкие кусочки, не могу – и все... вот загадка – чем вострее кнокаю, тем больше не могу... еще слегка поддали... сидим в кустах, как лунатики, и поддаем... вот тогда я и расквасился, неровно сердце барабанит – реву, реву, как в детдомоском карцере... Фан Фаныч думал, что я перебздел, нервишки не выдержали, расстроенные трупами, но у меня не жмурики были на уме, а кое-что живительное, поэтому говорю:

– Лично я смерть ебу, как таковую.

– Ты-то, Коля, ее ебешь, но она-то с нас не слазит – пришпоривает гремящими мослами, вот в чем проблема жизни!

Тут я не выдержал молчанки и колонулся, что мою молофейку перевели искусственным макарон в Владу Юрьевну, и она таким путем попала – впервые в мировой истории... это уже значит, что, после татаро-монгольского, мы наконец-то догнали и даже перегнали всю Европу с Америкой... как быть?.. может, агитнуть Владу Юрьевну ковырнуть, а я уж, будь спокоен, сам ей по новой заделаю, возможно, тройняшек вроде Верки, Надьки и Любви Николавны?.. что мне теперь – идти в роддом с бациллистым кешарем, а букет правительственных роз спиздить в ЦПКиО, так что ли?.. как я теперь этакое вот сверхсекретное дитя на руки возьму, как я буду ласково его колыбелить, сам ни разу в жизни маменькой не убаюканный, ею не целованный?.. нихуя, реву, не понимаю... у меня компас неполноценки начинает барахлить... полюс Северный путается с Южным, а поганый ихний Запад – с нашим засраным Востоком... зачем науке, блядище любопытной, изобретать искусственную матку из редкоземельных мудозвоний?.. разве не смог бы я просто так кинуть палку любимейшей женщине – со своей-то генетики злоебучей молофейкой?.. к чему натуральному оргазму зря пропадать?.. очень верю Библии, что там, в верхах, за суходрочку беспощадно заклеямили и жестоко разьебли первопроходца мастурбации Онана... этот вообще всю Землю забрызгал непригодной молофейкой... я, сучий мир, еще, слава Богу, не меха-

низм, и муде у меня сварное, а не на расплюгавых гайках, не на ржавых болтах... грех говорить, но Молодин, замдиректора, хоть он и говнюк поносный, правильно расколошматил ломиком пиздообразный агрегат... одно мокрое место от него осталось – лужица ебанутой протонами-позитронами молофейки Николая Николаевича... обидно... что делать, если вдруг, скажем из Африки, или Австралии, закорячатся мне алименты?.. не бзди, участливо отвечает Фан Фаныч, есть правда на Земле, даже если таковой нет выше... вдруг его разобрал хохотунчик.

Такой, он вносит ясность, инцидент был у нас в Воркуте. Не знаю с какого бы хера я его вспомнил, видать, на почве шалавых нервишек. Один аферист-мошенник пятеру волок, ему год оставался, приезжает к нему баба на свидание с пацаном, с двухлеткой. Он ее с вахты вытолкал и разгонять начал. «Падла, такая-сякая, проститутка, меня тут с трудом исправляют, а ты ебешся с кем попало, алиментов захотела, ты не жена, а шантажинка!» Тут даже опер наш возмутился. «Такая нахаловка, – говорит, – товарищ Лялина, у нас не прохазает. Мы на стороне заключенных, тогда как личных свиданий у вас не было ни одной палки, потому что муж ваш фашистская чума, картежник, отказник и саботажник. Идите на хуй, откуда вы и сорвались в наш почтовый ящик!» Баба – в вопли, баба – в слезы разлитые, но настырничает, дескать, приходил однажды Лялин в командировку, в качестве вашей же премии за ударный труд. Называется она у вас: помни сам и передай другому, что честный труд – дорога к дому... пилил меня, конечно, говорил слова, что МВД решило помягче быть с природой. А Лялин кричит: «Конвой! Бей по ней прямой наводкой! Пускай, отраву, проверяет деньги, не отходя от кассы! Шантаж!» С тем баба и слиняла. А ведь чумовой Лялин – один к одному – в побег ходил. Только я знал об этом. Нас тогда даже не считали, отец-мороз – минус сорок пять, вьюга-мать, жисть бекова, жрать нехуя, харить некого, а рвануть некуда. Но Лялин хитрожопо сбежал, потому что загипнотизировал одного баклана на вахте. Он это умел. Я, говорил, драть не желаю принципиально, поэтому и Конституцию фуфловую видал в гробу, и наебаловочные выборы ебу, как говорится, в самый ихний Греховный Совет СССР... так что за пару суток он наебся с той бабой, как паук, и причапывает обратно – в неволю. Завалился на вахту, весь в снегу, дрожит, говорит, неподалеку меня обморок в сугроб хуякнул, я остыл в нем, как рыба, никто из конвоя не рюхнулся, а теперь оттаяла, чудом жив-здоров, поэтому являюсь настоящим человеком с большой буквой.

Много чего еще натрекали мы друг другу с Фан Фанычем. В морг так и не вломился ни одни из морганистов... ты прав, кирюха, зверства кровавого фашизма, помноженные на красный террор, привели извращенцев к эпидемии антижизненных сношений с трупешниками женского пола. Вот что значит душисть в нас религию, которая есть ум народа, честь его и совесть, как лично мне сказал наш Академик.

12

По утрятке заваливаюсь домой... ты пей, кирюха, скоро конец, самое интересное начинается, а я поссать сбегаю... ладно, иди ты первый... я постарше – потерплю... ну вот, побрызгали... ведь правда, как отлично на душе, если ссышь и с невыносимую внутри не щиплет резью, или, к примеру, жрешь, но запором не мучаешься, принесет баба с похмеля кружку воды, а ты ей в ножки кланяешься и не знаешь, что лучше – она или вода, если обе – нечто вроде чуда... к тому же Господь Бог по молекуле воду создавал да по атому – два водородных, один кислородный... если лишний к ним какой-нибудь примажется, то пиздец – уже не опохмелишься... Божье, замечаешь, чудо? – конечно, оно, это без вопросов... не шуточка же Юрия Никулина, который помогает нашему народу смеяться как детям среди упорной беды и труда... или воздух возьми... ты об нем хоть разок в день задумываешься?... вот и главное, хули думать, если его не видно... а в воздухе каких только нету газов... навалом, включая злобное бздо подлого нашего сероводорода... и все газы прозрачны, чтобы ты, дубина стоеросовая, дальше носа своего смотреть мог, тварь ты, Творцу нашему неблагодарная, жопа близорукая... «не видно!»... вот и нужно нам, людям – от первого до последнего двуногого – думать побольше о том, чего не видно... о воздухе, о воде, о любви, о смерти, само собой, о свободе и чтоб друг другу не подсирать в небесах, на земле и на море... тогда и жить будем, существуя радостно и благодарно... не жизнь, чтоб мне сгнить, если я не прав, а сплошная амнистия... да, я стал пограмотней, чем был, нехуй удивляться, не стоим на месте, меня кандидаты, доктора наук и академики воспитывали, пока тебя конвойные ефрейторы пиздячили прикладами прямо по мозгам... ничего – восстановятся, хавай побольше фосфора, чтоб залупа по ночам светила.

Трекать буду путанно – я и сейчас взвинчен – ужасно мандражу. Заваливаюсь по утрятке домой, а Влада Юрьевна лежит бледная на моей совмещенной диван-кровати. Рядом – Кимза, пульс щупает. Что такое? Выкидыш. Не удержался Николай Николаич в бедной Владе Юрьевне – за что ей такие страдания? Не видать теперь Кимзе с Академиком полного торжества мирового рекорда для своей науки. А я-то что, как отец ребенка? – я, получается, вообще в полной жопе. Заваливаюсь, значит, домой. Там все уже произошло на нервной почве. Молодину стукнули, что Влада Юрьевна живет в квартире Кимзы, он и прикандехал с повинной. Оказывается, говорит, при таком моем служебном положении лучше не разводиться, тем более партком против, так как в горкоме не любят разводов членов партии. Дело не половых сношениях, положенных обеим сторонам брака, а в смысле газет, книг, кино, можно кофе, чай, стирка и какао. В случае же отпора Влады Юрьевны, он донесет, что тут незаконно обучают половым извращениям недоразвитого уголовника, то есть меня, чтобы Влада Юрьевна вырастила из моей спермы инопланетный миллион таких же низколобых амбалов, опять же как я. Ага, я еще и амбал. Кимза головой его в живот боднул и теткиной спринцовкой отхерачил. Влада Юрьевна разволновалась и выкинула как раз тогда, когда мы с уркой надирались у морга. Хорошо еще, что я отсутствовал, а то взял бы, сука, Молодина за горлянку и башкою, блядь, башкою колотил бы эту крысу прямо об унитаз, об унитаз.

За Владой Юрьевой я, как за родной сестрой, шестерил. Икры тогда еще до хера в магазинах было и крабов. Проедусь в час пик на «Букашке» – и в Елисеевский, купить чего-нибудь бациллистого, в разрезе севрюшки-ветчинки-левых апельсинчиков-конфеток «Мишка на Севере» – «Южная ночь».

Ночами же по два раза парашу выносил в сортир. По коридору нашей коммуналки ходить было сложновато. Сосед Аркан Иванович Жаме к бабам приставал, с ногами, сволочь, забирался на рукомойник – через ванную в окошко разглядывал дамские горячие тела. Но не рукодействовал, а, поднабравшись сеансов, бежал в сортир дрочить. Стебанутый был

на половом вопросе нашего времени, точней, ебал глазами, спуская лишь носом. Подслушивал и подсматривал как жопастые соседки оправляются. Он же и стучал участковому, что в квартире творится. Особенно на Кимзу. Как тот в сортире постоянно глумится над мятой-перемятой «Правдой» и хохочет, хохочет над планами партии – планами народа. Кимзу дергали на Лубянку, где заявляет так, если не чернушничает: смешно мне, товарищ начальник, оттого, что я человек, царь природы, не хер собачий, разум мой могущественный думает о звездах, однако сам я, отлученный от науки, вынужденно сижу на толчке, в коммунальном сортире, как орангутан какой-нибудь, и хохочу сквозь невидимые миру слезы, если верить показаниям самого Гоголя, а я им верю. Отбрил, он, в общем-то, Лубянку, не перебздел.

Короче говоря, выходил я Владу Юрьевну. Закукарекала, милая, а я-то давно уже сижу на голодной птюхе, как говорится, недроченный на работе, неебанный в гостях. Веришь, левое яйцо с неделю ломило и оно неслыханно опухло. Захожу в одну шикарную гостиницу, в Гранд-Отель, помацать, что с ним... с яйцом моим, мудила, а не с Гранд-Отелем. Я давно знал, что там у них, в фойе, сверкает громадное зыркало, причем, во весь мой рост – не то что осколок полуржавый в коридоре вшивой нашей коммуналки... это ты говоришь – зеркало, а вот я его называю – зыркалом, от глагола зыркать... глагола зеркать нет ни у Матушки-природы, ни у Языка-батюшки... подхожу к тому зыркалу, и что ты думаешь вынимаю из ширинки, на букву Х?... ну и деревня ты, кирюха, затопленная Братской ГЭС, – хозяйство свое я вынимаю... ебитская сила, цветное кино... яйцо-то мое какое-то все серо-буро-малиновое с продристью... тут швейцар подбегает – седая борода и нос, еще более разноцветный, чем то же мое яйцо... шипит в ухо, грабкой больно тычет в бок: рыло, гад народа, охломонина, три годочка захотел за хулиганку?... запахивай шалавую мотню-то... Франция, эвона, на тебя глядит, позор ты нашей несчастной родины счастливой!

Гляжу, на лестнице бабуса-интуристка стоит, наштукатурилась, аж щеки обвисли, лицо цвета твердокопченной брауншвейгской колбасы... ебало раскрывши, за мной наблюдает, фотоаппарат уже наводит, стервь, прямо в запредельно загадочную душу русского человека, а швейцар – тянет меня под руку на выход и шипит, и шипит по-кащевски: деревня хуева, распиздай болотный, ты бы лучше в музей Революции сходил, чем интуристам яйца демонстрировать!

Я у него за такие речуги червонец из скулы щипанул и ему же отдал его на чай, заходите, дорогие гости, всегда-пожалуйста, очень мы вам рады, говорит, залыбившись, гнида швейцарского лакейства.

Любовь, кирюха, чтоб ты знал, пиздец как невозможно, мучает организм тела, тут же изводит душу, а уж они-то совместно, вроде партии-правительства, выкручивают твою личность, терзают ее и взвинчивают так, что хрена с два развинтишься, и в это время мужчина хочет только женщину – одну из всех... врубись: это в нас осталось еще от первоначальных обезьян эволюции Чарли Чаплина, верней Чарли Дарвина, как меня образовывал наш Академик... жисть, сука, была мне не в жисть... главное, дышать стало так натужно, что охота превратиться в Анну Каренину и ебнуться под тот самый паровоз, который отвозит говно из Кремля на колхозные поля.

Короче, весь этот геморрой, зубодробилка и терзающий ревматизм, называется, как сказал Тургенев, первой любовью... нехуй лыбиться: по роду работы дрочил я очень медленно, иногда целый час, так как между телом и душой – ни малейшего не было у меня согласия... одновременно читал разные книги, создавал в себе настроение уважения к жизни и науке – не наоборот... ты меня изводишь!.. о книгах – позже, я сказал – позже, блядский род, о книгах!.. читать привык я очень быстро, а на средней скорости мастурбируя, кучу книг проглотил, не перескажешь названий... плевать, что лично ты дрочил бы быстро, а читал долго... ты лучше пасть заткни и хоть одно открой, философ хуев, ухо.

13

Характер имею такой: решение принимаю как раз тогда, когда самая уже пора приставлять хуй к виску – кончать самоубийством и нахер никому не нужную, найденную на пороге обкома, всю эту жизнь, данного мне существования белковых тел... кемарил на полу – не на потолке же... один раз не хватило нервишек – не выдержал, растерзал кальсоны на мелкие кусочки, иными словами, сжигаю за собою все мосты, отступать некуда... затем встал, как в церкви, на коленки, с головою зарылся в одеяло и тоскливо мычу:

– Влада Юрьевна, не могу пытку такую вытерпеть – или помилуйте или, говоря хирургически, определенно кастрируйте...

Что же, боже мой, отвечает Первая Любовь, она же Маша Троекурова, мадам Бонасье, Нелли Уленшпигель, Аксинья, «Тихий Дон», в общем, мороз и солнце, день чудесный?... я, отвечает Влада Юрьевна, нисколько не удивлена... между прочим, медовый ее голос тих, спокоен, как будто стоял в тот момент не вопрос о жизни моей и о моей же смерти, а сидим мы с нею в баре и беседуем о том, о сем, попиваем жигулевское пиво, воблочкой закусываем вяленой... мне, говорит она, отдать вам всю себя не жалко, только, к сожалению, из подобной близости ничего у нас не выйдет, потому что я окончательно фригидная особа, далекая от оргазма удовлетворения и вас, Николай Николаевич, и себя лично.

Стою, значит, на коленках, дрожу, сердчишко рвется из ребер, как голодный тигр в зевринце, сожрать сторожиху желающий, а она продолжает:

– Моя жизнь с Молодиным была пыткой для меня и для него. Поэтому вам лучше с замороженной рыбой переспать, чем со мной. Такая для мужчины женщина, как я – оскорбление и унижение. Только не подумайте, что кокетливо капризничаю. В конце концов, Николай Николаевич, пожалуйста – снимайте шлепанцы, ложитесь.

Ну, думаю, Коля-Николай, это момент моментов – никак нельзя тебе жидко обосраться, никак... ух, кирюха, давай врежем еще по одной!.. я тебя уважаю не за интеллект, а исключительно за силу акульчих твоих челюстей... ты – легенда и рекорд по откусыванию своими же зубами чемоданных замков.

Короче, как сейчас многого не помню... не вздумай интересоваться... не до разглядываний было чудес телесных, поглаживаний, засосов и дальнейшего гинекологического предваривания... не помню, как начал... пилю, пилю, обалдеваю от ясности сердечной задачи, но жалкий свой умишко от нее отвлекаю... даже урку международного вспоминаю... тот учил меня, что почти каждая дама представляет из себя спящую царевну... нужно так шарануть детородной елдою по ее хрустальному гробику, чтобы тот моментально на мелкие кусочки разбился... и вот тогда один острый осколочек у дамы в сердце застревает, а другой впивается умонепостигаемой занозой в отдел контроля мозга, который у ебущегося человека – нечто вроде водительницы трамвая, чтоб мы, козлы, не сходили бы с рельс... короче, держу себя в руках... и чую вдруг такую какую-то лучезарную ебитскую силу, ну нисколько, ну, сука, ни капельки не похожую на суходрочку – словно забиваю заветную палочку не то что серебряным молоточком, а изумрудною я ее забиваю кувалдочкой... никогда со мной такого не бывало, никогда... ты веришь, на койке не двое нас, чую, пребывают, а некто третий, не я и не она, но с другой стороны – мы же сами ими и являемся... ужас, скажу я тебе – кошмар как было страшно... а вдруг мой разможжится об ее хрустальный гроб и не осилит задачу?... что тогда?... многого не помню, о многом умолчу, но тогда я все ж таки додул, что не долбить надо, как Стаканов, антрацит долбил отбойным всесоюзным молотком, а иначе... надо тонко стругать драгоценное деревце, для скрипки подсохло которое, чтоб петь и плакать – Ойстрах на такой пиликает... нужно, так сказать, по ходу дела, учиться превращать, сам понимаешь, настроенный инструмент любви не в отбойный моло-

ток, а в ювелирную стамеску или в ловкий лобзик... на словах – нельзя этого объяснить, нельзя... не перебивай и не струхни по-новой в трусики... иначе говоря, желательно с самой первой палки закукарекать золотым петушком над своею золотой несущечкой... ты кнокал в подарках Гуталину китайское яйцо?... там в нем – яйцо другое, а в другом еще штук десять, одно другого меньше, поювелирней и все разные, красивые, сука, нигде не треснутые... подобные, скажу я тебе, яйца могли делать только китайцы задолго до татаро-монгольского ига, которое, если не забыл, задержало Россию лет на триста-четыре... так вот, я додул, что восстанавливать Владу Юрьевну из пепла птицы Феникс надо не менее тонко, чем вырезать в одном яйце – допустим, из хуя моржового, или из пары слоновых бивней – полдюжины других яиц ко дню рождения лучше бы Пушкина, чем Гуталина... Не Феликс, а Феникс, и это легендарная птица – не путай с чахоткой Держинского... ты меня вновь отвлекаешь... Влада Юрьевна подо мною, в натуре, как рыба в аквариуме, дышит ровно, но без всякого удовольствия и интереса.

– Вот видите, – говорит, – милый вы мой Николай Николаевич, вот видите?... я не женщина, я даже не лягушка.

Ее голос и ее слова вознесли меня до самых, можно сказать, Небес – не ниже... при этом чуть не плачу над спящей моей царевной, однако мой не прогибается, вроде Бухарина перед ебаным прокурором Вышинским – наоборот, торчит, как радиобашня на Шаболовке... до гроба буду уважать эту своеобразную часть своего тела и, по возможности, удовлетворять ее потребности при ловле кайфазмов... это плохое слово... короче, гоню и гоню картину, не боюсь испортить киноаппарат... отчаялся совсем уж было в одинокую какую-то пельмешку... вдруг – что я слышу, что я чувю?... о, Николай Николаевич.. о, Коля.. о, Коленька.. этого не может быть.. не может, не может быть никогда-а-а!.. все громче, все лихорадочней что-то она говорит, и дышит, как паровоз «ФД» на подъеме, и шепчет и шепчет горячее и горячее... Коля, Коля, Коля... совершенно по-ми-ра-ю-ю-ю... мамочки... этого не может быть!.. да, ты прав, в этот самый момент ослабевают мозг и у милых женщин, и у нас грешных – резко глупеем, что-то бормочем, как ребеночки... одно могу тебе сказать, кирюха, другой такой вот любимой, воодушевляющей с головы до пяток, Влады Юрьевны, сроду не нашел бы я во всей вселенной, когда бы всю ее проехал, как пел отчаяннейший из отчаянных русский человек... из последних уже сил рубаю дровишки, словно я не черт меня знает что в лаборатории, а артист Урбанский из кино «Коммунист»... посмотри эту картину, посмотри обязательно, кирюха... за всех мужиков Земли и прочих обитаемых миров рубаю и рубаю, и в ушко ей шепчу, то есть Владе Юрьевне, что может, может, может!.. вдруг она в губы мне впиалась чуть ли не зубами, потом закричала: «Не-е-е-т!»

В этот момент я – с копыт... оклемаюсь – у нее глаза закрыты, слегка бледна, но щеки горят, лет на десять помолодела, поскольку она старше меня... обморок... я ужасно перебрздел – моя радость вроде бы и не дышит... соскакиваю с койки, бегу на кухню за водой в чем был, так как я ни в чем и не был, забыл, что без кальсон – я их больше не ношу... отдышка, руки дрожат, как после стакана денатурата, в шнифтах темно, налетаю в коридоре на Аркан Иваныча Жаме... огулял его сзади, стукача позорного, своим вроде бы обессиленным... он – в хипеж, дескать, посажу, уголовная харя, невежда, хамло, хулиган, ничтожество!... это я-то ничтожество, который спасал царевну от фригидности вечного холода, кемарившую в своем гробешнике хрустальном, да?... я ему еще одного врезаю крепкого поджопника – с селедочной отшлепкой – и второго, сука, – с жиганской оттяжкой!.. завтра, говорю, по утрянке потолкуем, гаденыш ты злобный змеи подколодной, а вовсе не священной для человека маменьки.

Прибегаю к своей милой, знаю уже точно, что к единственной... тряпочку – на лоб, ватку с нашатырем – под носик, затем уж дал глотнуть водички... и тут открывает она глаза и смотрит, и словно бы меня не узнает... с этой секунды, говорит, Николай Николаевич, вы

для меня сверх родной человек... только не комплексуйте – боже упаси... нет никакой у нас разницы в возрасте, а образование – дело наживное, собственно, все такое вообще говно... я лег рядом, обнял Владу Юрьевну, думаю: все, пиздец, теперь только ядерная заваруха может нас разлучить – никакое другое стихийное бедствие, включая мое горение на трамвае «Аннушка», в троллейбусе «Букашка»... потом отважился спросить, а что если, немного погодя, мы с вами еще разок в тартарары слетаем?... о, Коленька, всегда, всегда, всегда... ведь я не ведьма, а вы не Кашей... пожалуйста, давайте уж полетим, только уж не в тартарары, а снова прямо в рай... потому что теперь, кроме нашей любви, никакого другого светлого будущего, нет для меня, да и быть его не может – я иного, если хотите знать, не желаю.

Больше ничего тебе, кирюха, знать не положено, так как личные тайны поважней тайн военных и партийных, а государственные секретешки я вообще считаю гондошками рваными и считаю их врагами молофейки как таковой. Поутрянке приходит к нам Кимза с бутылкой в руках и уже поддатый, рыдает, целует меня и каким-то, альтерэго называет – в этот раз без подъебки. Я вышел. Оставил его с Владой Юрьевной. Они поговорили – он с тех пор успокоился. Но, подзабалдев, все равно говорит мне альтерэго... это значит, что я – его второе эго, а эго, рябит твою гладь, значит, я – это я, а не ты – вот что!

14

Живем, хлеб с маслом жуем. Все нормально. Я не ради бабок, а для острастки врага науки, снова увел у Молодина всю получку. Тонко увел – казалось бы, из неприступной скулы. Из-за такого балета грабки, плечи и шея ныли, сука, так, как будто рельсу таскал на хребтине. Зато угостил всю лабораторию портвешком и добыл закусон. Потом к себе прислушался: тишина, совесть не мычит, не телится – она же не глупая, сечет, что должны же, в конце-то концов, происходить хоть какие-то наказания преступлений ебанных начальников и всяческих фюреров, водил имею в виду. Кимза микроскоп домой притаранил со всякими реактивами – опыты продолжать. Ты, говорит, матюкам меня научил, поэтому слушай, так как, судя по всему, сия лексика исторически необходима миллионам людей – она моментально и всесторонне точно характеризуют любую из проблем и, видимо, снимает уныние. Если вдуматься, никуя не поделаешь, Коля, тебе придется уйти к ебенной бабушке в катакомбы и стать мастурбатором-надомником – без твоей молофейки мы в жопе. Прогрессу науки ебать наши временные трудности и хуеватые обстоятельства – он не должен терять время на ожидание превосходных для исследований условий... извини Влада.

– Зря извиняетесь, – говорит ему Влада Юрьевна, – мат, как ничто иное, сообщает вашей речи непривычные для меня живость и изящество, а вот когда Николай Николаевич старается «не выражаться» – из него, бывает, не вытянешь ни одного внятного слова. Если же, «выступая» он меня не замечает, я слушаю его, даю слово, становлюсь похожей на страстную меломанку, однако не способную чудесную мелодию напеть, потому что на ухо наступил медведь.

– Одним, – замечаю, – в масть привыкнуть к мату, другим – отвыкать от матюков пришла пора... а привычка – штука прилипчивая... в общем, спермой я вас, коллеги, вы же партнеры, обеспечу, хотя, кое-кто болтает, что вредна для здоровья такая работа, вредна... неужели, Влада Юрьевна, ни капли вам не жалко мою молофейку?

– Убеждена, что вскоре отбоя у нас не будет от доноров, собственно, Николай Николаевич, вы и займетесь проблемой так называемых кадров, инструктажем и прочими делами. А пока что мы должны работать и работать во что бы то ни стало – продержимся. Можешь мне поверить, Коля, лгать я тебе не стала бы: простата мужского организма только выигрывает от частого повторения оргазмов, предупреждающих ее увеличение, воспаление и так далее.

Так она сказала, и все мои сомнения, все уныние и пессимизм – как рукой смело... на самом деле, ну нисколько было мне не жаль молофейки для науки... чего-чего, а этого добра хватало на все... вопросы есть?... мы с Владой Юрьевной были то на вы, то на ты – мне это очень нравится, очень... повторяю, извини, к постели никого из людей – близко не допускаю... кроме того, момент переживания страсти запомнить невозможно, как правильно рассуждает международный урка... Академик тоже пытался дотумкать что тут к чему... считаю, говорит, на проблеме оргазма, как на всех Высших Силах, словно бы висит плакат: не влезай – убьет!!!.. но чтобы, как выражается Николай Николаевич, не перебздеть, наоборот, взять и влезть – именно влезть, на зло врагам науки – нужно быть не менее чем Ньютоном и Эйнштейном... ну хули ты опять прилип, как в бане пидарас к невинной жопе?... я сам нихера не знаю почему оргазм – мировая тайна, этого не знает никто... к примеру, вот ты – любопытствующий хмырь – помнишь маму, папу, футбол, пельмешки с опохмелки, прокурора, всенародные суды, ебанные компании в защиту разных забугровых партийных придурков, водяру, душок черемух-ландышей, печальку запашка, на пересыльной баньке, женской раздевалки и хуеватое международное положение светлого будущего, но вспомнить весь целиком оргазм, то есть мыленно его пережить – от самых алмазных мурашенок до обмо-

рочной трясушки – ну, блядь, никто не может – никто... даже самым порядочным гениям, вроде Пушкина с Гоголем это не по силам... Достоевский – другое дело... как сказала Влада Юпьевна, не надо путать эпилепсию гения с непостижимой тайной соития всех живых существ, особенно, людей... слушай, корифей всех времен и народов только курил свою трубку, но широким трудящимся массам планеты он про оргазм не сказал ни единого слова... просто заебись... выходит дело, оргазма не существует, если верить КПСС, как и Господа Бога?... но оргазм-то, по словам того же Академика, есть альфа и омега основ самого Бытия, прикосновение к которому порождает Жизнь как таковую, затем все виды Живого... вот в чем дело... выходит что?... жить, блядь, в стране стало с понтом лучше и веселей, Ботвинник поставил раком всех ихних чемпионов мира, так?... Мичурин на самом крайнем севере – не в Крыму же – впервые в истории партии начал груши с яблоками прививать колючей проволоке, так?... Гуталин чуть-чуть не распиздячил всю планету водородкой, мы целые реки поворачиваем хуй знает куда, тем более, зачем, так?... Но даже все эти Кырлы Мырлы, Картавые и Гуталины не сумели разложить оргазм по косточкам, по суставчикам, по хрящикам и прочим охам-ахам... мы вот можем днем и ночью на своих же шкурах и хребтинах испытывать наивысшую тайну всех времен и народов, а сказать о ней что-нибудь вразумительно разъяснительное, допустим, как дважды два – четыре... да мы же, рябит твою гладь, согласно Пушкину, безмолвствуем, гондоны, просто таки говна во рты свои набрамши... вот поэтому, кирюха, каждый живой человек, если он, конечно, не жмурик, старается почаще, в паре с милой женщиной, поебстись, как говорит народ, чтоб по-новой испытать всеми своими жилочками этот самый оргазм наиважнейшего чувства наслаждения, хотя сам он ну никак не желает задержаться в нашей слабой памяти – хоть ты повесься... мол, хуюшки вам, а не гуталинская премия за историческое раскрытие всех моих наисладчайших тайн... хули далеко ходить?... думаю, если б наш ебанный организатор и вдохновитель всех побед не был фригидным членом своей партии, а как нормальный чмо – вот, как мы с тобой – с удовольствием кончал бы в финале каждой палки, то он, в этом случае, уверяю тебя, никогда не спустил бы моря-озера-реки всенародной кровищи в канализацию всей страны плюс в диктатуру проклятой советской власти... аж печенки-селезенки-руки-ноги-мозги-жопа секунд на десять-двадцать позабыли бы, кто они у Гуталина такие, а сам он – по себе знаю – был бы намного добрей, главное, не таким чумовато шизоватым... меня вот тогда, когда доябывали вопросами на парткоме с профкомом, месткомом и Особым отделом, так спросил один хмырина из Горкома... как вы, Николай Николаевич, являясь профессионалом своего дела, полагаете: отличается так называемый оргазм советского человека от оргазма раба империализма, а так же евросоциализма человеческого лица, или не отличается?... а как же, говорю, отличается и еще как... потому что наш оргазм... в общем, говорю, и в частности лично я считаю наш оргазм целиком и полностью получезарней ихнего – не менее, но всегда более чем... поясните, по-че-му?... потому что там у них различных наслаждений и удовольствий намного больше, чем у нас... кроме того, они захавались, а мы недоедаем, недосыпаем, для них же выстраивая светлое будущее, словно нехуя больше нам делать... да, я слово – в слово, сформулировал такое положение... у нас, говорю, что с наслаждениями и удовольствиями?... раз-два – и обчелся, пиздец рулю, поем аля-улю: получка, бутылка, праздники, деньки рождения, футбол, отпуска, кинул милой пару палок, всесторонне озарен – не то что Лондоны-Парижи – потом даванешь храпака, а поутрянке снова на работу... короче, не кривя душой, скажу так: наша ебля рабоче-крестьянская вкупе с научно-интеллигентской – намного получезарней ихней там ебли, намного... и что ты думаешь?... тишина возникла такая, что слышно было, как мандавошки шуршат в паху какого-то партийного ревизора... короче, иди ты в жопу – только отстань от меня с вопросами сталинизма... хер его знает, почему именно оргазм не расшифрован ни одним из знаменитых рыл в серии «Жизнь замечательных людей»... повторяю: это ведущая тайна всей Природы – все, пиздец, ты меня

достаешь, наливай!.. а то что я наблатыкался в нашем, как говорит Кимза, нии проебу, то есть в нии проектирования будущего, – ты вот подроочишь, считаешь с мое, потрекаешь с выдающимися особами, нахаваешься политики, культуры и науки, кончишь ШРМ, вот тогда, не бзди, сделаешься, вроде меня, слегка поинтеллигентней.

Одно скажу я тебе, кирюха, но своими простыми словами: каждую ночь, бывало и днем, с нею оба мы с копыт летели, наподобие чапаевской тачанки... если я первый шнифтами заворачочаю – подношу Владе Юрьевне ватку с нашатырем к ее милому носику, или же она первая заботливо меня реанимирует... иногда спрашиваю прочухавшись: ну как, по-вашему, Влада Юрьевна может это быть или не может?.. если, Николай Николаевич, отвечает, ничего такого самой не испытать, то поверить в реальность подобного переживания невозможно... это явление небесного происхождения, а не земного... оно – теперь известно и мне – на какие-то священные секунды причащает нас к животворной Бесконечности самого Бытия... кроме того, Влада Юрьевна тогда же попросила: умоляю тебя, Коленька, пожалуйста, Христа ради и наших с тобою чувств, никогда не произноси палаческого, бандитского, людоедского словечка «кончай»... ведь мы на миг прикасаемся к одной из Высших Сил Бытия – к тому животворно прекрасному мгновению, которого не остановить ни Мефистофелю, ни Фаусту, почитай это сочинение Гете... а то кажется, что призываешь меня и себя черт знает к какому злодейству... я, помню, горячо возразил, что раз это ваше, Влада Юрьевна, фартовое мгновение никак не остановишь, то, всегда-пожалуйста – просто невозможно его не повторить, далее везде... заткни, умоляю тебя, пасть, кирюха, заткни, проглоти вопросы... ни слова, я сказал, адреналин опять вхуярил мне в гипоталамус... не в очко, амбал, путаешь с анусом – прямо в нервишки наилучших моих чувств!.. что надо шептать, высказывать, орать и выть вместо «кончил», не знаю... и вообще, хули говорить, раз все ясно без всяких словечек, за которые держимся, как за соломинки, когда вот-вот настигнет оргазм, когда он вот-вот твои собьет копыта, блядь, с немыслимой орбиты... об остальном интиме, повторяю, знать тебе не положено... согласно Сталинской Конституции, если верить Кимзе, каждый Человек, гордо звучащий с первой же большой буквы до последней буквочки, имеет право на личную душевную тайну в своем отдельном теле.

15

А время идет. Уже морганистов разоблачили, космополитов по рогам двинули, Лысенко, крысеныш гнойный, гад народа, Героя Труда выколотил. Кимза пенсию схлопотал. Влада Юрьевна старшей сестрой в Склифосовский устроилась, я туда санитаром пошел. Тяжелые были времена. На «Букашке» меня, как рысь, обложили, на маршруте «Аннушка» слух пошел, что карманник-невидимка объявился. Дела – говно. К тому же Аркан Иванович Жаме начал крысятничать. Заявление тиснул, что Влада Юрьевна без прописки, в квартире расцвел анютиными глазками половой бандитизм, некоторые, видите ли, Николай Николаичи бегают на кухню по ночам с обнаженными членами своих пенисов.

Все такое открыл мне участковый, мы с ним были на вась-вась, потому что подружались. Однажды мне в одном лопатнике блЫстнула пара билетов на финал Кубка Спартак-Динамо. Сидим, места, как у министров, лаем, чуть не подрались, потому что все менты, гады и легавые болеют за Динамо, а многие, включая меня, враги поганой власти – за Спартак. Вдруг подходит какой-то туз сарделек... с ходу вспоминаю вонючую его, на весь трамвай, обвисшую фигуру... стоит этот чмо надо мной и нахалит, сука, какого такого хуя сидим на его местах, поскольку он запомнил их номера на двух своих спиженных в трамвае билетах, из-за чего его ведьма осталась дома и хочет разводиться... пришлось мне действовать есть во весь... приподнимаюсь, левой беру его за яйца, справедливо ею же сжимаю которые, а правой прижимаю сальную, не менее вонючую шею к своему уху и шепчу: послушай ты, тупое зубило из Нижнего Тагила, эти билеты лично я втридорога купил у барыги, так что не барнауль, пропадлина, не то вспорю брюхо, выпущу нахуй кишки с другими потрохами – сразу похудеешь кг на двадцать, не мешай, блядище, переживать финальный матч... ну туз сарделек побелел, извинился за нахрап и желание взять меня за горлянку... участковому было не до нас... так что, спиженные билеты на футбол, в Большой Театр, Аркадий Райкин, или на хоккей – улики очень для щипачей опасные, очень.

Главное, сижу в тот раз и стесняюсь своего фокусничания в трамваях и троллейбусах. Ты что? – в метро я не куропчил, ведь под землей в мозгах такие возникают страхи, что из меня, из самого, имеющего, кажется, фаустофобию, можно спиздить хоть почку, хоть слепую кишку... идет футбол, а я думаю: что было бы, если б Влада Юрьевна оказалась рядом со мною вместо участкового?... как-никак она, так сказать, честь моя и совесть, кроме того, любви все возрасты покорны... запахло бы пиздецом отношений... я прям чуть не взвыл от страха, хотя в тот момент мой Спартак захуячил все же гол ментовскому Динамо.

Ладно, вернемся к гаденышу Аркан Ивановичу Жаме. Вот блядище! Он, стуча, клеветает, клеветца же, сукоедина, стучит, а тронуть эту проказу коммунальную нельзя – повяжут, влупят срок, я там без Влады Юрьевны повешусь на вонючей портянке. Иначе я б Аркан Ивановича Жаме до самой сраки колуном расколел, а там бы он сам рассыпался. По утрянке выбегает на кухню с газетами и вслух политику хаает, противно так чавкая:

– Латинская Америка бурлит, Греция бурлит, Индонезия бурлит! – Весь дрожит от такого бурления, вот-вот струхнет в портки, сукоедина мизерная. – Кризис у нас на носу мировой капиталистической системы, слышите, Николай!

Сам каждый день новых баб водит, сразу по две. Пусть водит, широка страна моя родная, не жалко, на то он и парикмахер дамский. Только – к чему стучать? Из-за него, гадюки, меня дернули на Петровку тридцать восемь. Капитан еле языком ворочает, видать, с похмелюги.

– Признавайся с ходу – занимаешься онанизмом с далеко идущими целями?

– Занимаюсь. Только статьи такой нет, мы кодекс наизусть знаем. – первый раз в жизни иду в сознанку.

У него шнифты на лоб:

– Зачем?

– Привык, – говорю, – с детства по всяким домам и тюрьмам ошиваюсь. Если Конституция запрещает, я, конечно, дрочить перестану, чтоб не мешать нашему поступательному движению, хер его знает куда и зачем. – Он смеется:

– Есть сигнал, что молофейку в микроскоп высматриваете сперму с соседом, фамилия – Кимза.

– Да, рассматриваем, это лучше, чем по-обезьяньему блох выискивать друг у друга. Конституция не воспрещает, наоборот, нашему народу всегда позволено испытывать научный интерес к тому, на что встает вопрос.

– Ты, смотрю я, кукарекаешь, как профессор. Зачем, с какой целью и хули там вообще-то высматривать?

– Потому что работаю в последнем слове биологии – вот зачем... вы сами-то хоть раз видали в молофейке кое-что на букву Х... только не надо, не надо замахиваться промокашкой – имею в виду всего лишь хромосому.

– Конкретней отвечай – чума ты недобитая, микроскоп хуев! Тут я допрашиваю. Чего же такого в интересного в молофейке?

– Приходи к нам – покнокаешь невидимую жизнь, а в ней, небось, побольше порядка, чем тут у вас и в международном положении.

Мент начал грызть ногти и думать. Долго думал, потом спросил, щипаю ли? Я сказал, что не пойманный – не вор, мантулю в институте и самообразовываюсь с помощью других ученых и образованных людей, в том числе одной из женщин. Пойдем, говорю, попьем пивка напротив, я угощаю. Пошли, попили, как раз там выбросили раков – это кайф. А тебе, думаю, Аркан Иванович Жаме, я такие заячьи уши теперь приделаю, что ты у меня жопой станешь мыльные пузыри на невинных прохожих пускать с подоконника.

Работали мы с Владой Юрьевой в одну смену. Таскаю носилки, иногда на «скорой» езжу. И, веришь, какая-то заноза вонзилась мне вот сюда – под ложечку – и никак ее не выкорять, мать ее так и этак, прости меня, маменька ты моя неизвестная. Совсем щипать перестал. Не могу – и все. Сажусь в «Букашку», гад буду, краснею, потею, как целка на вечерке, а пальчики мои давидойстраховские мелко мандражат. Заболел, что ли? Или заебла апатия? Никак не усеку. Потом усек: мне людей стало жалко, таких же, вроде меня, одноголовых двуногих. Ведь, в Склифассовского, на каких только я не насмотрелся жертв, калек и прочих пациентов... видал и резаных, и простреленных, и по-пьянке наебнувшихся с девятого этажа, и кислотой облитых, и с сотрясением мозгов, и с откусанными хуями, девке вбили ублюдки четвертинку во влагалищу, молодому остолопу тигр клыками руку отхуячил и схаивал, оказывается, кормилец регулярно, паскудина, отжимал у этого тигра бацильное мясо... другой посетитель перелез под балдою в вольер обняться с белым медведем – тот выпустил из него кишки, но мы подоспели – упаковали потроха обратно, опять живет-поживает, добился тройного прыжка в высоту... хорошо, в ширину... как это таких прыжков не бывает?... в России все может быть, все, включая даже то, чего, вроде бы, в ней быть не может – залупи ты, кирюха, и это на своем, на настырном носу... ладно, пусть будет в длину... а один мудак кисточку для бритья проглотил, другой на спор разбитую полбутылки из-под пива слопал, третий сказал бабе, что если она продолжит блядовать – ноги из жопы выдернет... левую почти что выдернул, правую – соседи не дали... а чего только из баб не вынимают: пенсне, как у Берии, чаще всего, понятно почему, морковь, кукурузу с рынка, бананы, если дама жена номенклатуры, забугровые зубные щетки, небритые кактусы, дорогие авторучки и даже шишки сосновые... а под машины как попадает наш брат?... политуру он жрет с одеколоном, ацетоном пробует поправиться, золотые запонки глотает в ювелирке, чтоб потом пропить, или лобзиком, мудак, вскрывает вену... а тонут сколько

по пьянке, а обвариваются, а попадают подо все виды транспорта, включая самолеты?.. ну, невозможная, блядь, ебитская сила, каких она только не доставляет людям мучений-страданий, ужасных происшествий, несчастных случаев и трамв!.. хоть ты, повторяю, и Нижний Тагил с Курской аномалии, но в данном случае ты прав, то есть прав, что не «трамва», а «травмированность»... наливай... и вот, допустим, думаю я, если отдельно взятые люди в жуткие ебистосы попадают, где и режут их, и печенки отбивают, расчлениают, причем, не до самой смерти, бывает, частично закусывают ими же, и мойкой по шнифтам – по единственному в жизни – и яды вдыхают с глюконосителями, и парашюты нихуя не раскрываются, и грабка попадает в фарш мясорубки, а тут еще пятилетки были хуевы, раскулачивание, ежовщина, Берия в очках, Отечественная – то что ж, думаю, я-то, тварь позорная, пропало с оловянным бельмом на душе, как у прокурора Вышинского?.. выходит дело, еще и обворываю трамвайно-троллейбусную личность человека, да?.. не может, Николай Николаевич, продолжаться такая катавасия – это откровенно сделали объяву последние остатки моей же совести лично моей сознательности... только поэтому решаю – прям как отрываю голову, что фактически ебал я такую диалектику природы!.. готов краснеть перед всем человечеством, вроде Раскольников, читал про которого, отчего долго не мог кончить... все – выхаркал грех из души, завязал, гад буду, полегчало... даже в баню стал заглядывать, стороной обходя троллейбусы и трамваи...

А Аркан Иваныч Жаме вдруг заболел воспалением легких... упросил Владу Юрьевну за бабки уколы ему колоть и целый курс витаминов из группировки Б... чтоб ты знал, кирюха, я хоть и говно, но не Чернышевский с Картавым... тут же сообразил, что делать и как быть... уколы сам к тому времени насобачился ставить... откровенно говоря, Аркан Иваныч Жаме был уродина человекообразная – помесь обезьяны с Троцким, если не с орденальцем... весь в волосне сиво-рыжей и непроходимо густой, так что вхерачивать уколы в мякоть его жирной жопы – очень было неприятно, очень... пришлось брить... ну уж я его помучил почти что без намыливания, поскреб, лежи, говорю, не взвизгивай, не то наждачком потру... в тот момент жизни я по биологии уже кое-что уже петрил и сообразил: вот кто половой передовик производства, а совсем не я... слишком много силы в яйцах у Аркан Иваныча Жаме, слишком много... оттого ты, сволота, и в парикмахера женского подался, оттого и подкнукиваешь, как соседи законные половые сношения совершают, гумозник прокаженный... к тому же сразу по две бабы непричесанных приводишь, всемирную политику хаваешь, чуть не кончаешь, когда колонии бурлят и континенты, орангутанище... в тебе гормон играет злоебучий, и натуральный ты чирей на шее нашего народа, ты – донос, а не летчик... такая у него хвороба из-за хронического недоеба называется болезнью Приапа... где твоя память?.. повторяю, полезай, кирюха, в Большую Советскую – она тебе расскажет кто такой Приап, почему у него торчал, словно Картавый на броневике, но не падал, и до какого пиздеца все это довело великую древнюю Грецию... короче, через медсестричку, которую пилил после аппендикса, достал я гормональный препарат эстроген, и целый месяц колол Аркан Иваныча Жаме... препарат же тот постепенно мужика в бабу превращает, главное, без всякого понта, но в натуре... веду научное наблюдение... смотрю, через неделю, у моего Аркан Иваныча Жаме движения помягче стали, мурлычет арию «ах у любви, как у пташки крылья», в почтовый ящик третий день не лазит, не бурлит, не фалует никого, рыча от страсти, по телефону, но плешь бритая на жоппе не зарастает волоснеет вновь и вновь... это значит, что гормоностерон активно на нее подействовал... и все поет нараспев, нараспев: Николя, лапуль-кисуль, побрей ты меня всего, хочу я, наконец, быть голеньким в руках такого умного образованного человека, как ты... ну уж это, говорю, я ебу на халяву тебя брить... заплачу, не постою... двести! – выкладывает бабки... три тюбика мыльной пасты выдавил на паразита, две пачки лезвий потратил на прохиндея, но побрил... раз завязал и не щипачу, то и так не грех зарабатывать копейку... поправляться стал Аркан Иваныч Жаме... лицом побелел, в бедре раздался,

перестал на Владу Юрьевну обращать внимание, ходит по коридору, плечами, как профурсетина, поводит, глаза прищуривает, перерожденец сраный... картошку чистит и мурлычит: «Я вся горю, не пойму от чего-о-о»... даже страшно стало... стал в кодексе рыться, статью такую искать за переделку мужика в бабу, но не нашел... а еще пиздят перед выбором судей, что у нас самый передовой УПК... подумал, что скорей всего подведут под тяжелые телесные... а Аркан Иванович Жаме меня уже клеить начал... потри ему, видишь ли, суровой мужской рукой обе лопатки, массаж заделай сандуновский, плачу, мол, по высшей таксе... я мог содрать с него тыщ пять старыми, но, как говорится, воровка никогда не станет прачкой, а урка не подставит свою грудь... однажды ночью выхожу поссать, а Аркан Иванович Жаме подстерег меня в коридоре, прямо в муде вцепился и в свою комнату тащит... но я, чтоб не будить соседей, врезал ему правой в скулу – язык набок, успокоился... сейчас из дамской в мужскую парикмахерскую ушел – просто расцвел человек от такой моей домашней биохимии.

16

Давай врежем еще по одной, потом забегу немного вперед – опишу уж непонятку, попал в которую внезапно, сука... хорошо еще, что ангел... да, речь идет лично о моем невидимом телохранителе, дух который, а не тело – врубись, дубина... он клыками, значит, ухватил меня за шкуру, прям как тигр несмышленного своего кутеныша, а если б не ангел – успешно не выбрался бы я на волю из того капкана... на дне его – гвозди, по бокам – иглы, сплошная тьма, и блямбает на шею горячий стеарин с потухшей свечки всей моей никчемной жизни... терпеливо поясняю, а ты вновь залупи на носу: ангелы хранят не только тело, но и спасают душу... сам разбирайся со своим ангелом, когда завяжешь с отгрызом замков гражданских сумок и чемоданов... Троцкий я что ли знать, почему твой ангел сачкует?..

Прихожу к Фан Фанычу, а так как водяра вредит молофейке, тараню пузырь шампанского, всякую бациллу, все те же кильки балтийские пряного посола, калачи, конфетки «Стратосфера»... интеллигентно бухаем... он меня, как вот я тебя, настраивает на получение образования, иначе Владе Юрьевне будет со мною – со тьмою беспросветной тупости – так скучно, некультурно и хуевато, что она намылится на халабалу с каким-нибудь членкорреспонденством... обещает выучить меня сначала английскому, потом видно будет что к чему душе и уму... вдруг слышим три звонка длинных, два коротких и еще один раз он перезвон такой же серии... бежит открывать... приводит в свою хавирку двух каких-то пиковых тузов... оба в черных – до пят – пальтуганах, не то что бы заебенно лежавших на бычьих плечах, но, блядью мне быть, мягко с них стекавших... верно, прямо как вода фонтана в Елисеевском – в ванну бассейна, где плавают карпы зеркальные... таких на людях тряпок, как на гостях – в жизни я своей еще не видел... да и где их видеть-то?.. детдом, тюрьма, на воле не до тряпок, телогрейки, блядь, бушлаты, вшивые шинелишки... одеколоном разит от обоих гостей таким, что охота подойти и каждого из них укусить за ухо, как будто лично я являюсь Идиотом, по совместительству, князем Мышкиным... слушай, философ ебанный, откуда я знаю, почему в пизданутом моем мозгу возникают именно такие придурковатые желания?.. не перебивай... рожи у тех тузов неподвижно загорелые, как у Николая Островского... у этого паралич рыла закалялся как сталь, по распоряжению Картавого сегодня, он же Гуталин, между прочим, вчера... прости, запутался... один туз – шестерка который туза другого – открывает заграничный майданчик, хрена с два тебе отгрызть такой замок... вываливает консервный и прочий закусон, включая забугровые банки и коробки... оба что-то трекают на своей оперной фене, а урка с него переводит на наш... сардины, сука, трех сортов, копченая утка руанской грудки... хорошо, пусть грудка утки... пармская поросычья ветчинка с трюфелями, огромная, блядь, болонская колбаса мортаделла с фисташками, аппетитная, как бедро довоенной Зои Федоровой... мн-да... во мне, помню, несмотря на любовь, с ходу шевельнулось либидо... нехуй путать его с лебедой... либидо – это немедленное желание поебаться, где бы то ни было, с кем бы то ни было – хоть с кассиршею в кино... его у тебя много – столько бы ума... брюссельский тут же шоколад с миндалем, американская жвачка, четыре охуенно хрустальных стаканА, у всех литые днища, ими можно гвозди в крышку гроба захуячивать... поддали по одной, очень серьезно закусили... тут, когда бухнули повторой, я врубился, что вся эта встреча с закремлевской гужовкой устроена международным уркой лично для меня, Николая Николаевича... почему? – чистому спирту тыщу лет ебаться надо до крепости личной моей молофейки – вот почему... иди вот, поищи у нас в стране еще одну такую после ебаной революции и немыслимо кровавой гражданки, как Кимза говорит... ведь тогда моря кровищи и той же всенародной спермы зря растеклись вместе с говнищем и соплями на просторах родины чудесной... полупиздец пришел самому что ни на есть всенародному генотипу, как ин-тер-пре-ти-ру-ет Академик,... хули ты опять подье-

бочно лыбишься?.. лучше ты запоминай интеллигентные слова, как я запоминал и запоминать буду... полупиздец, значит, пришел генотипу дружбы народов, но и этого Гуталину было мало – подавай на блюде усатому мандавождю раскулачивание плюс головокружение от успехов промышленности группы «А» и группы «Б»... сука, я плакать желаю навзрыд, мне Отечество наше жалко... крыша, блядь, моя срывается вместе с прической полубокс от таких вот страшных мучений Родины-матушки... мучения ведь не в кино Александр Невский, он же Чапаев, а в натуре – на кроваво обосранном историческом фоне... потом война, сука, война... наливай, положи колбаски-ветчинки... Гуталин обосрался, фюрером обворованный и наебанный, миллионы ни за хуй полегли, миллионы!.. и вот теперь, пожалуйста, Николай Николаевич, ты нам брат и сестра, даже папа-Адам, с мамой-Евой, валяй, возрождай Отечества наше, с понтом свободное, да еще и отправляй свою общенародную молофейку на другие планеты... ты – не менее, чем новый, наш Левша, несмотря на то, что дрочишь только правой, другою листаешь книжки... кроме того ты Сеятель с большой буквы... твоя легендарная молофейка обладает энтелехией громадной силищи... ты меня все достаем и достаем, кирюха, терпеливо ин-тер-пре-ти-ру-ю: энтелехия, считай, это жизненная сила, о чем не раз заявлял Аристотель... нет, это не кликуха, никто его не арестовывал, потому что он философ, а не древний пахан в законе... Сократа тоже никто не сокращал, просто он сказал тиранам, чтоб шли они в жопу и залпом шарахнул кружку отравы, не желаю, мол, жить среди вас, мокриц и пьявок древнего мира... на чем я остановился?.. так вот, Фан Фаныч переводит короткую речугу, ясно, что не фраерюги, а ведущего гангстера, держащего весь остров Сицилия, рядом вулкан Этна, пляжи, оливковое масло, в общем, средиземная селедка-иваси, не нравится – кильку пососи... не Ссыщилия, мудила, а Сицилия, и не Энта, блядь, а Этна – читал бы побольше книг, уродина, чем на зоне свободу уважать... Гангстер – это погоняло Джузеппе, как вот ты – Карзубый, я – щипач-Скрипач, он же Коля-Ойстрах... короче, Джузеппе начал с того, что моя мама не рождает мудаков, поэтому семья тайно меня перебросит на Сицилию... хочу – самолетом, а если очко на высоте пиликает марш похоронный, то обеспечат целой подводной лодкой, допустим, марки «Аве Мария»... место для месторождения будущих детенышей-смышленишей выбрано рядышком с Палермо... до таких, говорит, центровых пейзажей ебаться надо всем Флоридам, Линкольнам, Калифорниям, Эйзенхауэрам и Ривьерам, лягушатниками заваканным... там мы по-быстрому возводим клинику-хунику, лаборатории-хуерии, аппаратуру-хуетуру – никаких проблем, все схвачено, за все уплачено... два Нобеля: первый – химичит что надо, второй – фартово медицинит... миллиардерские бабы уже грызутся за местечко в очереди к быстрому оплодотворению ихних яйцеклеток лично твоими сперматозоидами, Николло, потому что ты есть натуральный, клянусь трупом Муссолини, сверхчеловек... самому Ницше было бы не запахло пожать правую твою руку, можно и левую... ты – Джильи молофейки, авторитетный Тито Гобби женской матки... так что лет уже через пять, Николло, на счету у тебя лично лежат-не ржавеют пара лимонов баксов, город Цюрих... аванс – 50 кусков, вот чек, номер счета, код, пароль... договор, изучишь со своим Фанни Фанни, потом подпишешь, но я ебу бумажки... он знает: Дон Джузеппе скорей уж на своем хую повесится, чем фуфло партнеру двинет... не обижай, Николло, и даже не думай о жилищной проблеме... лично я дарю тебе виллу-конфетку, тачку любого фасона, в салоне кожа, снаружи – заебись какой богатый цвет... рядом яхточка – рыл на шесть, ты, считай, уже ее имеешь, имя сам подберешь... ты какое уважаешь?.. о'кей, Влада – это белиссимо экстраваганза... поскольку ты не педик из шоколадного цеха, обломятся тебе и садовница жопастая, и повариха, у нее манда с зубами, плюс пара служанок... обе – чемпионки княжества Монако по скорости раздевания... звонишь в Голливуд – завтра у тебе в бассейне кинозвезда с малюсенькой черной наклейкой на соске всего одной сиськи – это стиль «Адмирал Нельсон».

Надо сказать, международный урка Фан Фаныч не просто трекал, а как будто, по-Иван Козловски, серенаду напевал с огромным для себя и для меня удовольствием... ну я, конечно, заадреналинил от такого кайфа, в висках, сука, застучало, правая нога единолично поддерживается, словно ассистент Кимзы постучал по ейной коленке нервотрепещущим своим молотком... что касается моего, то он же глупый – готов влезть в дырку от любого сучка, выпавшего из доски сосновой... похлопав горящими ушами, спрашиваю, как это меня перевезут в Сицилию, если все наши границы на замке, фомкой их не раскурочишь и отмычкой хера с два возьмешь... Дон Джузеппе похлопал меня по плечу тяжелой, как штанга, лапшей... дай, Николло, усталым своим мозгам отдохнуть, не гони картину – сломаешь аппарат... вечером, в нашем посольстве, врежешь полстакана граппы, закемаришь, а поутрянке, пер фаворе – у вас тут вор на воре, но душа из них вон, это уже не твое горе, так как ты, мой друг, буль-буль-буль, исключительно в бирюзовой волне моего, слава Мадонне, невысыхающего Средиземного моря... вот как высококлассно переводил Фан Фаныч! – всем переводчикам союза писателей ебаться надо... вида не подаю, что всесторонне анализирую проблему на всякий в ней гной, кал и разные электроциты... а пахан с Сицилии продолжает улещивать: молофейку будешь сдавать не часто, чтоб не пострадала простата твоего семенного фонда... в свободное время – итальянский, оперы Белини, Донницети, Верди, и вообще до блевотины нахаваешься мировой культуры... через полгода будешь на каждом шагу почесывать яйца, как настоящий итальянец... кирюха, не путай, воздух портят за столом немцы, а те, которые чешут яйца чуть ли не на глазах у своего Папы Римского – это уже итальяны, и каждый думает, почесывая, что он Дон Жуан... само собой, Дон Джузеппе продолжает свои арии, а Фан Фаныч переводит-заливается-фиоритурит... тебе у нас, Николло, корячатся сыры, жареные белые грибы, спагетти-хуетти, апельсины-хуельсины, закажем вашему Шостаковичу героическую оперу «Сперма», наподобие «Нормы»... это будет у тебя не жизнь, а мороженое трюфель с малиной, называется «Ромео и Джульетта»... хотелось бы знать, Николло, как тебе это мое предложение?.. если что не так, гони предьяву, все обсудим, ты не Гуталини, я, как видишь, не Муссолини, лично которому петлю накинул на концы, чтобы, падла, не пил из Сицилии, из семьи моей, кровь... нисколько я на тебя не давлю, проблемы утрясем, заштопаем рваные кальсоны, выбирай: самолет?.. подводная лодка?.. ты, уверяю тебя, не Ленин, не бзди – не запломбируем, на товарняке не поедешь.

Очко у меня треньтренькает, как на балалайке, я не на шутку перебздел: только за выслушивание таких вот речуг нам с Фан Фенычем, в те времена, корячились многие пункты пятьдесят восьмой... Но я Джузеппе сделал культурное предложение не сразу... нет, кирюха, что я мудак что ли, вроде тебя, сходу подписывать приключение на свою жопу?.. я немного подумал, потом Фан Фаныч перевел мой ответ, гадом быть, так красиво, как будто не толковище мы тогда вели, а смотрели оперу Фигаро тут, Фигаро там... так и так, предложение твое, Джузеппе, очень серьезное, но вокруг война сейчас необычайно, сука, холодная, хотя условия замечательные, поэтому пошевелю извилинами, завтра дам ответ... вы пока что поканайте от нехуй делать на футбол Спартак – Динамо, можно на Тишинский рынок, а можно и в Большой, но в общественный забегать мавзолей я вам горячо не советую... ну его в жопу, поскольку там – невыносимо фуфловый траур, он же всенародный театр ужасного горя от ума, чести и совести нашей эпохи... короче, кирюха, за такую, повторяю, речугу вломило бы нам тухлое политбюро червонец по рогам, другой – по рукам, третий – по ногам, точнее, сто первый километр, если не вышака... сам-то я уже знал свой простой, но железный ответ и Сицилии с ее вулканом, и пахану Джузеппе... ты что? – думаешь, крупные воры никогда не советовали мне рискнуть, свалив с концами в какую-нибудь Европу из нашего Всесоюзного БУРа?.. тыщу раз рекомендовали, бабками могли снабдить, с потрохами купили бы пару погранзастав вместе со всеми ихними ебаными Караццопами и овчарками Ингус... за бугром, говорили урки, очень мало людей с такими грабками, как

у тебя... всего один какой-нибудь выдающийся щипач, допустим, на Рим, правда, в Венеции ты уж лучше не щипай... потому что, кирюха, ты нельновидный чмо, значит, учи географию с историей... город Венеция стоит на воде по самое муде, то есть, везде не асфальт, а вода, вода и вода – вот почему... какие там нахуй троллейбусы?... по каналам канают одни речные трамваи и гондолы... нет, это не гондоны, а корабли и лодки... это значит, что если сгорю в общественной гондоле, то ведь плавать-то я не умею, так как в душе моей водобоязнь... она у многих подкидышей-найденных... зато уж, говорили урки, тюрьмы в Лондонах-Парижах – это вовсе и не тюрьмы, Коля-Николай, а натуральный Крым для нашего погоревшего брата... нет, на чужбине было б мне не по душе... но главное, когда возникает много «но» – можно вляпаться в говно... назавтра приканал на толковище только Джузеппе, а второй накануне дорвался до черной икры, как артист Петр Алейников на кремлевском банкете... к тому же выжрал халявый пузырь самого дорогого армянского коньяка, постоянно блюет, дрищет, как вулкан, что-то из ушей его течет, не похож на фотку в паспорте, пограничники не пропустят с такою рожей ни в одну на белом свете Сицилию.

Ну мы опять поддали за его здоровье, маму, папу и каких-то кузенов... пацанам по 9 лет, а они уже шмаляют сразу с левой и с правой – мафия есть мафия, а не дворец пионеров, если верить Джузеппе... ну международный урка перевел ему железный принцип моего алмазно-твердого ответа... да, у вас в Сицилии, хули говорить, красотища, жить лучше, жить повеселей, чем в Австралии и так далее... только вот извините, дровичь я там не смогу из-за моральной потери физических сил и, конечно, резкого ослабления пердячего пара... как так, удивляется Джузеппе, и какого такого пердячего пара, короче, почему?... а потому что умом Россию не понять! – вот, отвечаю, почему, рябит вашу гладь... если же конкретно руку на сердце положу, то на чужбине пропадет моя эрекция и все четыре колеса... ни один башенный кран не поднимет там моего, если по-вашему, каца, а у евреев поца... нет, нет, культурно отбрыкиваюсь, даже не укалякивайте... нахера мне всякие прибавки-хуявки, дотации-хуяции, бонусы-хуенусы?... дело не в бабках, а что касается пары предварительных дамочек легкой жизни, то против таких вот нежностей я вовсе не возражаю, но вот в сердце любовь нечаянно нагрянула, когда ее совсем не ждешь, иначе говоря – обломилась мне улыбка судьбы... а ведь я еще в детдоме въехал, что счастье, как говорит народ, не хуй – в руки не возьмешь.

Николло, брось сходить с ума, ты что – совсем уже охуел от своей загадочной русской души?... ты же классико щипаччи – не кацо собаччи... вот, повторяю, как брависсимо переводил международный урка... может, ты, Николло, перебздел вулканшу Этну?... если все дело в бабе, то оно будет в шляпе, переправим тебя в Палермо вместе с синьоритой твоей мечты, даже хуй с ним, с самолетным страхом высоты... я же толковал, что пригоним в Черное море подводную лодку, у меня адмиралы флота под ногтем более чем указательного правого моего пальца... о тебе весь мир узнает, мать твою так и, понимаете, иначе... портрет твой напечатаем на крупнейшей купюре... Мадонна с тобой, Николло, хотя бы посоветуйся с прекрасной синьоритой Владой, потом ты трижды скажешь «да!»...

Не надо трогать мою маму, и ни в коем, говорю, случае никаких моих портретов на купюрах... например, вытягиваю в универмаге прессину у какого-нибудь американского оленя, тут же намыливаюсь в другой ширпотреб, купить сорочку, достаю эти купюры, а касирша смотрит на них, потом на меня, узнает, аплодисменты, толпа, меня качают на руках, доебывают фотографии, полиция, ведет к такси, смотрю: американский олень начинает врубаться в ситуацию, я же терся около него – скажи, Джузеппе, мне все это надо?... так что, забыли про купюры... в остальном, говорю, русский, как ты меня кличешь, классико щипач не перебздит даже конца света... он также играючи поябывает вулканы с землетрясениями, ему до жопы опера, буры-зуры, пятилетки, облигации Госзайма и прочих геморрой передо-

вой демократии советской власти... и вообще, чтоб ты знал, лично я живу под властью женских ответов, а не советов.

Согласен, Николло, мы тоже любим оперы, меняем премьер-министров чаще, чем японские с жужжалками гондоны, но учти, я понимаю даже нашего Папу, никогда не задаю ему вопросов, поскольку ни у него, ни у меня нихера их нет, но ты ведь переходишь все границы... вот возьми пятихатку – это тебе не пятилетка – и скажи: по-че-му?

По хую моему да по кочану – вот почему?.. я психанул, ничего не желал доказывать и вообще душу свою открывать, заебись все оно в доску... не желаю Владе Юрьевне портить кровь и ради какой-то ебаной дачи с бассейном нашу унижать любовь... ты врубись: она же нечаянно нагрязнула, когда ее совсем не ждешь, а раз так, значит, Николай Николаевич не согласен официально, и все – пиздец котенку, больше срать не будет, если верить тому же народу... нехуя линять нам за бугор, как сказал философ Киркегор... это ты, кирюха, слинял бы в Сицилию, а я терпеливо повторяю тебе, что я – не ты, а ты – не я, больше не знаю... воздержусь уж от общеизвестной рифмы...

Ты, продолжаю, Джузеппе, крупный пацан, держишь мафию своей Сицилии почище, чем политбюро нашу страну, но хули ты – не сечешь, что вас обоих могут взять в любую минуту за жопу?.. когда возьмут – считай, вас нет, более того, вас не было и вообще больше не будет... но Джузеппе, вроде тебя, продолжает почемукать и почемукать... тогда я и высказал беспощадную правду, не перебздел: потому что, говорю, мы живем в гебешно-ментовской стране советов – вот почему... а если Сицилии так уж нужна моя молофейка, то, пожалуйста, я не жлобина... ради дружбы народов и мира во всем мире пару раз в месяц струхну в пробирку, заморозим как-нибудь во саду ли, в огороде, в жидком водороде... чего-чего, а у нас в России льда столько, что хоть жопой его жри, грызи клыками, ботало, гляди, не отморозь... поскорей отсюда рвите когти, иначе все будем повязаны и только на том свете развязаны – ни одна тогда нас не отыщет экспедиция, никакая мафия не освободит... потом уж, когда доберетесь, пускай посол Италии договорится с политбюро насчет моей молофейки, у меня ее хватит на всю Европу – небось, я в прадеда пошел и вдарен в деда.

Короче, Джузеппе тоже осерчал, но очень красиво высказался, а Фан Фаныч перевел в том духе, что он абсолюти охуелли, психанутти и разочароваччи... мы, само собой, еще бухнули граппы, попроклинали Кырлу Мырлу с картавым палачем и рябым мокрушником... конечно, пожалели наш наебанный народ, покудахтали... то есть попели знаменитую арию насчет куда, куда вы удалились, пошли посрать и провалились... разучили пару неаполитанских песенок... в общем, Джузеппе перебздел, выглянул в окно, нет ли хвоста, оставил нам кучу бабок, повторял без конца по-русски, что он плаччи, плаччи, плаччи... Фан Фаныч вызвал знакомого таксиста, мы распрощались, гад буду, рыдая чуть ли ни навзрыд... два дня я сидел на больничном, чтоб не дрончить из-за похмельно ненаучного состояния молофейки.

17

Тут как раз Гуталин, наконец-то, слава Господи, Тебе, всем ангелам Небес и чертенятам Преисподней, врезал дуба. Я еле-еле пробрался к международному урке. Он на Пушкинской жил. Свесились из окна, косяка на толпу давим. Ну и многолюдка – пересылок двадцать-тридцать. Я бы в такой каше обогатился, падлой быть, на всю жизнь, врежь он дубаря лет на пять пораньше. Для нашего брата, щипача, раз в сто лет такой фарт выпадает. Урка международный тут и припомнил, как он на Ходынке щипал, когда царя короновали, Николу, моего тезку. Мальчишкой еще был Фан Фаныч, а уже на триста рублей рыжьем наказал каких-то купчишек зауральских. Проклинал, когда поддали, Гуталина. Внизу народ рыдает, как будто по нему ебанули атомной бомбой, прется и прется взглянуть на палача, замочившего, считай, 30 миллионов рыл, что намного больше немчуры, уделанной гнойным фюрером. Лично меня и Фан Фаныча, хошь верь, кирюха, хошь не верь, тянуло не покнокать надохлого Генералиссимуса всех времен и народов, а блевануть на него, помня всех ни ЗА хуй перебитых, раскулаченных, окруженных, в плен попавших, замоченных, от голода и холода подошедших. Это ж надо, блядь, не только все простить самому страшному в истории убийце, просравшему половину страны, но и рыдать по нему, как по святому чудотворцу. А фашистам что? – они, не будь мудаками, отутюжили Россию – от границ до самых до окраин – минами, снарядами, танками, мотопехотой, раскочерыжили юнкерсами, разогнали наши армии, баб переебли, мужиков угнали в рабство к фюреризму. Ну почва – ладно, почва возобновилась, хули ей сделается – почве? Чем-чем, а кровью и плотью миллионов ее наудобряли – до сих пор плодородит. А как быть с самыми породистыми людьми нашей нации? На таких, по словам Академика, весь ее генотип держался и развивался до самой советской власти, а теперь генотип перебит. И вот вам, пожалуйста, ебанутые безумцы, рвутся по трупешникам ко гробу номер 1 всей страны, теряют галоши-боты-валенки-ботинки... ревут, как коровы в течку, давят друг дружку, топчут, озверели, перекосорылены, слякоть, блевотина, ссаки и говно... ты, кирюха, я вижу, придавить не прочь пару часиков... ну вот уж хуюшки!.. ты меня, трекалу, подзавел, ты и слушай... чифирку сейчас заварим, конец скоро, к нашим дням приближаемся... но если ты, не дай бог, ботало свое распустишь и хоть кому-нибудь капнешь, что здесь услышал, я, ебать меня в нюх, схавая тебя и анализ кала даже не сделаю... понял?... раз так, то пей и не обижайся... я же не злой, я нервный, второго такого на земном шаре не найдешь, как замечает Влада Юрьевна... она одна моя отрада, а также негасимый свет... нет это не я нашел драгоценные эти слова, а поэт Есенин, он тоже ненавидел электрофикцию плюс советскую власть.

Вот ты сидишь, поддаешь, икоркой с калачиком закусываешь, банку крабов сметал, как казенную, а балык и севрюжку, видимо, уже и за хуй не считаешь... а ведь мне эту бациллу по спецнаряду выдают как важному научному объекту и субъекту... ну, ладно, будь здоров и умней не по дням, а по часам, как я... потом к дрозofiлам пристрою, к злоебучим таким мушкам, они больше ебутся, чем летают... опять ошибаешься... у нас встает совсем от других мушек – шпанских... мы их пока не разводим... ну откуда же я знаю, почему у тебя встает от шампанского?.. что я, Жюль Верн что ли?.. вот, сука, не дай Господь попасть к такому прокурору, как ты, – за год Дело не оформит, до пересылки откинешь копыта.

Как только Гуталин издох – сразу амнистия. Тетка, пишет, закрутила хер в рубашку с надзирателем Юркой. Вышла за зону и откровенно стала с ним жить. Теперь она надзирает – тот, как шелковый, ходит перед нею на цырлах. Кимзу дернули прямо в Академию Наук и говорят, принимай лабораторию, так как Молодина гоним по муде авоськой. Ну и ну, как повернул дело Никита, чтоб молились теперь на него, а не на Гуталина. Кимза, конечно, меня и Владу Юрьевну тоже тягает наверх – прямо в джаз-оркестр Академика. И тут

началась основная моя жизнь. В месяц гребу, как кандидат наук. Такую за молофейку цену Кимза выбил в Президиуме. Владу Юрьевну я вновь успокоил, что моей спермы и на нее хватит и еще на пару НИИ останется. Опыты пошли сложные. Лаборатория-то сексологией начала заниматься. Дрочить – это пустяк, на меня вот приборы стали навешивать. Места нет на шершавом свободного. Весь сижу проводами обвязанный, датчиками затюканный, смотрю на приборы и экраны разные, током било пару раз из-за техников-уродов. Внимание – оргазм! Повсюду стрелки бегают, и кто их знает, чего они мигают, триггеры-хуигеры тихо звенят – это записываются биотоки моей встряханутости при оргазме. Интересно. Чтоб не стесняться, когда кончаю и ору, велели крепче зажимать зубами кусок каучука, а на физию опускали забрало, как на рыло пса-рыцаря, в эпоху Александра Невского и дальнейшего пиздеца татаро-монгольского ига. Россия, наконец-то, продрала zenки – вышла на международную арену расстановки сил. А Кимза, говоривший все такое, знай себе орет «Внимание – оргазм! Вот что он открыл. Учти, это самая что ни на есть секретная военная тайна, захочешь бодануть ее японцам – ты жмурик, но без всякого лично для тебя гроба, он Конституцией положен только порядочному, а не подлому трупешнику. Оказывается, во мне, как и в других людях, громадная, при оргазме, энергия скрыта, и если ее, как говорится, приручить, то она почище атомной бомбы поможет людям в военных и гражданских целях. Въехал? Опыты ставили. Только начинает меня забирать – на рельсах секретно сверхлегкий моторчик двигает электричку. Сама она сделана из какого-то невесомого японского бамбука Сначала медленно, медленно, потом все быстрее и быстрее. По системе Джавахарлала Неру, резко прерываю мастурбацию – умная электричка тормозит. Дрочу по новой – охуеть, она опять трогается. За такое изобретение конструкторам – еврейцу Самуилу с армяном Гагиком – обломилась закрытая Госпремия СССР. Ладно. Докладываю Кимзе: готов к оргазму. Электричка, веришь, чуть с рельсов не сходит, по кругу бежит, вот-вот наебнется об светофор, потом останавливается. Ну, понятное дело, даже от казенного оргазма я балдею, как бы этапируюсь на тот свет, отдышусь там – и обратно. Академик, тот самый, приходил смотреть. Сколько еще, удивляется, в человеке неоткрытого потенциала энергии эмоций и мыслей! Формулу вывели. Теперь инженеры пускай рогами шевелят. Самое трудное – не растерять эту энергию, въехал? Она же, хитрожолая, по всему телу разбегается, пропадает в атмосфере и начисто улетучивается из памяти. Хуже плазмы термоядерной. Академик тогда сказал на летучке:

– Продолжайте, друзья мои, важнейшие опыты, человек решит и эту проблему, если ему не будут мешать Лысенки – подлые враги науки.

– Его, – поддакиваю, – давно политанием пора на чистую воду вывести.

– Что за политания?

– Известная у нас в стране мазь без всякого запаха, годится для освобождения от власти мандавошек в паху, а когда и выше.

– В каком только говне, – ахнул Академик, – ни живет человек, какие ни кусают его насекомые, а он все к звездам рвется, к звездам, сволочь дерзкая и великолепная!

Я ему в тот раз растолковал, что если мандавошки одолевают иного гордого человека, он не только к звездам – в аптеку рванется... почти весь наш народ очень уж застенчив, но натуральный гражданин перебьет стеклянные шкафы, но не покинет аптеку без баночки политании.

– Мн-да, – говорит Академик, – вижу, что Россию действительно умом не понять так же, как Никиту и вышеуказанных мандавошек в Президиуме нашей Академии.

18

Однажды, размышляя, как с этим делом завязать, равнодушно мастурбирую, готовлюсь в оргазму, потом ШРМ – контрольная по алгебре... вдруг сирена прерывает рабочую эрекцию, двое в штатском тут же волокут меня, еще тепленького, в дирекцию, цыц, командуют, Николай Николаевич, никаких вопросов... пуговицы ширинки застегиваю на ходу – ни хуя себе уха, что за катавасия?... в дирекцию даже не заглянули... надо сказать, втолкнули меня в ЗИС-110 без поджопника, культурно, главное, вежливо... кочумают... рвануть куда-нибудь, лихорадочно прикидываю – бесполезняк... лучше уж выбрать момент, чтоб закосить невменялово хронической эпилепсией... потом, когда приду в себя, – полная несознанка, никого я знать не знаю, знать не хочу, не встречался, у нас, блядь, не тридцать седьмой год... о науке не выложу ни словечка, никого не заложу – вот хуй вам в рыло вместо эскимо на палочке... мое, скажу, дело дрочить, а ранее завязал, поэтому давно уж не ворую, и пальцы окончательно дрожат... скоро кончу школу рабочей молодежи, уважаю футбол, хаваю книгу за книгой... к тому же, одна, в театре-таборе Ромен, народная цыганка РСФСР гадает и велит жениться на даме червей, а в остальном... да шли бы, скажу, все вы к самой что ни на есть ебени бабушке, и я вас, если хотите знать, даже на хуй босиком не пошлю – валяйте, чавкайте гунявыми шлепанцами несусветную дорожную грязь, стремитесь к светлому своему будущему, никогда не будет которого, так как оно – фуфло.

Еду глубоко разочарованный, как еловой шишкой в тайге отъебанный... куда-то заезжаем, выходим в темновато-сероватый двор... двери, окошки, козырьки, отвратительная серость асфальта, сизарями засранный карниз, то есть нет нигде ни дворника-татарина, ни тачанки «Квас» – сплошное всенародное сиротство... в душе тоскливая погода – вот каким, выходит дело, скучным макаронизмом тебе пришел, Николай Николаевич... дощипался, лихорадочно соображаю, додрочился, дотрекался с гангстерами, измена родине, вышак... ведут, под домом – небольшой туннель... лифт иваныч многоэтажкин... руки – за спину, сказано тебе вторично!.. огрызаюсь, что тыкают пальцем в жопу только глупые, а умные – сопаткой в клюквенный кисель... плевать, думаю, хуже не будет... по коридорам, в прохаришках хромовых и шевровых, ходят-бродят сталинские кителя, но шкаренки впуск и без лампасов, а фигуры без погон... плевать только в урны... неприятность: у меня как раз вся слюна пропала, без нее эпилепсию невозможно закосить... рожи у мимо канаящих чинов, как у трупов, – все на одно какое-то крайне мертвецкое ебало... не учреждение вокруг, а блевотная помесь мавзолея с моргом и станцией метро «Дзержинская»... в такое попасть – не имел я ни разу okazji... МУР, кирюха, это, Дом Отдыха, мамой я тебе в этом клянусь, которой сроду не видал... чую, самая пришла пора запеть: Волга, Волга, мать родная, Волга русская река... Господи, возникла в душе горькая удивленка, ведь все на белом свете есть: и Волга, и Уча, и лес, обалдевший от душка своих деревьев, грибов и трав, и поля, поля, поля, и чистый ветерок, и ливни, а тут одна какая-то застоявшаяся, заебись она в доску, бессердечная учрежденческая мразь... в приемной прихожей сажают меня на диван... желтоватая на нем и неровная, вся в веснушках и родинках, кожа... верняк, содрана с маршалов плюс с таких видных врагов народа, как Каменев, Зиновьев, Косиор, Радзутак... это мы в ШРМ проходили историю... такой же сидит геморройно желтоватый секретарь – тоже живой труп... нет меня для него, для гаденыша, вот до чего дело дошло, еще хорошо, что он есть для меня, неравнодушного... от такой мне диалектики не легче, впадаю в мандраже, то есть уже не сомневаюсь, что я в жоппе, мне корячится чалма... ну, сука, нихрена вокруг не вижу я похожего, допустим, на Гоголя с Чеховым с ихними подъебками в адрес Ревизора царского режима и палаты номер 6... разве что веет Пушкиным с Есениным, иными словами, мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна... не жалею, не зову, не плачу, все прой-

дет, как с белых яблонь дым, а если внутренне рыдаю, то исключительно по Владе моей Юрьевне... нет, решаю, облыку вам на челюсть – вы меня, бывшего щипача-артиста, паскуды-осьминоги, не повяжете щупальцами голых своих присосков... конвой в штатском слинял... мучают раздумья и так, сука, охватывают страдающую мою душу всякие страшные гипотезы, что серьезно рассматриваю анекдот отличного выхода из такого ахового положения... вот возьму, пробью башкой громадное окошко, затем уж наебнусь, сам не знаю куда, главное, с какого этажа – до свиданья, мама, не горюй, прощай раньше срока, Влада моя Юрьевна, негасимый свет... вдруг он, этот свет, так и полыхнул в мозг, что данный привод теперь далеко не простенький – он с большим на что-то намеком... иначе не церемонились бы с ЗИС-110... дернули бы в воронок, раз-два обшмонали бы, заглянули в очко, ища отвертку или финку, врезали того же поджопника – и в камеру... тут не это и не то, не другое третье, а Сицилия – она, я это чуял, сука, чуял, но бздел понять... наконец, секретарский труп раскрыл змеино-ящерный свой хавальник: проходите в кабинет Авдей Агеича... ни хрена не поделаешь, я и вхожу, главное, ощущаю, не войти, а выйти – не наоборот... тот чиновный Агей Авдеич – за столом, сам стол – зеленая поляна метров этак в пять длиной, три – в ширину, не обсеришь такой за неделю пьяни... рыло у чина бульдозерное, но живое, не такое уж морговидное... первым делом говорит этот Авдей Агеич, туалет за шторой, моим руки... ну я поссал, сполоснул с мылом обе грабки, приглашен расположиться в кресле... на нем кожа мягкая, более деbeatая, чем в приемной, видать, содрана с женушек и дочек врагов народа... потянуло заплакать, забиться башкой о паркетину пола, приволокли не менее, чем в ЦК.

– Давненько хотел познакомиться, так сказать, фактически с неизвестным героем нашего, если не времени, то семени, здрасьте, Николай Николаевич. У нас с вами еще не арест де-факто, но со-ве-ща-ни-е, верней, партия вещает моими устами «А», а лично вы отвечаете «Б», «В», «Г», «Д» и так далее, пока не договоримся. Скажу уж сразу и со всей несгибаемой прямоотой, что такового положения недоговоренности никогда не может быть в природе вещей нашей КПСС – никс! Иначе этапируем вас на уран дальнейшего полового бессилия импотенции, что пострашней расстрела. Пока готовят чай грузинский с бутербродами, пирожные эклер, вот, читайте, дорогой герой и товарищ, запись вашего разговора. Только ему благодаря, сегодня вы здесь, а не там, Фигаро, понимаете, нашелся на мою, всю в шрамах, седую голову, мать твою ети.

Хотел я было за маму свою неизвестную хуякнуть ему пресс-папье промеж шнифтьяр, но решил, что спешить не стоит – никуда он, сволочь, от этого папье-маше не денется... взглянул в бумагу, листанул... надо же, сука, в той маляве, слово в слово – точно так, как я в постели – делюсь мыслями со своею отрадой, включая сюда тот же негасимый свет, то есть насчет прекращения всякой суходрочки... через месяц, говорю ей, ставлю на всей этой вашей мастурбации еловый столбик с красной поверху звездой... хватит с меня, милая, я не жеребец маршала Буденного... вот тебе и уха, и катавасия... если б, думаю, вся страна ишачила так, как у нас ишачат разведка и контрразведка, то жили б всем мы не вшивей, чем в светлом будущем... бросаю бумагу на стол и бесстрашно говорю, нахуя же мне читать все такое сказанное? – я свои дальнейшие решения помню наизусть, не то что некоторые... про трепачей политбюро не вымолвил ни слова.

– Отличненько, тогда ознакомляйся – вот еще одна конкретная запись.

Смотрю – как в масть гадал: ну тоже снова – слово в слово – тиснуто наше с Джузеппе толковище, перевод Фан Фаныча Легашкина-Промокашкина, он же Харитон Устиныч Йорк, и еще пяток «он же», «он же»... все-таки как замечательно спас меня ангел-хранитель от согласия на Сицилию – иначе мне бы корячилась вышка, а так – так я их действительно поябываю... это, спокойно замечаю, тоже мне знакомо, читать не буду... итого, говорю, Влада Юрьевна стукачкой быть не может... международный урка Фан Фаныч тоже не сту-

кач – раз... Кимзе – не до крысиности, он джентльмен науки... людям же с Сицилии, если они не ваши закрытые народные артисты, тоже ни к чему на меня доносить-кавардосить – два... а то, что органы не дремлют, отлично знает широка страна моя родная, значит, секретничать бесполезняк – три... просто я тогда в постели слегка забылся после тряханутости оргазмом, но от слов своих не отказываюсь... раз сказал, значит, завязываю, нахуй с дальнейшей суходрочкой – четыре, простите за простую речь, мы ВУЗов, знаете ли, не кончали и фидьдеманс в гробу видали.

На душе полегчало, но вида не подаю... меня так просто не купишь, как крашеных канареек на Птичьем покупают... притаранят такую вот блонду домой, а она не поет, а только порет какую-то хуйню-муйню и семечки щелкает... нет, думаю, с этим Агеем-Асмодеем не в шашки надо резаться, а уебать его надо в наши жиганские шахматы, в них я – двухголовый жидяро-хохол Ботвинник – Капабланко... была, как говорится, ни была – или хуй пополам, или манда вдребезги... делаю своими белыми коварный первый ход... я, говорю, не маленький и, если вежливо, кандибобером имею все ваши бумажонки, открывайте козыри, чего от меня хотят?... чтоб стучал?... стучать не буду даже на врага – лучше уж вырву из него мочевой пузырь, пушай под каблуком моим он с треском лопнет, как гондон надутый... желаю быть нормальным в своем отечестве человеком, вдыхающим в себя его обычный и родимый дым... никто меня не заставит дрочить всю жизнь – даже Троцкий – на что уж был злодей, но и он не дотумкивал до такого зверства... поступлю в ВУЗ, чтоб лечить бездомных собак, не сучьих, а мамкиных не распробовавших сисек – я сам такой... пришивайте мне это желание, я и в ЦК с ним пойду, и на прием к Маршалу Ворошилову... если культу личности пиздец, значит, что хочу, то и говорю... чем тут хуевничать – ставьте поиск первосортной у народа молофейки на широкую ногу, готовьте кадры доноров, пока опять нас не перегнала наука империализма.

Ну, думаю, наконец-то, наговорил – схлопотал, лось сохатый, себе же пресс-папьешкой промеж шнифтяр, но нет... Авдей не взъярился, наоборот, вдруг официально он вещает, что за героический патриотизм отказа покинуть Родину, ты, Николай Николаевич, представлен иностранным отделом ЦК на временно закрытую медаль «За трудовое отличие»... но, замечает, рано ты ироничничаешь, рано, сначала чифирни... не бзди, эту заварку хлещет сам Мао Дзе Дун, старый пердун, хлебай, закусывай, тут тебе икорка, рыбка, сальтисончик, пирожное эклер, главное, думай и еще раз думай, дотумкивай что к чему, то есть нехуй валять дурака, если воспользоваться очень уж удачной твоей терминологией – иная мне остоебенила... затем он звякнул трупешнику секретаря, что его нет и временно не будет, выполняй.

Терять мне было нечего, думать не о чем, все ихние какие-то молофеечные планы и задачи знаем наперед, битую рысь не наебешь... чифирю, пришел аппетит, это значило, что моя совесть была чиста... вдруг Авдей как ебнет кулачиной по зеленому сукну – аж эклер подпрыгнул... ты что? – полагаешь, мы тут, в ЦК, цацкаться с тобою собираемся, да?... наоборот, отвечаю, можете расстреливать, и делаю кривобокий ход конем для необыкновенного, в будущем, пешечного своего коварства... больше, заявляю, я дрочить не буду, а от насильно взбрызгнутой молофейки – как от козла молока... она есть наитончайшая субстанция существования белковых тел... если же молофейка с самого начала не звучит гордо, – какой же нахуй из нее человек получится?... подлец, плюгавый ублюдок, может, даже новый, на наши головы, фюрер свлится, изверг рода человеческого, и, стыдно сказать, крысиное говно, но никогда не легчик и даже не депутат Верховного Совета... все это доказано-проверено молекулярной генетикой.

Агей, переваривая сказанное, задумался над этим моим ходом, как гроссмейстер Смыслов, и, веришь, физия у него то краснела, то серела, то бледнела, приблизительными пятнами пошла... потом тихо... нет, не тихо, а ужасающе зловеще, говорит он так: в твоих руках, Коля, судьба всех дорогих тебе и близких людей, ты и собой и ими безответственно,

я сказал, мать твою эти совсем, рискуешь!.. и снова – как ебнет кулачиной по столу... я тут выполняю распоряжение Самого... ты что, охуел выставлять свой мелкий эгоизм-менделизм против политики всей нашей родины, которая светочь, да?.. тебе вынесли благодарность, присвоили медаль, ты не предал наш, понимаете, всесоюзно патриотический дым... в моем Отделе – выдаю тебе тайну – уже лежат влиятельные заявки, не могу сказать, чьи именно, на целый ряд инъекций твоей редчайшей пробивной молофейки в бесплодные матки зажавшихся ихних жен и дочерей... вот фотопортрет акулы Уолл-Стрита, нету отчества, имя-фамилия похожа на Вильям Бульон, поскольку он ворочает миллиардами, король электроники, Конгресс за плотку держит... валюта – хуй с ней, с валютой, тут все дело в политике, в торговле, в разрядке дипломатии, евреев опять вымогают отпустить из плена так называемого изгнания, а тут еще шантажируют человеческим лицом социализма... кроме того, заебли человека пресловутые его права, верней, заебли права пресловутого человека, а ты у меня тут, понимаете, эклером ряшку перемазал и еще выябываешься-извиваешься, прямо как глист в унитазе... партии, пойми, и правительству насрать на пепел урны твоего ничтожного праха, так как ликвидировать тебя – проблема одной минуты... нам нужен лично твой самозаветный вклад в дело мира во всем мире и в дальнейшую модернизацию нашей пропадающей экономики... я хотел сказать, экономики, пропахшей потом рабочих, крестьян и научной интеллигенции – ясно?.. ебал я твои немые вопросы, тогда как партии необходим твой громкий положительный ответ, от которого не уйдешь!.. озвучивай, а то через дорогу – Лубянка, она тебе не родная мать твоя, Таганка, но жестокая мачеха!

Да, думаю, подобно той же ржавой гайке, в этот раз, Николай Николаевич, хера с два ты открутишься от колеса своей личной фортуны... зажат со всех сторон – ни бзднуть тебе теперь, как князю Игорю, ни пернуть измучаной твоей душе... ладно, решаю, лучшая рыба – колбаса... плюя на черных слонов, ладей, слонов, ферзя, начинаю проход пешки для получения добавочной для себя королевы... предлагаю Авдею не торговаться... раз, говорю, раз партии и правительству требуется моя молофейка, то не собираюсь нахальничать, глотничать, наглеть... считайте, ейная лужица уже у вас в кармане... от этих слов он чуть не сблевал, согнулся и частично закашлялся... только учтите, продолжаю, молофейка – не уголь-антрацит, не нефть, не сталь с чугуном... она есть то, с чего начинается каждая родина... а раз так, то я вам спускаю ее в пробирки... вы же мне – культурно гарантируете удовлетворение трех-четырех удобоваримых привилегий, как этой... в общем, вашей номерклавиатуре, ну там труд, отдых, жить негде, чтоб соседи не стучали, поссать-посрать ждешь по полчаса плюс без очереди тачка и, допустим, спецмагазин продуктов с ширпотребом... виноват, если вытягиваю не очко, а перебор... ну что ты, с ходу соглашается Агей, о чем, Николай Николаевич, речь-то?.. готово, двери закрываются, все не только записано, а уже, считай, подписано, более того, решено... как говорит народ, для хорошего человека стране нашей даже говна-пирога не жалко... посмеялись... давай, говорит, обмоем единогласно принятую директиву насчет коитуса с консенсусом... сильна была поддѣбка насчет твоей молофейки в моем кармане – опасно шутишь, учти, я не мудака, а тоже из беспризорных, и у меня аллергия на богатое воображение... думаешь не вижу, как тебя ломает от ебени матери?.. все вижу, но о личных твоих делах позже... против лично твоей родительницы партия ничего не имеет... не забывай, что живешь в стране, для которой сказки – это ежедневная кое для кого быть, а не только лагерная для некоторых пыль... обмыли, коньячок был – высший класс, поднимал до апогея и повыше – в самую вдарял эйфорию, но до оргазма, как после самогона, было ей далеко... то-то, соображаю, обрадуется Влада Юрьевна, что отличный сделан мною ход... ты вот тут, говорит Авдей... я его всю дорогу с Агеем перепутывал... ты, говорит, какого хера не упомянул об общей проблеме?.. надо же и о нужде заботиться своей родной лабораторией... завтра же, передай Кимзе, чтоб составил перечень приборов, реактивов, установок и прочей науки... никакой, в истории, прогресс не бывает прогрес-

сом, если его не подгонять, как ленивого мерина... имеются иные личные у тебя претензии?... так, заплотил Авдей наживку, подсекаю – с крючка ему уже не соскочить... провожу ту пешку в лишнего ферзя и сразу – шах!.. дело в том, выкладываю, что я вышел из круглых сирот, мамой оставлен на пороге Обкома партии... потом детдом, беспризорник подвалов, чердаков, улиц и дворов, ну и так далее... вот если б партия ее, то есть мою маму, нашла – клянусь, прочить буду для народа до своего последнего живчика и, как один, помру в борьбе за это... ну и еще, если можно, так как завязал, извините, конечно, Авдей Агеевич... говори, поощряет Авдей, не тани, как поют твои цыгане, ты мне нравишься, претендуй давай, не отравишься... значит так, проектирую, я кончаю ШРМ, потом экстерном получаю аттестат... но как-никак биография-то у меня врага народа: приводы, нарсуд, зона и так далее... и вот тут-то имею мечту, можно сказать, всего существования своих белковых тел... ха-ха-ха, заебись ты в белковые прямо твои же тела, продолжай!.. в этот момент провожу проходную пешку, захуячиваю лишнего ферзя через всю доску, ставлю мат... то есть, звонок нужен будет от вас, Авдей Агеевич, чтобы приняли в ветеринарный хоть техникум... желаю лечить бездомных собак, но просто так, сами знаете, обсеришься, а поступить – хрена с два поступишь... вот тебе, Николай Николаевич, на память вечное перо «Паркер», обозначь точную дату твоего нахождения на пороге Обкома, не забудь какого именно... адрес укажи Детдома... органы проведут соответствующую разработку проблемы, подключим кого следует на радио и ТВ... если твоя горе-мамаша жива – кровь из носа, но мы ее разыщем даже в мертвом виде... не таких находили... что касается ШРМ и прочего экстерна, то, считай, ты их закончил – справки будут хоть завтра... нет, отвечаю, я уважаю учебу, сдачу экзаменов и вообще – образовательную шнуровку... отлично, шнуруйся, партия это приветствует, ты мне, повторяю, нравишься, запиши телефон, не отравишься... он слегка окосел... хотел я спросить этого Авдея, о итальянах с Сицилии, но подумал, хули спрашивать?... все равно не расколется... ему в масть все варианты, начни я перебирать которые, так как социализм – это учет.. учти, кирюха, нас 270 миллионов, но все мы учтены – до последнего доходяги, до единого трупа – лубянскими всевидящими шнифтами и всеслышащими лопухами – хуй вот куда от них денешься... тут Агей говорит, что читает мои мысли, поэтому советует ему звякнуть, когда пожалуют следующие забугровые гости – пронюхали, понимаете, прохиндеи сенсацию успехов нашей науки – не дремлят бляди промышленного шпионажа... скажи Хреново, даме... видная такая дама, фамилию забыл, и своему Кимзе, что будут награждены и премированы.

Те двое подвезли меня... весь дом кнокал, как вылезая из ЗИС-110... тут и участковый, и сантехник пьяный Витька – этот вообще охуел, как от глюков... ну и прочие соседи пораскрывали праздные свои ебальники, как позже выразился тот же мизантроп Кимза... я же тебя, кажется, проинформировал, что мизантроп – это такой, в душе, питеркантроп, который бешено ненавидит всех людей больше, чем себя... верно – как Картавый с Гуталином... но лично меня Кимза почему-то зауважал... нет, не потому что в лабораторию быстро начали волоочь из-за бугра научные штучки-дрючки, лично которые заказывали и он, и Академик, и Влада Юрьевна.

19

Короче, загребая докторскую зарплату, сдаю исправно молофейку, где-то какие-то моментально попадают от меня бабенки, добываю для политбюро валюту, без которой Африку не освободить от кандального империализма... Сицилия, как я въехал, успешно договорилась с Авдеем насчет пересыла моих живчиков в Палермо... поэтому от ганг-стерилы Джузеппе стали приходить разные сувениры... а этот Вильем Бульон, в знак благодарности за осеменение, снабдил лабораторию какой-то передовой аппаратурой... ну и счастливые забугровые мамочки присылают авиапочтой хрен знает что: джинсу, колготки, платья, шоколад, потрясные кепки, виски, утки-гуси в собственном жиру, пластинки, кассеты, Пикассу с Иван-Гогом, порнуху... ты что? -журнальная порнуха мне всегда была до жопы, не уважаю фотоеблю... я ее перепуливаю Аркан Иванычу Жаме за те же бабки... душа из него вон – пушай набирается сеансов, раз не хватает натуральных сплетений рук, сплетений ног, как сказал поэт... соблюдал ли, говоришь, Агей условия и требования?... куда бы он делся – все было выполнено быстрее, чем планы Никиты насчет кукурузы и подготовки к светлому будущему... прикинь, мудила: встречал-то я тебя не на извозчике... бухаем-то, ебена кровь, не в подворотне, да и хаваем, небось, далеко не такое говно, как «Завтрак туриста»... соображай, почему так живу, у тебя ведь на плечах башка, а не залупа все же конская... захаживаем иногда в «Березку» – мне от Агея перепадает зелень... короче, бытовуха наша пошла-наладилась, будто солидолом смазанная, хотя Влада Юрьевна что-то не попадает и не попадает... поэтому лично я являюсь, так сказать, сапожником без сапог... ничего, надемся, однажды нормально подзалетим – не пальцем деланы... что касается наших чувств и отношений, то, как поет Клавдия Шульженко, о любви не говори, о ней все сказано, сердце, верное любви, молчать обязано... поэтому не будем гавкать – закусим боталы, закроем пасти... однажды снова меня дернули на выход те самые двое в штатском... все так же кочумают, везут на том же ЗИС-110, хер их знает за что, куда и зачем... привозят в нейрохирургию имени Бурденки... беспокоюсь, не пиздец-ли мне, по-новой, нечаянно нагрянул, когда его совсем не ждешь?... лихорадочно соображаю, неужто, падлы, блядь, начнут ковыряться в мозгу, искать там секцию оргазма, проверять молофейку и вообще ревизовать остальные все мои муде-колеса... но тут одна убийца в белом халате по-быстрому покопалась у меня за щекою ваткой на палочке, я что-то подписал, опять втолкнули в тачку, отвезли в НИИ... Влада Юрьевна ужасно беспокоилась, бросилась меня целовать, подумала черт знает что, объяснила, что в наше время подозреваемых ищут не по отпечаткам пальцев, а по наиважнейшей кислоте, она же ДНК, наебать которую невозможно... моя отрада знала все факты прошлой преступности, ничего от нее я не скрыл... тут у меня сердце – как занает, как занает, оно всю дорогу так ныло перед любой неволей... а вдруг, думаю, какой-нибудь ебанный знаток ведет следствие, изучает спизженный лопатник, мой след находит?... тогда – хоть вешайся из-за недопущения моей личности до честного отбарабанивания срока жизни на свободе... короче, заметал икру, запаниковал... поэтому у меня, чисто на нервной почве, что-то не стоял ни дома, ни в лаборатории – буквально отбилась от рук... а тут, как назло, курьер Агея привозит со Старой площади спецификацию политбюро на экстренную поставку – они же там тупые – не замороженной, а самой свежей моей молофейки... просекаю, что нужна она не менее чем бабе, может, дочке африканского какого-нибудь людоедского Президента алмазной диктатуры рабочих и крестьян... можно подумать, Николай Николаевич круглые сутки ходит-бродит, блядь, со стоячим, как половой соловей-разбойник, ожидая дальнейших решений партии и правительства, чего ему еще такого отчебучить... мало паразитам Азий-Африк нашего оружия, промтоваров, сахара, муки, колбасы с сардельками – им еще и молофейка русская потребовалась... это ж надо, сучий мир – чтоб

имелась в наличии у народа не солидная, не своевременная, вроде как у итальянов, история, а какая-то поздняя хуйня, по-немецки, кафка... цари – говно, Картавый – тоже, Картавый вчера, он же Гуталин – еще хуже, а Никита... хули о нем говорить? – лучше фортку отворить, так как много вони из ничего... с тобой не спорю: он разрешил народу перекур, а весь мир поставил раком, пока тот же народ покуривал, как итальяны, почесывая, если не яйца, то жопы... я, кстати, курил с восьми лет, потом бросил, так как туберкулез меня б в могилу положил... опять отвлекся... страшно было мне, неприятно, сука, стыдно, когда опять везли на ЗИСе, компас неполноценки разыгрался... но ведь не вешаться же?... это Гуталину надо было в лоб себе шмальнуть, когда он отсосал у фюрера, как самый главный враг народа... мне же следовало жить со всей решительностью, клянусь, и со всей любовью только ради единственной Влады Юрьевны... забыли тему того моего, в тачке, бздюмо.

Кимза смотрит на меня, как бездомный оголодавший пудель... Коля, говорит, умоляю, разреши Поленьке немедленно исправить положение в авральном-оральном порядке, иначе они нам заморозят, извини, к ебени бабушке, заказ французской центрофуги... твоя Влада – в институте Капицы, не нервничай... уверен, она б дала добро на это рабочее дело, попробую ее разыскать, это же, объясню, не просто какой-то привокзальный атас, он же отсос... Поленька, говорят, у мертвого поднимет лежащий – увы, не у меня... он это так сказал, что я чуть не заплакал от жалостного сочувствия... Владу Юрьевну, говорю, не разыскивай – не маленький, сам пошевелю обоими полушариями, случается, тумкающими, что мне, идиоту, делать, как мне, чумной заразе, быть... не гони меня, кирюха, с рОманом, ведь я так ее люблю – это охуенно любимый мой романс... захожу на свое рабочее место, теперь уж не в хавирке, а в спальне, размером с лифт того же Гранд-Отеля... ложусь, грабки – за голову, лежу и думаю, но не как Картавый в шалаше, что ему делать с Россией, дрыхнувшей на печи и не желающей бунтовать – нет... лежу я, как этот... ну, как его, который всю дорогу менжевал, девчонку утопил?... нет, не Стенька Разин... ну, блядь, он еще был взятским... вятским, верней, датским, в общем, принцем, а его родная матушка скурвилась с подлым братцем своего законного мужа... верно, в точку, Смоктуновский Гамлет, ты молодец – сечешь не только в чемоданах, но и в кино!.. вдруг чую, начинается какая-то революция... нет, не желудке – в уме моем смущенном, и в примолкнувшей что-то душе, вот где... бздюхаю – не поехал ли я?... потому что у меня перед шнифтами – волшебное, не менее, видение... только поддувало-то закрой... нехорошо, мутила, некрасиво находиться в обществе с открытым настеем ртом... вижу я сразу двух голеньких-преголеньких дам... рядом, как у Ботвинников, часы, таблички с именами... одна – блонда, как понимаю, Дилемма, напротив нее – шатенистая Альтернатива... не перебивай, обе они – мифообразные фигуры того, что должен я – хоть, сука, кровь из нюхала – немедленно решить... локотки у обеих на красном сукне стола, а дебелие ладошки – сплелись ладошки в таком достаточно крепком рукопожатии, которое и покажет, кто кого переборет, вот только не известно когда... болею то за одну, то за другую – не могу выбрать, за какую именно... никакого на их, так сказать, двойняшных лицах напряжения – одни, я бы сказал, страстные, сам знаешь в какой момент, улыбки... от таких улыбок забирает сильней, чем... кстати, их, начисто нас очумляющих улыбок, и сравнить-то не с чем... в обеих фигурах ничего такого нет борцовского, неприятного, из-за чего я и штангисток не уважаю, вырубаю телек, видеть не могу... ты что?... никаких на них бюстгалтеров, никаких рейтузов... обе голенькие, блонда – заглядение, слюнки у меня текут, мои лопухи шелестят и ужасно чешутся... шатенка – ну, блядь, вообще, то есть дух захватывает, сердце дребезжит... борются, борются – победить ни одна из них не может – ну, блядь, никак... я, кстати, как поется, был на зоне чемпионом, колот поленом плотничий топор и так далее... мало ли, что у тебя встал?... при таком видении полной, розовато-теплой, я б сказал, раздетости у любого мудака заторчит... но только, чую, началась серьезная эрекция – в кабинет стучит, потом вбегает Поленька... вот что странно, о ней и насчет отсоса – буквально я ни

разу не подумал, не поразмышлял... почему – обьясняй сам себе, а мне такого о себе и знать не надо... извините, Николай Николаевич, меня прислал Кимза... быстро закрой, цыкаю, дверь с той стороны... она слегка спугнула чудное мгновенье, точней, глюки тех обалденных привидений... но меня снова забрало – и вот я уже дохожу, как самовар до точки кипения... прошло две-три минуты... струхнул в пробирку, пробкой закупорил, расслабляюсь, как всегда, несколько оголоушен, правда, гора свалилась с плеч... и уже гораздо легче было думать о том, что, слава небесам, не случилось, не произошло – могла ведь быть беда... как это ничего ты не рассматриваешь особенного, в таком вот рабочем отсосе, он же минет?.. ошибаешься, полный ты мудила... хули ты меня поучаешь?.. я баб повидал столько, скоько тебе не снилось, и считаю все такое блядство не то что бы изменой любимой даме, ясно кому именно, а предательством нашей общей любви... точно также полагает сосед по подъезду, он художник, поддаем иногда, беседуем, рассуждаем, делимся проблемами, художники видят поглубже, чем мы с тобой... ровным счетом ты ни в жизни, ни в любви, ни даже в отсосном леваке нихуя не понимаешь... слушай, ну тебя совсем в жопу, пасть закрыл бы, клыками своими антизамковыми кляцнув, и не отвлекай... и вдруг в кабинетик – Господи помилуй! – Влада вбегает Юрьевна, свет мой негасимый, я чуть не зарыдал от радости и свободы, точней от счастья, что, по-новой, она – это я, а я – она, и ничто мне больше не мешает любоваться ею и собою – ни отсосы, ни сдернутые с ног портосы... но вида не подаю, так как еще мутило ум мой виноватый отравой позорного сомнения и менжовочной слабосилки... просто передал ей для Кимзы пробирку... Коля, говорит, ангел мой, Кимзу я уже отчитала за полнейший идиотизм, равный тупости этого Авдея... у нас же есть приличный запас твоей замороженной спермы, абсолютно аналогичной свежей... и она бы, как обычно, пошла в дело, причем, без всяких проблем... плевать я хотела на распоряжение верхов, ничего в делах наших не понимающих... да и не ты ли меня учил лукавствовать с начальством, без чего, воспользуюсь твоим прелестным выражением, пиздец науке, промышленности и сельскому хозяйству?.. прекрасно знаю, что просвещенное общение с ебанутыми этими крестинами невозможно... тем более, Коленька, сам ты не в настроении – понимаю это лучше, чем кто-либо... ведь ты единственный в моей жизни другас, как говорит Ирена, полулитовка, любимая подружка, мы слетаем к ней в Вильнюс – прямо на оба выходных плюс пару дней отгула.

Ну, гадом быть, у меня, повторяю, душа – вот, сука, чуть не оговорился – гора у меня с плеч, они же совесть... настроение – лучше не бывает... все, говорю, дорогая, обошлось без проблем, тем более – произношу с нажатием – Поленька на меня влияет, допустим, как бром, на команду подводной лодки, оголодавшей от безрыбья... тут она – мною любимая еще безумнее, еще родней – тихо, тихо, так, чтоб никто, никто не услышал – говорит, что буквально ни единым не упрекнула бы она меня словечком... и до низкой ревности никогда б не снизошла, хотя из-за такого казенного вида блядства, все это было бы ей крайне неприятно, крайне... жаль, кирюха, что в тот момент были мы в лаборатории, а не дома, честно заявляю, очень жаль... и в этом плане – вот каков мой тебе душевный совет: не будь амбалом, когда начнешь у нас работать – разом отрежь все свои злоебучие мыслишки от Поленьки и иных лаборанток, прыщавых с недоеба... ты с меня бери пример, а не с отца Сергея, которому, как я понимаю, собственного хуидола надо было отрубить, но не палец, полезный даже для монастыря – нашел что отрубать, хитрожопый саморуб... да, бери пример с меня, а то тебя с ходу шуганут из науки по муде авоськой... я тебе всемерно помогу психологически перестроить твою, хули говорить, бестолковку... перед дрочкой будешь расслабляясь, как йог, за четверть часа до кидаемой палки – это раз... вызывать без всякого кодеина и прочих каликов-моргаликов, самые благожелательные для твоих мозгов глюки, ну там впечаталжки, жоповиды, плавные такие холмики-пейзажики различных девичьих дюн, прости, грудей... нет, сиськи, далеко не то слово – это два... но основным, так сказать, возбудителем твоей, как замечаю, шалавой либидухи явится... что бы ты думал?.. молодчик,

в масть гадаешь: о интересных книжках речь пойдет, удачно будораживших, хули уж говорить, распутное мое воображение – это три... не забудь, что работаешь всего пару часов, включая сюда предварилово конкретного дровичова, руки с мылом, протираешь своего работягу спиртом, затем его эрекция, твоя работа, пробирка, пробка, потом отдыхаешь, а всякая бацилла пополняет запас потерянных каллорий непосредственно энтелехии сил твоего организма... забудь думать о вредности, потому что, если не завяжешь, подсядешь вновь и дровичить будешь на шконках, причем, на полуголодное пузо, а не на воле и за нормальные бабки... не влюбишь ситуацию – линяй на все четыре стороны, раз такую тебе предложила жизнь схватку дилеммы с альтернативой... поясняю: дилемма – если выбираешь одно из двух, к примеру, красивейшую, но дуру-дворничиху, или, если тебе светит, перекосорыленную умницу, но зав. магазина «Пиво-Воды»... альтернатива – ты находишь наилучший выход из хуеватого положения жизни, то есть обеих посылаешь в жопу – и красивую дуреху, и косорылую торговую сеть, короче, выполняешь директивы своей судьбы – больше ни чьи.

20

Вижу, тебя закосорылило от того нашего, в лаборатории, толковища насчет разборок с оргазмом... кровянка, еще раз подчеркиваю, в душе сворачивается, что нет такого же точного у народа слова... не знаю, откуда взялась прыть моей речуги, но нашим кандидатам и докторам я так прямо и сказал на профсобрании: извините, ебу я квас патриотизма на фоне дыма Отечества, если конкурс щипачей, виноват, скрипачей у нас имеется, а всего-то одного ниважнейшего слов нет в стране на русском языке... мы что – Иваны, не помнящие своих Степанов, а также Степанид?... (шумные аплодисменты) ... пушай происхожу от обезьяны – хуй со мной, в конце-то концов... пушай тормознуло развитие не шибко-то прогрессивное, силком усыпившее народ на печках, все то же, как говорится, Чингихамство (редкие смехуечки) ... я – тип необразованный, глупый, грубый, но я же не против лаборатории, электричества, трактора, гондона, триппера, футбола, вивисекции, агонии, абсолюта, дефицита и так далее (смех, аплодисменты) ... возьмем «коммунизм» – даже это слово мы с вами, товарищи биологи, намного больше чем имеем – нас оно, допустим, вдохновляет (кое-кто уходит из зала) ... значит, русские, что? – никогда что ли не кончали? – кончали, да еще как! – не хуже французов, хохлов, итальянов, той же еврейской национальности, а также других замечательных народов... а слова оргазм, повторяю, нет как нет в общенародном алфавите словаря (крики: безобразие, ротозейство президиума Академии!.. долой слово президиум!) ... должны же были как-то называть – сами знаете что именно – наши предки предков дальних наших предков и еще дальше, в самую глубину времен... а куда смотрел, с понтом, большой ученый, в языкознание знавший толк? (шумные, продолжительные аплодисменты) ... спасибо за внимательность, я кончил (общий смех, овация всего зала, многие встают) да, я так и заявил... а кто-то подъебочно спросил, что вы, Николай Николаевич, изволили назвать безвыходным положением?... меня зло взяло... это, говорю, называю не я, а весь наш народ, когда какую-нибудь проблему, вроде Гитлера, или поднятия целины, ставят раком и положительно ее решают ради детей и внуков – вот что... потом я слинял... безусловно, кто-то тут же настучал Агею, вечером он дернул меня к телефону... сказал всего четыре слова: следи за собой, распиздяй и повесил трубку... хули мне за собой следить?... я не Васек с Курской аномалии – сам секу, зачем им там, на самом верху, как воздух, нужна моя молофейка... учти, строго между нами, волчарами, делюся с тобою как бы овцой, порванной от уха до уха... в тот раз, когда слегка бухнули, тот же Авдей рассказал, что теперь они там решили запустить в историю КПСС новую, еще более долгосрочную многонациональную идею духовно-физического освежения всех народов СССР... в них все должно быть по-чеховски прекрасно: и внутренние дела, и иностранные, и внешность ухогорла-носа, и глаза, и мысли, и выпивка с закуской – или все, или ничего!.. такая вот альтернатива... партия имеет, говорит, в виду вытравление из народов подлых остатков прошлого, а также дальнейшей коррупции на нашем, понимаете, неопровержимо поступательном следования к цели, как говорится, впервые в истории... да, кирюха, ты прав, они хотят начать эту свою пертурбацию-заебацию не только с моей молофейки, но и с твоей, и с выдающимися молофейками других доноров... конечно, твоих, по словам Академика, сперматозаицев сначала проверят на кондицию в них прочной энтелехии, подающей большие надежды херовой нашей демографии... вот и надейся, что они у тебя не мямлики, а шустрики, вроде моих... сам будешь в продуктово-ширпотребном материальном порядке... Авдей, повторяю, сказал, что им там сейчас – в масштабах одной шестой всей суши, с прицелом на космос – по горло необходимо плодить и размножать в нашей популяции сверхчеловеков новой формации, то есть чемпионов и чемпионок мира абсолютно по всем видам спорта, включая сюда Штирлицей, а также собственных Нейтронов, кажется, Эйнтонов и еще каких-то Ейб-

ницев... так что, чем пыхтеть на вахте, как та же курва с котелками, поишачишь годочков пять на воле и, как поется, не издохнешь ты, жиган, от слабосилки, с ходу жисть заделаешь свою, и кемарить будешь не на пересылке, а в самом круглосуточном раю, с белой ромашкою на розовом хую... ну, а потом встретишь девушку своей мечты... и вот тебе решительное мое резюме: раз у политбюровских дебилов возник базар насчет новой национальной идеи, значит, надвигается уркаганский пиздец нашей Соньке – против твоей рублевки ставлю столик... правильно ты сделал, что перебздел держать пари, так как такового пиздеца не быть не может чисто исторически... и вовсе я не закартавил: не ураганный надвигается пиздец на Соньку, а именно уркаганский, в чем нихера хорошего не вижу и видеть не хочу, так как слишком хорошо знаю паханов – и блатных, и ссучившихся... и еще потому, что и они, отвязанные, и все молодые шакало-волчары руководства только и ждут команду: да здравствует капитализм с совковым ебалом, не зевай, расхищай, набивай карманы всенародной собственностью... наливай, вскоре я тебе выложу инструкцию по технике безопасности ума и души при производственном самовозбуждении.

21

Только наш Хреново и Влада Юрьевна с Кимзой призадумались о том, что я высказал в речуге о наболевшем, кровянка от которого свертывалась в сердце и в душе – больше никто... Академик часто делился мыслями со мною... дело не в словах, он копал глубже, хоть и старикан, учти, трех жен загрузил в одной ограде, на Ваганьковском, по бабам больше не скачет, но все-таки поставил проблему раком... потому что, в натуре, это он большой ученый, а вовсе не Гуталин – фуфловый корифей всех веков и народов – вот почему... наш Хреново впервые в мире хуй забил на все инквизиции и все цензуры... вот именно, согласен, он не перебздел, а засел за какую-то новую, сверхсекретную бухгалтерскую машину, экран похож на телек... за пять дней, пять ночей взял и бесстрашно подсчитал ряд фактов из жизни общества злобучей нашей планеты... о них веками умалчивали, чтоб не дрочить римских Пап, наших попов и этих самых... му-му которые... ты прав – отлично поющих муэдзинов... волосы встали у меня дыбом от количеств кинутых палок и оргазмов... если коротко, Академик сложил миллиарды ебущихся женщин с миллиардами таких же мужчин, минимум пару раз в сутки, если не больше, помножил их на 31 день... получалось, что за один только месяц происходят вообще какие-то неисчислимы количества оргазмов... то есть при каждом оргазме каждое тело, особенно мозги, как бы прикасаются секунд на десять-двадцать к самой что ни на есть питательной основе Самого Бытия – называется она субстанцией... куда же, спрашивается, девается почти что вся выделяемая, пока что неуловимая, энергия, если из миллиона живчиков всего лишь один сперматозайка внедряется в яйцеклетку матки?.. Академик и Влада Юрьевна говорят, что небольшая часть передается детишкам в виде энтелехии... значит, остальная уходит на ветер, как многое у нас, распиздяйски безответственных, к тому же глушащих на планете все живое, так?.. но это же тоже пиздец – надо что-то делать, надо изловить ее, волшебную эту и дармовую энергию бесхозяйственной ебли... а ООН воды в хлебало набрала, не мычит, не телится... вот и ты, кирюха, тоже варежку раззявил и, конечным делом, мечтаешь данную энергию поставить на чисто военную ногу, вспотевшую в солдатском сапоге... ну и чего ты такого намечтал, романтик хуев?.. так, значит, залегла гвардейская дивизия в окопы, дрочит в ногу, верней, в руку, а электрошок в колючую проволоку бежит, чтоб врага тряхануло и вывело из строя в лазарет, либо глушанула – так я тебя понял?.. все, говоришь, солдаты последовательно соединены друг с другом... а если замыкание короткое, что тогда?.. выходит, генерал должен искать пробку, которая перегорела, и пока он жучок будет ставить, фашист – тут как тут, и пиздец этой твоей гвардейской дивизии... инженер-конструктор из тебя, как из моей жопы драмкружок... вот у Академика Хреново я спросил один раз: что будет, если все мужское человечество начнет по команде дрочить и совместно кончит секунда в секунду, то есть все мы товарищески достигнем группового, как говорится, оргазма – что тогда будет?

– Прогнозировать трудно, друг мой... наука никак не преобразует водород в энергоноситель... а для такой утопической высокоритмичной акции, как улавливание энергии самого, принципиально невидимого, несмотря на его всеприсутствие, Бытия, требуется величайшая самодисциплина плюс неслыханно высокий уровень массового самосознания и, разумеется, ощущение интимного – как при абсолютно взаимной любви – единства цели... пока мир разделен на два лагеря, это невозможно... вот когда воссияет над преступным нашим племенем двуногих мир во всем мире, не бздите, тогда и посмотрим, тогда и подролим кожаные свои движки, ха-ха-ха, как вы содержательно выражаетесь... ежели, мечтатель вы мой, говорить серьезно, то эксперимент в столь глобальных масштабах может кончиться весьма плачевно, что, собственно, произошло с ядерной бомбой... проклятая нефть уничтожает природу, гибнут и гибнут целые виды прекрасных живых тварей... между прочим,

выражение невидимое Бытие кажется мне идиотичным... нам что – необходимо самим себе доказывать, что небо – это небо, земля – земля, флора – флора, фауна – фауна, а мы сами – мы сами? Это же, Коля, абсурд...

Вот как, кирюха, рассуждают люди с головой на плечах, а не с жопой, как у тебя и у меня, тоже, кстати-то, частичек того же Бытия... мы уже новые, между прочим, опыты начали... ведь скоро накроется и уголек, и нефть, а на дровах не очень-то до звезд доберешься, да и тайга, писали давеча, облысела, как череп того же Картавого.

22

Каковы характеры нашего опыта, если в общих чертах?... захерачивают мне в голову два электрода... ну ты и денатурат, кирюха, ебал бы я твою, допустим, седьмую хромосому раком.. как же можно захуярить человеку в голову электроды, которыми, по твоим данным, сваривают могильную ограду на Ваганьковом?... охуел совсем или прикидываешься?... может, хватит бухать-то?... вгоняют мне в затылок два электрода, тоньше волосни они мудяношной и из чистого сделаны рыжья... сажусь в удобное, его с ракеты сняли, хитромудрое кресло, от электродов провода к прибору тянутся... Кимза командует, чтоб я думал про футбол... ладно, понеслась, думаю только о нем... вдруг чую, у меня заторчал, чего ни разу в Лужниках не случилось – епушки-матушки, прости ты меня, мама, пропащего сына... и тут же забирает все тело самая злоебитская на белом свете сила, бывает которая только в случае коитуса натуральной ебли... уже не до футбола – какой там в жопу футбол, когда трещат по швам перепонки мои барабанные от невозможной перегрузки... к тому же, высоколобые ошиблись и секунд на десять продлили, сволочи, оргашку... у меня сердце могло разорваться, а мозги – вообще перекосябиться навеки... Кимза орет, чтоб мне грабки привязали, я задергался, но, как током наебнУтый, все-таки струхнул... молофейку, как и указывал Агей, сразу же взяли на всесторонние анализы... а как же ты думал?... политбюро желало знать, как наши космонавты будут ебаться на Луне – раз... что получится из всей этой шизоватой циолковщины – два... не пиздец ли молофейке в безостановочном перелете по космосу из Москвы на ту же Луну – три... короче, добились победы, на которую все спишут... это сейчас кажется, что она легко далась нашему научному коллективу – нет, далась с большим трудом победа... Кимза в тот раз совсем поседел, а Академик стал жрать спирт вместе с сотрудниками и закусывать рукавом... я не бухал, они мне весь череп электродами истыкали – группу наиболее важных нейронов искали... ту, которая исключительно еблей располагается... конечно, в мозгу – не в жопе же... ищут, ищут, а найти никак не могут, заразы ученые... чего только со мной не было при этом... то ногами мелко дрыгал, то горько-горько плакал, как в детдоме, то ржал откровенней, чем лошадь... один раз вырвался из проводов и как ебану Кимзу промеж шнифтяр здоровенной клизмой... потом одних реторт со змеевиками перемолотил штук десять, Владу Юрьевну при всех расцеловал... вахтеров вызывали, они меня связали, но все это – трудовые будни... нужные нейроны никак не находились, вроде бы их нет, хотя должны были быть, я хребтиной их чуял... поэтому предложил смелую гипотезу: вдруг, товарищи, этот чувствительный нервишко расположился вовсе не в башке, а как говорится, в довольно безмозглой головке залупы?... эта гипотеза не прохезала... тогда они снова взяли за башку, и под Женский день, восьмого марта, совсем меня перекосябило... резко скакануло давление, левая щека заухмылялась чуть ли до уха, правая грабка немного отнялась, и ужасно зачесалась стопа левой ноги, хотя она тупей любого другого участка тела... один электрод вытащили, а вот куда его воткнуть забыли и тычут, тычут... все у нас, ебись оно в доску, в спешке делается – от революций до втыкания какого-то сраного электрода... Академик аж застонал, что его следовало бы расстрелять еще в тридцать седьмом, чтоб зря он гнозис не коптил... а ты возьми словарь иностранных слов и найди гнозис – вон он, лежит на банке огурчиков, нехуй лениться, образовывайся... вдруг Поленька постукала пальчиком по моей лобной доле и говорит, что, согласно карте полушарий, составленной каким-то немцем задолго до 22 июня, ровно в четыре часа, – эти злоебучие нейроны помещены именно здесь, во лбу... в общем, победа... не бзди, нихера такого с тобой не произойдет – технологии науки не стоят на месте... теперь, если даст бюро политдобро, то есть наоборот... да разрябит твою гладь, что-то я заговариваюсь... если даст добро политбюро, можно будет регулировать половую энергию в слишком горячих телах граждан обоего пола,

и в слишком холодных тоже... вскоре в медицинской газете появилась передовица «Фригидность? – нет! – Плохие руководители!»... всем нам дали премии и путевки на банкет в Дом Литераторов... а у меня Женский день 8 марта был разбит каким-то кратковременным параличом, сучий мир... я даже Владу Юрьевну по-мужски не побаловал, она меня из ложечки кормила... говорю ей слабым голосом: милая, ты мне мама, доченька, жена, полюбовница, друг и училка... а она отвечает: это ты мой папа, сын, любимый муж и Николай Николаевич, более того, спаситель... между прочим, старик Хреново Кимзе выговор объявил за халатность при эксперименте.

23

После праздника меня выправили... вскоре тачку купили, катерок и полдома на Волге... ездим рыбачить, отдыхаем, почитываем, зимою – банька, летом – господа грибы, ходим-бродим, низко кланяемся, спасибо, Природа-матушка... самое приятное в жизни, скажу я тебе, кинуть палку в березняке любимой женщине и забыть к ебени бабушке науку биологию, в гробу бы я ее видал в босоножках розовых... я ведь не знал ни дедушек, ни бабушек... что касается Кимзы с Владой Юрьевной, то они продолжают ебаться с биологическими, физиологическими, главное, нейрологическими и метафизическими загадками оргазма... мы втроем пытались сочинить вместо него ну хоть что-нибудь по-русски... я предложил прославить уважаемую мною лучезарность, увы, получился всего лишь лучазм... все-таки это лучше, чем прокол словаря... и вдруг, не знаю почему, по мозгам моим так и шарахнуло слово взбрызг!.. Влада Юрьевна добавила: и выбрызг... Кимзе все такое было до лампы... Академик, когда мы доложили, аж охнул... очень, восхищается, содержательно звучат и одно и сразу два Ы – как ни в одном другом из многих тысяч русских слов!.. что касается согласных, то это, господа, блеск словесной живописи, сам Хлебников весело переворачивается в гробу... полнейший пиздец, как говорит Николай Николаевич, поздравляю...

Кстати, кирюха, есть маза, что Кимза слегка ебанулся – поехал от загадок взбрызга, он же выбрызг... ты правильно шевелишь мозгами: все-таки взбрызг – это когда непосредственно в даму, а выбрызг, согласен, уже поллюция загрязнения простынки, если кончаешь во сне... тут и Онан, молофейку спускавший с неба на полюшко-поле, города и хаты... так вот, Кимзе кажется, что если кварки имеются в природе чисто физически, то хули ж им не притыриться в невидимой, но ощущаемой энергии оргазма?... ну, кварки это те частицы, на которых держится, не слетая с катушек, все и вся: атомы, планеты, булыжник пролетариата, Таблица Менделеева и так далее... проще нихрена уже быть не может, поэтому и не бывает... Кимза уверен, что если мы захомутаем кварки – приделаем американам заячьи уши... все такое – тоже тайна, учти, олень... потому что страна, первой изловившая кварки, не в ебаном синхрофазотроне, а именно при вбрызгах и выбрызгах, сможет с ходу весь мир уничтожить и замастурить его заново из тех же самых кварков... так как, если верить Чарли Чаплину, а не гимну Интернационалу, наш новый мир – говно... куда блядь, ни глянь – повсюду дрянь, утопия, дебильно сенильное политбюро, неорганизованность, пьянь, взяточники, рвань и завязавшие жулики, вроде нас с тобой... вот за нас и врежем... я ведь давно так не трекал – от пуза не оттягивался на нашей фене... поканашь ишачить и учиться – тоже забормочешь другим языком – он поинтеллигентней фени... если честно, оргазм, когда он в виде слова, почему-то меня начинает устраивать.

24

Вопросы есть?.. урка международный у нас работает: я устроил... на нем проводят опыты по лечению импотенции... неплохо зашибает, кажется, зафаловал Поленьку... ну что еще?.. Агей дал знать, что мне обеспечено поступление на ветеринарный... считай, говорит, ты уже поступил, то есть принят, елки-палки, не вздумай задавать вопросы, так как мы живем, что стало тебе известно, в совершенно сказочное время, и этим все сказано... поиски твоей мамаша продолжают, поскольку кислоты массы дам в жилой сфере того Обкома сравниваются с твоей ДНК – надежды не теряй... ха-ха-ха, не будь распиздяем... я и не надеялся на все такое, в смысле отыскания матушки, которую от души простил, поскольку я всегда ее любил и жалел... могла ведь кинуть в помойку – и все, пиздец тому же котенку... ведь просто так детишек не подбрасывают – что-то было у маменьки моей с судьбой... вдруг повесилась или утопилась, поэтому котенка своего и не нашла?.. а так я вовсе не жмурик – живу, люблю, любим, учусь, как-никак просыпаюсь не в окопе, когда, по словам народа, ноздря у тебя в сиропе, в кармане три копейки, вся жопа в молофейке – нет, кирюха... просыпаюсь я рядом с неописуемо прекрасной Владой Юрьевной, а утро красит нежным светом стены древнего Кремля... однажды, когда Авдей интересовался моей производственной деятельностью, я у него спросил: как там африканские царьки-то – небось, успешно размножаются?.. а тебе зачем знать?.. ходят слухи, что Президент-Император Бокасса держит в холодильнике молодую, генетически быстро растущую, так сказать, человетчину, дважды в сутки хакает ее за обе щеки и телевизионно отгрыгивает... ну я и подумал, вдруг он где-нибудь на ферме своей людоедской, разводит быковато упитанных, все в меня которые, Николаев Николаевичей, потом забивают их для него на Новый Год, Женский день, Первомай, Седьмое ноября, День полиции и так далее... в общем, как у нас, поросят, телят, барашков... нахуя душе моей, спрашивается, нужен подобный геморрой?.. я, извините, не убойный цех мясокомбината имени Микояна... так же, как не эти мы с вами, Авдей Агеич... ну, блядь, забыл?.. вот именно, мы с вами вовсе не ганнибалы... смотрите, как бы вашему Отделу не налететь на международный скандал да и Хельсинки заебут вас чисто по-фински... это, интересуется, как?.. сначала, поясняю, парят, а уж на морозе петушат... молчит... пять минут прошло, помалкивает... потом возникает: ха-ха-ха-ха, ну, блядь, рассмешил, я чуть не обосрался, как в детстве... вот почему Никита, наезжая на белофинов, брал с собою в Хельсинки тройную охрану... ха-ха-ха-ха... хотел я тебя пужануть, но воздержался, повторяю, ты мне нравишься, отличные от тебя происходят ребяташки, получишь орден... просьбы есть?.. москвича, говорю, хотелось бы сменить на волгу, на фургончик... о'кей, распоряжусь... вопросы имеются?.. мы тут заимели отличных доноров, кровь с молоком ребята, а мне пора в отставку, все ж таки являюсь не племенной бычарой с ВДНХ, я женат, проблемы либидухи-полоухи мне не в масть... Агей резко рубанул: отдохни немного, подождешь и ты, как сказал, поэт Лермонтов... тему обмозгую, вскоре заменим, так как незаменимых у нас не было, нет и назло врагам не будет... новые кадры нам необходимы, так как страну заебла демография, кроме того, те же Хельсенки содрать пытаются портки с нашей родины... организуйте самую современную систему сохранности, понимаете, стратегического запаса сдаваемой молофьи, пусть Хреново подготовит смету и группу специалистов... все, работайте.

25

Вдруг Кимза получает через нового директора института Лошадева распоряжение из ЦК от самого Суслова, трупешника нашей партии номер 1. Срочно и во что бы то ни стало осеменить жену то ли шведского какого-то влиятельного политика из социал-демократов, то ли американского миллиардера – большого друга Советского Союза. Забыл фамилии. Приводят, сажают ту жену, может, и дочь, в спецкресло, велят начинать. Пытаюсь мысленно внушить себе эрекцию, но либидуха что-то помалкивает. Косяка давлю в иллюминатор хавирки. Лаборатория держит ушки на макушке, иначе говоря, все раскрыли ебальники. Кимза командует вырубить ненавистный ему баритон Юрия Левитана, прекратить шуточки, надеть маски, ходить на цырлах, осознавать ответственность момента. Тишина, гадом мне быть, священной, чем в мавзолее. «Внимание – оргазм!» – кто бежит к рубильникам, кто к осциллографам, кто – к стеклянным кишками и кишочкам, то есть все занимают свои места, а главная у них, у всех фигура впечатления – это я, Николай Николаевич. Раньше от всего такого понта он вставал, теперь – неподвижен. Осеменяемая, в натуре то мною, а вовсе не нашим великим, могучим Советским Союзом, вся уже раскрывается в своем кресле, как, видите ли, развратная роза, и лыбится, заебанка.

Представляешь, кирюха?... лаборантки стоят по стойке «смирно» возле ее раззявленной, как варезка, Пионы Здановой... большой друг Советского Союза, небось, в фойе нервозничает, одну за одну, сука, в пепел изводит сигары, букет красных гвоздик теребит, а я, как назло, ну никак, сука, не налажу эрекцию... без нее, скажу я тебе, отвлекаясь, только ссать приятно, особенно, если нету в жизни радостей иных... в остальном мой, как обычно, болтается без дела, не знает куда ему себя девать... страх меня взял – за осеменением из ЦК наблюдают... Суслов давит косяка... Госбанк валюту считать приготовился... того и гляди, думаю, дернут тебя, Николай Николаевич, за саботаж на Лубянку... и вообще пригрозят, что перестанут искать мою маму... нажимаю кнопку-экстра вызова... прибегают Кимза с Поленькой... Влады Юрьевны в тот день не было, ее в Академию наук вызвали.

– Осечка, – говорю Кимзе. – Не стоит.

– Ты о чем думаешь на работе? – скрежещет он зубными своими верхними и нижними протезами.

– Вчера о гражданской войне читал самиздат, как красные пытали белых и наоборот, а все такое для нервишек – ледяная вода с серной кислотой.

– Осел! Всех нас под монастырь подводишь! Начинай снова. Мысли, черт бы тебя побрал с твоими думами, о чем-нибудь более эффективно возбуждающем, хотя бы как акробатки голову просовывают между своих ног, или представляй шпагат женского фигурования на льду.

– Лед и снег меня не возбуждают.

– Тогда активно вообрази, что ты, как Дрейзер, мой знакомый по урану, работаешь переодетым в бабу пространщиком в женской бане... пойми, нам лабораторию могут нахер ликвидировать!

– Хорошо, только не шипи в виде кобры.

– Быстро изволь выдать на-гора не меньше полпробирки!

– Быстро только Тузики с Жучками кончают, а я – человек, не забудь, совковый, и у меня нервы исторически издерганы, как у Шаламова, Набокова и у того же Солжа.

– Начитался, балбес, наблатыкался, раз-инте-ллигент-ничался. Приступай к делу. – Кимза отвалил. Поленька ни жива ни мертва.

– Разрешите, Николай Николаевич, я вам снова помогу? – Отлично, думаю, поманипулировала бы Поленька с МПХ, с моим, то есть, моче-половым хозяйством, но тут, помимо моей воли, вмешался в эту проблему все тот же небольшой остаток душевной совести.

– Сегодня справимся, не стоит беспокоиться... раз, в данную минуту, сам не торчит – позже сам же и настроится.

– Тогда быстренько взгляните, вот рассказ Мопассана, я полночи не спала, он поинтересней японской порнухи насчет белоснежки, которую, в общем, затрахали семь гномиков – вся обхохоталась, черт знает от чего. У вас, Николай Николаевич, член ужасно чуток на феномен эстетического. Я такого первый раз в жизни встречаю.

– А много ли ты их вообще-то встречала?

– Только договоримся не беседовать о вещах, не имеющих отношения к опыту, а к теме секса я вообще равнодушна, интересуюсь чисто психологически – обиделась Поленька.

– Между прочим, член – далеко не вещь, он выступает как субъект опыта, но ладно, хуй с ним, с членом – с чего начнем?

– С того, что не выражаемся. Мне очень нравятся книги Мопассана об этом деле. С детства люблю их. Они волнуют и приобщают к высоте переживаний, а так же к проблемам материально-телесного низа. Откройте страничку 21... Спокойно, спокойно, прикрепляю к вашему датчики, температурный с кинетическим. Ваше дело – читать и терпеливо добиваться оптимальной эрекции.

– Она нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь – шутка. Датчики мешают читать и вгоняют настроение в угрюмство мысли.

– Без них нельзя – необходима графическая запись показаний.

– Ладно. Поглядим Мопассана, но, может, попробуем «Сказку о золотой рыбке»?.. она еще с детдома расшевеливала во мне либиду.

– Странно, что там для вашего молодого возраста такого уж возбуждающего?

– А вот поиграем с тобой в бабку-дедку, и я, в качестве такового предка, загадаю рыбке одно желание – да ты в глазунью из двух яиц с ходу растечешься по сковороде.

– Вы имеете в виду воздействие на либидо что ли?

– На нашем либиду, но фактически имею в виду еблю. Как понимать оптимальную эрекцию? Это оптимизм что ли? Я и без него не малахольный оглоед.

– Оптимальная – предельно высокая.

Веришь, кирюха, со второй странички Мопассана у меня затвердел, вроде пожарной кишки на морозе – не разогнешь... вчитываюсь, а я читаю феноменально быстро, как говорит Влада Юрьевна... бывало, следовательно целый месяц мое Дело пашет, днем и ночью пишет он его, падла, пишет, а я это Дело за десять минут вычитываю, еще неделю с понтом изучаю, отдыхаю, блядь, мечтаю о воле... вспоминаю палку кинутую, самую последнюю на этой самой воле, но не помню женского лица – только тогда подписываю Дело, не раньше... всегда, чтоб ты знал, торопится, как бешеное, только преступление, а наказание – хули его торопить, раз оно и так никуда не денется?.. ждет, облизывается, как оно надо мной поизгиляется... читаю, значит, Мопассана, как один муженек уехал на один день в командировку... он велел жене Жаннете не скучать, но ни в чем случае не дрончить – у французов с этим делом все в ажуре амур-тужура... а Жаннета была дура, аппетитно дебелая, охуенно злоебучая, но послушная... раз велел Морис не скучать, подумала она, то хули бы мне не пошебутить?... а по улице в это время шел трубочист, напевая ихнюю баррикадную марсельезу... Жаннета и говорит, перегнувшись с балкончика так, что нежные ее сиськи чуть не выпали на какую-то парижскую Рю-хрю-хрю... милый Пьер, я озябла, загляни-ка в мой камин, хи-хи-ха-ха, трубу прочистить... ну, Пьер, такая уж у него разебайская работенка, зашел и прочистил... на завтра тупой этот Морис приехал из командировки, не раздевшись, сразу же трахнулись, он и говорит, Жаннет, я весь, включительно с нашим друж-

ком, вымазан в чем-то черном, как будто трубачист, а это очень странно... она, хоть и дура была, но нашлась... в такие минуты идиоток не бывает, кирюха... а не спал ли ты, котенок, с прелестной негротяночкой?.. ох, и поохотали они тогда над ее шуткой, прямо за животики держались, и Морис снова полез на жену Жаннету... а когда он уходил в контору, сказал, что, пожалуйста, птичка, пригласи трубочиста, видать, у нашего камина труба забарахлила... вот какой чудесный писатель Мопассан... до сих пор возбуждает либидуху всего человечества – не то что какой-нибудь жлобина из ебанных Алексеев Марковых с Вадимами Кожевниковыми.

26

Рассказ про трубачиста кончился, но я уже был на коне и гнал шершавого в атаку вместе с невидимой тучей живчиков... гоню, как полоумный Чапай, разве что шашкой не размахиваю, чуть не ору – даешь оптимальный Париж!.. откидываю Мопассана, беру в другую руку пробирку, слышу, как Кимза в микрофон орет: «Внимание – оргазм!»... затем, как обычно, лечу в отключку – таково свойство моей психеи, включая тело, плюс привычка к сачковой работе... ты учти, эта работа – не бей лежачего, уважай стоячего... возьмем министра или главного какого-нибудь конструктора самолетов... мало того что их ебет материальная ответственность, госплан и прочая хуйня... но они еще и ишачат, как проКлятые, не меньше восьми часов в день... если же аврал в честь ебучей Анжеллы Девис и руки прочь от Манделы – в два раза больше... а у меня, раз уж ты интересуешься, часок, повторяю, гигиены, подготовка, расслабуха, гантели... как боксер, прыгаю через скакалочку, минут пять отжимаюсь на коврике под легкую музыку оркестра советских композиторов Юрия Силаньева, то есть темная ночь, снова замерло все до рассвета... глубоко дышу, настраиваю нервишки на ща-бемоль-мажор, нежно разглаживаю книгу и так далее... после оргазма и сдачи молофейки – легкий отходняк в состоянии культурного отдыха, калорийный закусон, расслабушная дремОта, душе в планетарий охота... пиздец – я свободен... бывало, до Влады Юрьевны, косил травму нервишек из-за компаса виновности перед своим мочеполовым хозяйством... оно же тебе не вафельное полотенце, как попало кидаешь которое в персональный шкафчик – за ним, ебена кровь, надо следить, ему нужен хороший уход и такой же приход... меня хотели произвести в отличника коммунистического труда из-за вредной для организма работы тела... отказался, сказал, что это не труд, а полу-удовольствие, не уголек же я рубаю... не фраер, не скрываю: конечно, немного химичил со временем, выбеонами нервной системы, растяжением левой мышцы правой грабки, головокружение... ты еще хуевый гражданин, но должен знать, что при социализме все сачкуют на рабочих местах, если не воруют... даже ебанные члены политбюро – и то баклуши бьют... потому что, если б они не сачковали, рабочие, крестьяне и научная интеллигенция жили бы, блядь, почище американов и прочих итальянов... мы все-таки имеем не от хуя уши, а шестую часть суши, кирюха, это надо понимать с совестью и беспокойством души... а все такое – где ж его взять?.. небось, после царя, утопленники, точнее, утописты почти что извели в народе все такое шибко духовное, а теперь думаем, ой, блядь, как оно вот-вот наступит, будущее наше светлое, и что за мудацкие Иваны Сусанины нас к нему ведут в каких-то джунглях и в крошечной тьме... ну хули я опять отвлекся?

И что ты думаешь?.. молофейку засандалили, куда следовало... все в лаборатории потирают руки, разбавляют спирт дистиллированной водичкой... снова чешешь в масть: один из миллионов моих хвостатых шустряков попал, тютелька в тютельку, в самую середочку яйцеклеточки той забугровой дамочки... это был категорический приказ политбюро и лично Никиты... осемененку провел Кимза, в качестве награды всем большим, но глупым друзьям Советского Союза... и опять ты прав, Никите уже дали по муде мешалкой... поэтому приказал обеспечить осемененку лично Брежнев... не перебивай, все, я сказал, все-е-е!.. дамочка мгновенно попала... потомок Николай Николаевича знал как распорядиться во всех фаллопиевых трубах гениталитета женского хозяйства... через общеизвестные 9 месяцев та дамочка благополучно родила у нас же в клинике... я видел мальчика... симпатяга... подросток, на скрипке пилит, бумбукает на барабанах, поет под гитару... беда вот только, что ворует, лазит, гаденыш, по карманам вопреки упакованным папе и маме... рассуждая генетически, психически – в меня он весь пошел... это Кимза рассказывал.

27

Короче, Поленька стала мне подсовывать на опытах то одну книженцию, то другую... каких только книг не перечитал я, кирюха во время экспериментов, и это при том, что читать начал рано, да еще пионервожатая Шурка, снабжала меня «Половым вопросом» Августа Фореля и очень шухарными заветными русскими сказками – много чем еще... Поленька набрала столько данных, что уже и разобраться в них не могла... прямо как в анекдоте: ни стирать, гадюка, ни стряпать не умеет, зато ебаться – золотые руки... без научного руководителя не могла она хренакнуть причинами по следствиям и наоборот, чтоб выбить из гнозиса ебучего хоть какие-нибудь вшивенькие выводы... не тянула девушка на это – способность к науке – не гондошка... зато несло от нее иногда – гад буду, как в самый, сука, час пик в духотище трамвая «Аннушка»... каких я только, повторяю, книг не проглотил: «Дон-Кихот», «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Отверженные», «Идиот», «Анна на шее», «Милый друг», Жюль Верн, штук двадцать ЖЗЛ, Вальтер Скотт, «Тихий Дон», не говорю уж Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лесков, оба Толстых и так далее... авторов всех названий тут не перечислить, ну тех, от которых у меня торчал, но, если хочешь знать, хорошие писатели, как в старину, очень существенно поддерживают душу... как и телу, ей бывает не легко – она не курва с котелками... а о разной книжной шелупони – просто презираю говорить... она превращает мужиков в импотентов, девушек и женщин – в замороженных шук... ты хули пристал-то?... да, от Поленьки разило, кажется, гормонами-ферромонами... потому что, мудила, в природе любая самка привлекает самца веяниями той же Пионы Здановой – вот почему... разумеется, у нас с тобой все иначе... мы же самцы, поэтому не пахнем – только петушимся, козлы, кукарекаем, гребешками хвалимся, рогами бодаемся, тетеревушничаем, серенады поем, громыаем – кто бивнями, кто хвостами, кто мускулатурой, то есть выябываемся и выябываемся... Поленька показала свои записи нашему Академику... в первую графу «Оптимальная эрекция», раз уж интересуешься, попали «Охотничьи рассказы», «Вий», «Шинель», «Отелло», «Золотой осел», Мопассан, где все про еблю и интриги либедухи... от жалости к «Мухе-Цокотухе», у меня еще в детдоме от торчал, когда паучок данную растяпу в уголок поволок... ну что еще?... само собой, «Преступление и наказание», «Наполеон», «Мороз и солнце – день чудесный...», «Занимательная астрономия» и другие такие же науки, «Обломов», «Книга о вкусной и здоровой пище»... но, вот что удивительно, кирюха, сам не знаю почему – ничто меня не раззадоривало сильнее книжонки царского режима «Как самому чинить сапоги, штиблеты и ботинки?»... приятственно было читать «Анну Каренину»... рюмочки-стаканчики... только я считаю, что не сама она, видите ли, воздала себе, а это Лев Толстой совсем уж в жопу оборзел... это ж надо ж – взбеленился от того, что приличная женщина страдала телом и душой, сердечнейшей желала ласки, поэтому и трахнулась с Вронским из-за безоглядной любви... совершенно правильно поступила, честь ей в истории литературы, а по жизни – трижды хвала... правда, от концовки этого романа мой не то что б не шевелился – да мне, блядь, вообще хотелось не прочесть, а завыть от переживания за героиню, ни за хуй брошенную писателем под паровоз: «эх, выйду я на рельсу, на самую середину, пущай мне отрежет хуй, сукиному сыну»... не о маме будь сказано... жаль, что «Анушку» выселили из Москвы, жаль... по-жигански, запрыгивал я иногда на подножку, официально брал билет – я здесь такой же, дамы и господа, дженльмен, как все вы... левая моя неподвижно висит на гладенькой такой держалке, правая, завязавшая, в основном, щипал которой, солидно так полеживает в кармане.. хули там рада? – она счастлива, что ни у кого не надо тырить лопатники, сумочки вскрывать, снимать с висуллек рыжие котлы, а из внутреньих, нажопников и скул мастерски вытягивать получки и прочие бабки, большей частью тоже ворованные... я по запаху чуял честных граждан и всяких

артельных прохиндеев, директоров гастрономов и прочих теневил... этих было мне не жаль, но ладно – хули отвлекаться?... с этой, с точки зрения эрекции, – остоебенило мне трекать о книгах... они ведь сочиняются больше для души, чем ради материально-телесного низа, как говорит Влада Юрьевна, и я ей верю – она не КПСС, не блокнот-агитатора... ну хули ты пристал?... всех названий, повторяю, не перечислить... сам потом разберешься что к чему.

Короче, Академик Хреново просмотрел данные Поленькиных опытов. Проверил статистику, сам подправил кое-что. Потом однажды говорит:

– Есть у вас, Поленька, научное любопытство, есть. Почему же вы не смогли, так сказать, подмахнуть резюме? Буду короток. Истинная литература имеет отношение не к члену Николая Николаевича, а к его, надеюсь, просыпающемуся духу, хотя ваш подопытный – человек феноменально возбудимый. У него даже от двух слов «женский туалет» иногда эрекциирует, не то что от Мопассана. Так что, Поленька, работу вы до конца не довели, закономерности основной не выявили, но вы способны, у вас имеется импозантная исследовательская страстишка. В науке все средства хороши, кроме доносов. Сами-то литературой интересуетесь?

– Постольку-поскольку.

– Очень скверно. Повторяю: художественная словесность, она же литература, имеет отношение к человеческому духу, а не... сами знаете к чему. А ты, Коля, порадовал меня. Не так прост и низок человек, каким он кажется порою. И в вас, шалопае, есть искра Божья! Есть! – Тут он велел Поленьке удалиться и, главное, не подслушивать нас, и продолжал: – Надоела, небось, работенка?

– Да, – отвечаю, – завязывать пора. После «Дон-Кихота» очень уж трудновато стало дрочить, главное, страшно вато. Чем я, думаю, тут занимаюсь, когда каждому порядочному индивиду надо продолжать сражение с ветряными мельницами?

– Понимаю тебя, Коля, понимаю. У меня пострашней на душе мука, чем твоя, хотя грех соизмерять наши с тобой муки. Ты вот просто дрочишь, пользуясь твоим выражением. А мы все чем, по-твоему, занимаемся?

– Суходрочкой, что ли? – говорю, не подумав даже как следует, а Академик Хреново до потолка чуть не подпрыгнул.

– Абсолютно точно! Вот именно – самой что ни на есть су-хо-дроч-кой! Вся советская, Коля, и мировая наука – сплошная суходрочка на девяносто процентов, правда, я немного преувеличиваю. А марксизм-ленинизм? Это же садо-мазо-онанизм. Твоя хоть не только безобидна, Коля, суходрочка, но и полезна никогда незалетавшим леди. Сравни с ней, сколько крови пролито марксизмом-ленинизмом в одной только его лаборатории – в России. Море! Да, море, ни капли никакого не имеющего отношения к плодоносной молофейке! Все вокруг – суходрочка! Партия дрочит, правительство онанирует и наоборот. Наука мастурбирует, всем кажется, что вот-вот заорет какой-нибудь искалеченный Кимза: «Внимание – оргазм!»... наконец-то, Господи, всеобщее настало облегчение, станция «Конечная» имени Светлого Будущего, наш паровоз дальше не пойдет, просьба освободить телячьи вагоны – пиздец коню, если вновь воспользоваться твоим экспрессивным выражением... Утопия, фантазмагория, дикий бред. Ты, Николай Николаевич, подрочил, побаловался, похалтурил, но слегка преобразился. Не погибла в тебе личность, как, собственно, не погиб Человек от суходрочки советской власти и ее, так сказать, сраной утопии. Придет, надеюсь, пора, когда Человек, если тебе верить – а я верю – завяжет таскать гречневую крупу в авоське, да и займется достойной жизнедеятельностью. Хватит, скажет, дрочить. Подрочили, эти их масть, понавыдумали фригидных национальных идей, идиотских утопий, садистических терроров, кровавых диктатур. Время за живое дело приниматься, а о многолетней суходрочке, даст Бог, потомки наши с улыбкой вскоре будут вспоминать. Ты чем хотел бы заняться, завязав, как потешно и тафтологично говоришь, с мастурбацией онанизма?

Веришь, кирюха, о себе я так тогда подумал: ну, на что ты, козел, способен после дет-дома, щипачества, отсидок, главное, продрочив и испытываясь столько лет в НИИ?.. подумал и вдруг вспомнил, что мой непонятно почему вставал, как штык, от старой потрепанной, книжонки «Как самому починить сапоги, штиблеты и ботинки?».

– Сапожником, говорю Академику, пойду работать, так как люблю и уважаю простое это дело. Думаю, что закончу ветеринарный, буду лечить бездомных псов, для начала мы с Владой Юрьевной уже купили спаниеля – Яшкина. Это его имя, заодно и фамилия. С матом тоже завязываю. Охуенно остоебенило, правда, с этой проблемой завязывать надо постепенно и не окончательно

– Умница! Умница! У нас и сапожники-то все перевелись! Страна не умеет набойку набить по-человечески. Задрочились за все эти годы свершений и побед, вслед за тобой повторяю, ети их масть. Охуенно остоебенило. Попробую не забыть и это твое мудрейшее выражение. Канай, милый Коля, сапожничай – благословляю.

– А как же вы тут без меня?

– Управимся. Пусть дрочит молодежь – ее не задушишь, не убьешь, а на их стипендии де-факто не проживешь. Науку не делают в белых перчатках. В свое время, ради гонимой молекулярной генетики, увы, пришлось дрочить и мне, хотя я любил, как ты, красавицу жену, а в детстве, вроде тебя, никогда не онанировал. А чего я, Коля, если спросят на Страшном Суде, добился? Стала мне понятней тайна жизни? Нет, не стала. Он же контрари, как говорил Черчилль, то есть напротив, и вот что, друг мой, скажу я тебе по секрету...

Слушай, зубило из Нижнего Тагила, доверяю тебе, как себе... Академик Хреново высказал мне шепотом свою личную тайну, до которой ебаться надо всем МВД и прокуратурам до самого конца света и наступающего Страшного Суда... да-с, прошептал он мне на ухо, я считаю себя личностью, не зря трудившейся в науке... слава Тебе Господи, уму моему и моей душе предстал, увы, невидимый светлый образ окончательной непостижимости тайны происхождения жизни... страшно сказать, но я уверен, что никто никогда не допрет до самого доньшка сей дивной тайны... ради восторженного понимания данной непостижимости стоило жить все эти страшные годы... вот, вот, говорит, ты сверхкорректно заметил, Коля, научно-мировые вопросы – пиздец как бесконечны, заебешься дым глотать... пока мы тут с тобою лично колотимся и колотимся голыми жопами об крашенный забор – сия метафора прекрасна! – представь себе, хитромудрые китайцы уже пять тысяч лет бьют поклоны Божеству Великого Незнания... вот отчасти и поэтому вскоре я приду в твою артель чинить штиблеты и непременно порекомендую порядочных для твоей шарашки заказчиков.

Тут табло зажглось «Приготовиться к оргазму»... академик куда-то намылился... а я, знаешь, кирюха, что завтра сделаю?.. не догадаешься, пьяная твоя и опухшая вывеска... завтра же, по-чеховски... это значит, темень ты непроходимая, что в нашей жизни все должно быть вась-вась: и глаза, и мысли, и чувства, и ебальник не скосорыленный, ну и, конечно, лепень с корочками, то есть тряпки конкретных одежд... являюсь, значит, выглядящий по-чеховски, на место работы, собираю по-быстрому книжонки-вещички, включаю мигалку сигнальчика «К работе готов», а сам втихаря, то есть уже чисто по-английски, на цырлах, линияю, линияю, линияю... я им не Ломоносов, которому далеко ходить не надо, и не какой-нибудь буржуазье... слинявши, сажусь в троллейбус «Букашка» и представляю, как Кимза вопит на всю лабораторию: «Внимание – оргазм!» – а кончать-то и некому... в зале Кремлевского дворца разборок – тишина, никто не встает... ты прав – никто не рукоплещет, никаких оваций... заходит Кимза в мою рабочую хавирку, кнокает вокруг, хлопает лупухами, мою читая оставленную ксивенку: «Лично я ебал трудовую книжку – пиздец, завязываю... пусть дрочит Фидель, он же Кастро, на свою Гевару... им там на Кубе делать нехуй, раз на весь народ насрать, а так же ищите комсомольцев-добровольцев по профилю научной суходрочки... поэтому канаю изучать сапожное дело, само собой, держу прицел на вете-

ринарные проблемы бездомных собак. Всех вас люблю и уважаю. ЦК»... целую, значит, крепко... Кимза бросается к моей Владе Юрьевне, больше ничьей – к исключительно моей... ты погляди, захипежит, это же какой-то чудовищный фак, мердешка, швайзе, конкретный пиздец и разьебитская сила, что делать, Влада, из-за твоего супруга – погибает наука.

А зная, между прочим, о подобном плане – Влада, моя любимая, Юрьевна, как я уже не раз ее обучал – культурно другу моему Кимзе ответит:

– Работа, Анатолий Магомедович – не пенис, он же не фаллос, он же не член, он же не Харитон Устиныч Йорк и не лошадь – работа постоит, ничего с ней не случится.

– Стоп!.. объяви мне полностью, кирюха, твои ФИО?.. спасибо, нормально, солидник.

– Подготовьте, пожалуйста, к опыту, – добавит Влада Юрьевна, – нашего нового сотрудника, почтенного Василия Ивановича Чапова!.. Васек, кирюха, это же ты, гадом быть, я тебя от души поздравляю!.. не понравится – слиняешь!.. если же мама моя отыщется – сразу сообщу, и все мы нашу встречу обмоем в тот же день!.. если же не отыщется – поддадим за ее здоровье, или же печально помянем, так как жисть – есть жисть, а не безбожно злоебучее существование белковых тел.

Москва – 1970 США. Коннектикут. Пять дубков – 2014

Кенгуру

Посвящаю Алексею

1

Давай, Коля, начнем по порядку, хотя мне совершенно не ясно, какой во всей этой нелепой истории может быть порядок.

В том, 1949, году я был самым несчастным человеком на нашей планете, а может, и во всей солнечной системе, хотя чувствовал это, разумеется, только я один. Кстати, личное несчастье – не всемирная слава и не нуждается в признании всего человечества.

Но давай по порядку. Только я в понедельник собирался отнести в артель партию готовых вуалеток, как раздался междугородный звонок. А вуалетки я мастерил для понта, что занят полезным трудом, несмотря на индивидуальность, и потом почему-то нравилось накалывать тушью черные мушки на нитяную решку. Сидишь себе, капашешь, а сам вспоминаешь, как дружески распивал с начальником сингапурской таможни великое виски «Белая лошадь». Итак: междугородный звонок. Подхожу.

– Гуляев, – говорю весело, – он же Сидоров, он же Каценеленбоген, он же фон Патофф, он же Экранц, он же Петянчиков, он же Тэдэ, слушает!

– Я тебе пошучу, реакционная харя! – слышу в ответ и тихо поворачиваюсь к окну, ибо понимаю, что скоро не увижу воли и надо на нее наглядеться.

– Чтобы ровно через час был у меня. Пропуск заказан. За каждую минуту опоздания сутки кандея. Только не вздумай закосить невменяемость. Ясно, гражданин Тэдэ?

– С вещами? – спрашиваю.

– Конечно. Захвати индийского, высший сорт, а то у меня работы много. Чифирку заварим.

Бросил он, гуммозник, трубку, а я свою, Коля, держу, не бросаю. Она библикает тоскливо «би-би-би-би», острые занозы в сердце вонзает. Тут я выдернул трубку с корнем из аппарата, и – хочешь верь, хочешь не верь – она еще с минуту на полу библикала. Подыхла. Ты этому не удивляйся. У нас ведь тоже после смерти ногти растут и бороды, и если я врежу, дай-то Бог, дубаря раньше тебя, Коля, ты положи, пожалуйста, в мой гроб электробриту «Эра» и маленькие ножнички...

Но, милый мой, сам знаешь, когда бы мы с тобой реагировали на служебные неудачи, как ответработники или некоторые евреи, то схватили бы уже по двадцать инфарктов, инсультов и раков прямой кишки. Отшвырнул я подохшую трубку ногой под тахту и начал радоваться перед тем, как пострадать и сесть неизвестно за что и на сколько. Я до сих пор помню каждую секунду из тех двух часов, которые я потратил на дорогу до Лубянки. Боже мой, какие это были секунды, даже части секунд и части их частей. Ведь я прощался с родимыми лицами из фамильного альбома и одновременно успевал давить косяка на свободных воробьев за окном. Смахнул тополинный пух с Ван-Гога. Сообразил, куда заначить золотишко и денежку. Подумал, что платить за газ и свет запахло – пускай за газ платит академик Несмеянов, а за свет сам великий Эйнштейн – специалист по этому делу. Кроме всего прочего, я подготовил все к моменту возвращения на волю: сервировал стол на две персоны и поставил поближе к своему прибору бутылку коньяка. Поставил и отогнал от себя мысль насчет того, сколько звездочек прибавится на этой бутылке, пока я буду волочить срок. Год пройдет – звездочка, потом еще одна, потом, думаю, ты, коньяк, станешь «Двином», потом «Ереваном», а если даже и «Наполеоном», то все равно я не фраер, все равно я освобожусь, выпью тебя,

за кровь времени моей жизни выпью с милой лапонькой, которая вон – по улочке, в белом фартучке вприпрыжку бежит из школы... Зачем-то в булочную забежала...

Застилать на будущую ночь тахту я не стал. Зачем откладывать драгоценное времечко вроде как в копилку? Суждено будет – еще застелю. Присел я потом на дорожку, пятнадцать минут всего прошло со звонка, помолился, холодильник выключил и, между прочим, клопа, Коля, увидел.

Хотел его – к стенке, но почему-то пожалел. Извини, говорю, отбываю в ужасные края, и кусать тебе долго будет некого. Но я тебя, тварь живая, пожалею, ибо жить ты должен до пятисот лет и без кровной пайки преждевременно отдашь концы. Взял я клопика и осторожно подкинул под дверь соседки Зойки. Полминуты, не меньше, на это дело потратил. Герань на кухню вынес. Собрал чемоданчик и вышел из дому.

Заметь, вышел из дому. Стою у подъезда. Стою и стою, потому что ноги у меня не двигаются. И не от слабости, а просто не двигаются – и все. Собственно, зачем моим ногам двигаться, если как следует разобраться? Дорожку им самим не выбирать. Ее уже наметил для них гражданин подполковник Кидалла. А раз не выбирать, значит, в ногах спокойствие. Правда, Кидалла дал час сроку и за каждую минуту опоздания обещал сутки кандея. Но ничего, думаю, откажусь. И в душе у меня примерно такое же спокойствие, как в ногах. Для души ведь тоже намечена гражданином подполковником Кидаллой дорожка, она же путь, она же тропинка, она же стезя, она же столбовая дорога, она же судьба.

Я, конечно, покандевал в Чека, но даже не заметил, как с места сдвинулся, потому что, Коля, жизнь меня тогда так между рог двинула костылем, что я, ей-богу, в первый момент не мог просечь: существую я или не существую...

Какая-то падла привязалась ко мне по дороге. Ей, видишь ли, показался странным взгляд, которым я кнокал на портрет Кырлы Мырлы, висевший в витрине гастронома. «Я, – говорит эта гадина, – давно за вами наблюдаю, и если вы не наш человек, то лучше пойдите и скажите об этом органам сами. Может быть, вам не нравятся изменения, произошедшие в мире? Тогда заявите! Здесь! Сейчас! Заявите, вместо того чтобы носить фигу в кармане и истекать бессильной слюной врага, ставшего над схваткой!»

Ничтожеством обозвала меня, тварь, и, главное, Коля, не отстает, ибо ей, сволоте, интересно, по какую сторону баррикады она находится, а по какую я. Я тогда и загундосил с понтом сифилитика, что нахожусь по ту сторону баррикады, где мебель помягче и постаринней, и что направляюсь в вендиспансер на реакцию Вассермана после полового акта с одной милягой – наследницей родимых пятен капитализма. Слюной, конечно, нарочно ее забрызгал и думаю: не подсесть ли по семьдесят четвертой за хулиганство? Но сам знаешь: Чека, если надо, перетасует все пересылки, все БУРы и ЗУРы, самые дальние командировки раком поставит, а найдет нужного человека!

Кстати, насчет баррикад и мебели. Вот этот туалетный столик я вынес в 1916 году из одной киевской баррикады. Стоит он столько, сколько «Волга» на черном рынке, но я его не продавал, не продаю и не продам! За ним Мария Антуанетта причесывалась. Ну скажи, Коля, что происходит с нашей планетой? Зачем люди отрубают головы женщинам-королевам? Зачем? Почему? А какой-то слепой кишке, видишь ли, тошен взгляд, которым я давил косяка на Кырлу Мырлу!... И не успокаивай меня, пожалуйста. Я не эпилептик. У меня нервышки покрепче арматуры на Сталинградской ГЭС. Будь здоров, дорогой!...

Слава тебе, Господи, что мы с тобой нормальные люди! И запомни раз и навсегда: нормальные люди суть те личности, которые после всех дьявольских заварушек терпеливо и аккуратно, чтобы, не дай бог, не отломать ноженьку у какого-нибудь, пускай даже простого и зачуханного венского стула, демонтируют уличные баррикады. И соответственно ненормальные – это те мерзавцы, которым кажется, что им точно известно, чего им хочется от жизни. Хотя что может хотеться людям, волокущим из дома на булыжную мостовую сту-

лья? А ведь на них человек отдыхает! Столы, Коля, волокут, столы!!! А за ними наш брат ест, хакает, штев-кает, рубает, кушает, одним словом, принимает пищу. И, наконец, Коля, люди волокут на грязную улицу кровати, они же диваны, они же оттоманки, они же тахты, они же матрацы пружинные и соломенные, то есть волокут все, на чем кемарят одну треть суток, а иногда еще и днем прихватывают, все, на чем проводят первую брачную ночь и последнюю, на чем лежат больные, на чем плачут обиженные, на чем рожают и врезают дуба! Ненормальные люди! К тому же никак не поделят, кому на какой стороне баррикады находиться. Но хватит о них.

От той паскудины я тогда слинял и покандехал себе дальше. Пешочком иду, со свободой, с волей прощаюсь. Бензиновым дымком дышу. Газировку пью. Курю, как сам себе дорогой и любимый, «Герцеговину Флор». На «ласточек» смотрю. Прощайте. И дальше канаю. Причем не теряю из отпущенного времени ни секундочки и, как уже говорил, ихних самых мелких частей...

Я перед заходом в Чека был вроде одного хмыря-смертника, которому дали птюху черствого в триста грамм и сказали, что это последний в его жизни хлеб. Хмырина-физик был битой рысью. Он разделил птюху на крошки, потом крошки на крошечки, потом крошечки на крохотулечки. Его исполнитель торопит: «Давай, гаденыш, быстрее. Тебя расстреливать пора! У меня рабочий день кончается, сука!» А хмырина отвечает: «Мне законом дадена возможность до-хавать последнюю кровную птюху, и, падлой мне быть, если будешь мешать, прокурора по надзору вызову! Воды почему не притаранил?»

Делать нечего. Несет ему смертельный исполнитель кружку водички. А хмырина кинет себе в рот крохотулечку черствого и катает ее, раскатывает языком, обсасывает, чмокает, плачет от удовольствия голода жизни! Исполнитель уже икры целую кучу переметал, базляет, что Спартак- ЦСКА вечером по телеку и гости из иркутской тюрьмы приехали. Его дожидаются. Но хмырина пригрозил, что не распишется в расходном ордере, если ему помешают хлеб хавать и воду пить. А помешать, между прочим, предсмертному приему пищи не имел права даже сам Берия. Он любил всякие красивые правила. Например, перед тем как заглянуть при шмоне в зад зека, надзор был обязан сказать: «Извините, гражданин или гражданка такая-то». Правило это, к сожалению, соблюдается в нашей стране крайне редко. Пока что так обращались только к Туполеву, Королеву и предгосплана Вознесенскому. В общем, исполнитель час ждет, два, четыре, грозит расстрелять хмырина каким-то особым способом, одному ему вроде бы открывшимся на курсах повышения квалификации, и звонит начальству. Но оно ведь ни за что не даст санкции на расстрел, пока смертником не схавана последняя крошка хлеба и не выпит последний глоток воды. Наконец в ладонях хмырины не осталось ни крохотулечки. Но он заявил, что бы ты думал, Коля? «Я, – говорит, – теперь за молекулы принимаюсь, а потом за атомы возьмусь». И снова пригрозил исполнителю сообщить напоследок куда следует, что тот, по сути дела, отрицает существование материи и объективно является троянским конем субъективного идеализма в нашей образцовой внутренней тюрьме, ибо преступно усомнился в официально признанном органами строе- ния вещества. Исполнитель-псина пожелтел, глаза блевотиной налились зеленой, и говорит хмырине: «Посмотрим, что ты, сволочь почти мертвая, будешь хавать, когда у тебя от птюхи ни атома сраного не останется?»

А хмырина ему и отвечает: «Я тогда, с вашего позволения, начну хавать электрон, который, по словам Ленина, практически неисчерпаем. А вы можете заявить, что исчерпаем, и посмотрим, какотреагирует отдел теоретической физики МГБ на это провокационное заявление. Вот, – говорит хмырина, – где, оказывается, окопалось мракобесие! Вот как оно хитроумно устроилось и расстреливает в лоб самых преданных материалистов!»

Верись, Коля, двадцать часов так прошло. Двадцать часов жизни на триста грамм черствого и кружку воды!

А потом хмырине вдруг заменили расстрел четвертаком и в шарашку увезли. Живым остался. А все почему? Потому что спешить никуда и никогда не надо!...

В общем, я тогда вроде хмырины-академика обсасывал последние свои леденцовые минутки и секунды и вдруг тоскливо просек, что времени на свободе для моей души больше нет. До свиданьица, говорю, Время Свободы, а сам дрожу – скрывать не собираюсь – от страха. Дрожу я, Коля, ибо очень страшно переходить ни с того ни с сего во Время Тюрьмы. А уж когда перешел, да спросил в окошечке пропуск, да поднялся по ступенечкам, да подал руку в злом коридоре генералу – он, между прочим, долго на меня пялил пшифты, должно быть, соображал, какой я промышленности министр, – когда я повеселел, чтобы не унывать, да постучал в дверь с табличкой желтой по красному «Кидалла И. И.», тогда у меня, Коля, страх пропал. Даже любопытство разобрало: что за казенный интерес мне корячиться?

Вхожу.

– Привет, – говорю, – холодному уму и горячему сердцу!

– Заходи, заходи, гражданин Тэдэ. Помнишь, педерастина, я тебе обещал сутки кандея за каждую минуту опоздания?

– Помню, – говорю, – гражданин следовательно по особо важным делам, но кандей вам, извините, как номер сегодня не пройдет, потому что вы велели индийского пачку купить, а в магазинах с часу до двух перерыв. Поэтому я вынужден был задержаться. Эскьюз ми.

– То есть как это перерыв? – удивился Кидалла. Он, надо тебе сказать, Коля, как ребенок был иногда, совсем не знал характера жизни: всё ведь допросы круглые сутки, допросы, пока очередной отпуск не поспеет. Это мы с тобой считаем дни и ночи, а они только очередные отпуска. Вот тогда мне и пришлось объяснить Кидалле социальное понятие «обеденный перерыв». Объясняю и сам радуюсь, что целый огромный и лишний оттяпал себе час. Я же не фраер: я пачку чая из дома прихватил.

Затем долго мы друг на друга смотрели.

Первое знакомство вспомнили, еще до войны, когда Кидалла взял меня и партнера с поличным на Киевском вокзале. Дело было дурацкое, но корячился за него товарищ Расстрелли. Одна нэпманша долго умоляла меня ликвидировать за огромную сумму ее мужа. Я хоть и порол эту нэпманшу, но просьба, Коля, мне не понравилась. Однако я с понтом согласился исключительно из обиды, что произвел за несколько половых актов впечатление наемного убийцы, и для того, чтобы наказать обоих. Ее, гадину, за кокетство с мужем, а его, оленя, чтобы смотрел в оба, когда женится на гнусных предательницах. Я этой Кисе усатой предложил план, и она его одобрила. Сначала мы с партнером нэпмана шпокаем. Потом расчлением и отправляем посылку с различными частями трупа пострадавшего его кроваво-злобным конкурентам.

– Они Гуленьку хотели съесть – так, пожалуйста! Я угощаю! – сказала будущая вдова и для алиби показала на «Лебединое озеро». Гонорар она обещала выдать, когда убедится в ликвидации своего Гуленьки. Хорошо. Захожу я во время танца умирающего лебедя в ложу и втихаря показываю вдове мертвую волосатую руку. Партнер ее купил за бутылку в морге. При сволочном нэпе, Коля, все продавалось и все покупалось. Получил я в антракте мешочек с рыжьем, пять камешков, и слинял. Камешки были крупные, как на маршальской звезде. Итак, я слинял. Стали мы с партнером думать, куда мертвую холодную руку девать? Партнер предложил бросить ее у Мавзолея с запиской, что комсомольцы специально отрубили левую руку у правого уклониста. Отвергаю предложение. «Зачем, – говорю, – добру пропадать? Давай отнесем ее на ужин льву или тигру».

Пробрались мы через щель заборе в зоопарк. Тихо там было, как в лагере после отбоя. Подходим к камере тигра. Кемарит зверь.

– Кис-кис! Мы тебе кешарь с гостинцем притаранили.

Проснись, поужинай. Кис-кис!

Проснулся зверь, рыкнул, и просунул я мертвую руку сквозь прутья. Веришь, Коля, киса, понюхав передачу нашу скромную, замурлыкала от радости и изумления, поблагодарила нас немного смягчившимся взглядом и принялась лопать чью-то никому не нужную конечность. Несчастливая, навек заключенная в камеру тварь урчала и, по-моему, плакала от счастья, что хакает мясо своего смертельного врага и обидчика – человека. Тут, почуяв это, зашумели другие хищники в соседних камерах. Вой, рычание, рык, лязг зубов, стук хвостов по полу. Хипеж, в общем, неслыханный. Мы сразу же слиняли.

Но из-за нашего благородного поступка пришел, Коля, конец нэпу. Да, да. Я говорю тебе сейчас чистейшую историческую правду, оставшуюся для идиотов-историков великой тайной. Поясню.

Поутрянке служитель нашел около клетки указательный палец. Тигр, наверное, спихнул его хвостом, а может, не пожелал хавать принципиально. Служитель, не будь дебилом, таранит палец в Чека. Положили его на стол Ежову. Тот говорит:

– Ба! – и бежит с пальцем к Сталину. – Так, мол, и так, Иосиф Виссарионович, правые и ленинские буржуа наглеют. Хозяева трех магазинов убили коммуниста Бинезона, потому что он уличил их в сокрытии доходов и неуплате налогов. Убили и скормили львам, тиграм, пантерам и гепардам. По кусочку. Ночью. Вот только указательный пальчик остался. Жена и товарищи по партячейке опознали его. Бинезон не раз грозил им в адрес нэпа.

– Символично, что от коммуниста товарища Бинезона остался не какой-нибудь там мизинчик, а указательный палец. Врагу не удастся скормить партию и ее ЦК диким животным. Мы, большевики, – не первые христиане, а Советский Союз – не Древний Рим. Не все коту масленица. Приступайте к сворачиванию нэпа. Берите курс на индустриализацию и коллективизацию. Выполняйте указания, – сказал Сталин.

И ты теперь, Коля, понимаешь, что, не скорми я тогда руку коммуниста Бинезона тигру, история России пошла бы, возможно, совсем другим путем, и нэп победил бы дурацкий, кровавый сталинский социализм. Большую я чувствую за это вину, и никогда ее себе не прощу.

Слиняли мы, значит, из зоопарка, взяли двух ласточек, и только я хлопнул по попке знакомую проводницу и билеты ей вручил, как слышу проклятое «руки вверх!».

Выполняю команду. Обшмонал меня Кидалла, он тогда еще лейтенантом был, и, оказывается, Коля, произошло следующее: эта сикопрыга-нэпманша прямо с «Лебединого озера» привела к себе домой какого-то полового гуся. Представляешь ее впечатление, если она охает под своим гусем, как вдруг в хату входит голый нэпман Гуленька весом в сто сорок кэгэ, тряся мудями, и видит на своей кровати чудесный пейзаж. Половой гусь, оказавшись впоследствии нервным эсером, крикнул: «Стой! Кто идет!» – и выпустил в Гуленьку пуленьку. Он, разумеется, хотел слинять, но не тут-то было. Киса для инсценировки велела себя связать и побить. Эсер все это сделал, вломил вдове за все как следует и слинял. А она подняла хипеж, явилась Чека, и я таким образом познакомился с Кидаллой. Киса дала ему мои с партнером приметы и раскинула чернуху, как мы ее, бедняжку, зверски изнасиловали на глазах родного мужа, затем шамальнули в него, забрали ценности, еще раз изнасиловали, связали и скрылись. Вышак за такое дело положен. Все улики против нас с партнером. Соображаешь? Я доказываю Кидалле, что мы Гуленьку замаяли хлороформом, сняли перстень и слиняли, и, конечно, всегда пожалуйста, готовы предстать за мошенничество, шантаж и перекуп метровой волосатой руки у расхитителей личной собственности из морга.

– У нас, – говорю Кидалле, – алиби есть стеклянное.

– А у меня, – отвечает Кидалла, – имеется на ваше стеклянное алиби член алмазный.

А я говорю:

– Гиперболоид инженера Гарина не желаете на ваш якобы алмазный? – После чего получил пресс-папье, ко торым Столыпин чернила промокал, по черепу. Вытер я, сам понимаешь, кровянку и продолжаю стоять на своем:

– Не убивали, поскольку у нас иные амплуа. Более того, – говорю, – вы нам шьете убийство уголовное, а оно на самом деле вместе с изнасилованием политическое. Зачем вам это нужно?

Тут подоспел арестованный дантист Коган. В момент убийства Гуленьки мы с партнером продавали ему золотишко на зубы, и, слава тебе, Господи, исторически сложилось так, что евреи любят подолгу торговаться! Торговались мы с ним ровно два часа. Когану Кидалла не имел права не поверить, потому что тот вставлял зубы Ленину, Бухарину, Рыкову, Зиновьеву и Каменеву. Тем более после показаний Когана нэпманша раскололась. Смотрю: заменжевал Кидалла. Задумался.

Нас с партнером Кидалла разогнал из Чека и ничего не стал шить. Правда, сказал, что я его должник. Потом он еще пару раз брал меня в посольстве Эфиопии и на дипломатической даче в Крыму и оба раза разгонял. «Гуляй, – говорит, – дорогой Тэдэ, – эта моя кликуха ему больше остальных нравилась, – до поры до времени, ибо приберегаю тебя для особо важного дела».

2

Вот и представь, Коля, мою жизнь: трамвай где-то сошел с рельсов, вредитель скрылся, а я жду повестки с вещами. Жду год. Жду два. Кирова шмальнули. Ну, думаю, вот оно, мое особо важное дело, наконец-то образовалось! Однако странно: не взяли.

Я совсем приуныл: если уж я не пошел по делу Кирова, какое же дело еще важней? Даже думать страшно было. В голове не укладывалось. В общем, жду. Лезвий безопасных в продаже не стало – жду. Мясорубки пропали – жду. Бусю Гольдштейна в Пассаже обокрали – жду. Кулаки Павлика Морозова подрезали – жду. Хлопок где-то не уродился – жду. Сучий мир! Во что превратили жизнь нормального человека! Жду. Жду. Жду. «Максим Горький» – жду. Джамбул триппер схватил в гостинице «Метрополь» – жду. В Испании наши погорели – жду. Чокаюсь потихонечку. Веришь, замечаю, что появилась во мне тоска по особо важному делу, по своему, по родному. Скорей бы, мечтаю, совершили вы его, проститутки паршивые! Что вы медлите с реализацией ваших реакционных планов и заговоров, диверсий и вредительств? Что ж вы медлите? Мандраж ожидания мешает моей основной работе. Годы летят. У меня карточные долги в Италии, Швейцарии, Канаде, Сиаме и Удмуртской АССР.

В общем, встань, встань на мое место, Коля. Тридцать шестой – жду. Орджоникидзе – жду. Семнадцатый съезд – жду. Тридцать седьмой. Озеро Хасан. Маньчжоуго. Челюскин – жду. Леваневский то ли пропал, то ли слинял – жду. Крупская. Чкалов. Белофинны... Жду. Берут почти всех, кроме меня. На улице воронок больше, чем автобусов, и все битком набиты... Ромен Роллан. Герберт Уэллс. Как закалялась сталь. Головокружение от успехов – жду... Кадры решают все – жду. Сталинская конституция – жду. В общем, вся история Советской власти, Коля, прошла через мой пупок и вышла с другой стороны ржавой иглой с суровой ниткой. Гитлер на нас напал – жду. Окружение. Севастополь. Киев. Одесса. Блокада. Чуть Москву не сдали – жду. Покушение на Гитлера – тоже жду. Второй фронт, суки, не открывают – жду. Израиль образовался. Положение в биологической науке – жду. Анна Ахматова и Михаил Зощенко – жду. И наконец случайно дождался своей исторической необходимости. Дождался. Сижу, кнокаю на Кидаллу, и он тоже косяка на меня давит, ворочает в мозгах своих, окантованных воспоминаниями.

– Давненько, – вдруг говорит, – не виделись, гражданин Тэдэ. Мне скоро уж на пенсию уходить. Пора получить с вас должок. Прошу слушать меня внимательно. Отношения наши дружественные и истинно деловые. Для вас есть дело. А дело в том, что наши органы через три месяца будут справлять годовщину Первого Дела. *Самого Первого Дела. Дела Номер Один.* И к этому дню у нас не должно быть ни одного Нераскрытого Особо Важного Дела. Ни одного. Не вздумайте вертухаться. Гоп-стоп, повторяю, не прохезает. Интимные вопросы есть?

– Сколько, – спрашиваю, – всего у вас нераскрытых особо важных дел и все ли будем оформлять на меня? Надо ли интегрировать эти дела ввиду того, что они, естественно, дифференцированы?

– Нераскрытых дел, – говорит Кидалла, – у нас неограниченное количество, ибо мы их моделируем сами. Предлагаю штук десять на выбор. Есть еще интимные вопросы?

– А что будет, если я уйду в глухую несознанку и не расколюсь, даже если вы мне без наркоза начнете дверью органы зажимать?

– Этот вопрос твой, – отвечает Кидалла, – глупый, и отвечать я на него не собираюсь. То, что ты сейчас сидишь передо мной, есть историческая необходимость, и вертухаться, подчеркиваю, бесполезно. Вместо тебя я могу, разумеется, взять сотню-другую товарищей-граждан. Но мне нужен ты, дорогой Тэдэ. Ты мне нравишься. Ты – артист и процесс

превратишь в яркое художественное представление. Я тут на днях сказал одному астроному: «Это ваш звездный час, Амбарцумян. Раскалывайтесь – и дело с концом». В общем, Тэдэ, поболтать с тобой приятно. Давай, однако, завари чифирочка – и ближе к делу. Кстати, если тебя, как всех моих подследственных гавриков, интересует, что такое историческая необходимость, я отвечаю: это – государственная, партийная, философская и военная тайна. Так что давай чифирнем, я уйду на особое совещание, а ты знакомься с делами.

Вот такой, Коля, был у нас разговор, и от этой исторической необходимости засмердило на меня такой окончательной безнадегой, что я успокоился, чифирнул, помолился Господу Богу и принялся рассматривать дела. И мне стало совершенно ясно, что за каждое из них корячится четвертак, пять по рогам, пять по рукам, пять по ногам и гневный митинг на заводе «Калибр». Умели чекисты дела сочинять. Не зря им коверкотовые регланы с мельхиоровыми пуговицами шили. Умели, сволочи, моделировать дела.

Мне потом Кидалла электронную машину показал, которая им стряпать дела помогала и, в частности, состряпала мое. В нее ввели какие-то данные про меня, всепобеждающее учение Маркса-Ленина-Сталина, Советскую эпоху, железный занавес, соцреализм, борьбу за мир, космополитизм, подрывные акции ЦРУ и ФБР, колхозные трудодни, наймита империализма Тито, и она выдала особо важное дело, по которому и поканал твой старый друг. О самом деле – немного погода.

Ну, всякие дела о покушениях на Иосифа Виссарионовича я с ходу откинул копытами, как дикий мустанг. На Кагановича, Маленкова и Молотова и на них всех вместе откинул тоже. Ну а раз так, зачем брать мне было на себя организацию вооруженного нападения на Турцию с целью захвата горы Арарат и провозглашения Пан-Армении? Дело, конечно, само по себе небезынтересное и благородное, но – группка-с! Группка-с, Коля! Ведь мой принцип: идти по делу в полном одиночестве. Хорошо. Много дел я перебрал. Остановился было на печатании денежных знаков с портретами Петра Первого на сотнях, футболиста Боброва на полсотнях и Ильи Эренбурга на тридцатках, но раздумал. Кражу во время операции одной почки у организма маршала Чойбалсана я в гробу видал. Попытку инсценировки «Братьев Карамазовых» в Центральном театре Красной Армии – тоже. Крушения, отравления рек и газировки в районах дислокации танковых войск, саботаж, воспевание теории относительности, агитация и пропаганда, окапывание в толстых журналах с далеко идущими целями, срывание планов и графиков, многолетняя вредительская деятельность в Метеоцентре СССР, шпионаж в пользу семидесяти семи стран, включая Антарктику, – все это, Коля, было тоскливо, отвратительно и аморально.

И тут, перед самым приходом Кидаллы, попадаете мне на глаза, что бы ты думал, милый? Мне попадаете на глаза «Дело о зверском изнасиловании и убийстве старейшей кенгуру в Московском зоопарке в ночь с 14 июля 1789 года на 9 января 1905 года». Наверное, гнусная машина перепутала Французскую революцию с трудоднями, отпечатками моих пальцев, кровавым воскресеньем, австралийской реакцией, опасным для СССР образованием государства Израиль и выдала дело, которого я дожидался годами. Читаю.

«Мною, кандидатом филологических наук Перьебабаевым-Валуа, во время ночного обхода образцового слоновника с антикварной колотушкой были зафиксированы звуки, в которых модуль суффикса превалировал над семантической доминантой чертежная доска антисоветских анекдотов глумясь лирического героя да здравствует товарищ Вышинский оказавшийся кенгуру зажег коптилку лучину факел бенгальский огонь Альфу Центравра еб твою мать цепных псов тревога львиной долей следы борьбы в сумке кенгуру краткий курс четвертая глава привлекался на оккупационных территориях не имею пульс нуль составил протокол Перьебабаев-Валуа».

Вот такая, Коля, уха! Но мне она чем-то понравилась. Я подумал: кому же могло прийти в голову трахнуть бедное животное кенгуру и убить? Подумал и вдруг ясно понял: да ведь

это же моих рук дело! Моих! Я – моральный урод всех времен и народов – долгими зимними ночами следил с верхотуры высотки на площади Восстания за старейшей кенгуру и, запутавшись в половом вопросе, готовил преступление, леденящее кровь прогрессивных сил! Я его совершил, я за него и отвечу с открытой душой перед самым демократическим в мире правосудием! Жди, Фемида, любезная подружка международного урки, скорого свиданьица и не толкуй народным заседателям в совещательной хавирке, что не твое это дело! Твое! И мое! Я долго его ждал и все-таки дождался! Вся моя жизнь была подготовкой к зверскому убийству невинного животного, убийству к тому же лагерному, потому что зоопарк – не что иное, как лагерь, он же закрытка, он же централ, он же БУР, он же ЗУР, он же пожизненный кандей бедных и милых птиц и зверей, сотворенных Богом для существования на вечной свободе! Давай поднимем, Коля, тост за тех, кто там! За кенгуру, за голубых белок и белых лебедей!

– Приглянулось мне, – говорю вошедшему в кабинет Кидалле, – одно дельце.

– Давай, – отвечает мусорина окаянная, – помажем, что я знаю какое?

Помазали. Он что-то написал на бумажке. Я говорю: «Кенгуру». Он мне протягивает бумажку и выигрывает, тварь!

Ты прав, Коля, в голове моей тогда были не мозги, а черные козлиные орешки в белой сахарной пудре. Я проиграл. Но не мог же я предположить, что Кидалла меня мариновал двадцать лет не для пятьдесят восьмой, терроров, саботажей, измен, а для кенгуриного дела, придуманного к тому же задрюканной электронной машиной!

– Вот так, гражданин Тэдэ, – говорит Кидалла, – я специально взял тебя на понт, и кпд соответствия подследствен ного существу предъявленного обвинения оказался равным 96 процентам. Это – абсолютный рекорд нашего министерства. Прежний составлял всего 1,9 процента. Поздравляю. Я вижу, что тебя беспокоит туфтовое показание Перьебабаева-Валуа. Это машина слегка барахлила. Сегодня я лично допрошу ее изобретателя Карцера, и истинные причины неполадок станут нам известны. У меня, ты знаешь, не повертывается. Я иногда умею помочь вспомнить врагу даже детали его прошлой жизни, века за два назад, еще на заре рабочего движения, не то что подробности передачи чертежей нового линкора японцу Тотоиното. Ясно?

– Ясно, – отвечаю и спрашиваю в лоб: – Но только на хрена вам волынка с машиной, когда любой Корнейчук тиснет по вашему заказу такие дела, что в них ни словечка исправлять не придется?

– Ты, Тэдэ, человек неглупый, но, как враг, органически не можешь понять, что мы не можем стоять на месте. Всюду происходит всепобеждающая борьба нового со старым, и от технической оснащенности органов зависит во многом соотношение сил на мировой арене. Империализм не дремлет. Он внедряет ЭВМ в производство, в управление, в оборону, в агрессию, во все области жизни. Мы решили сделать ход конем и поставить объективно реакционную науку кибернетику на службу делу мира. Нам важно обезвредить внутреннего врага еще до того, как он активно включится в дело, нам важно помочь врагу разобратся, какое именно дело полностью соответствует его мировоззрению, политическому темпераменту, эрудиции, различным низменным инстинктам, и полностью исключить вероятность переквалификации, скажем, потенциального некрофила-эксгуматора старых большевичек во вредителя парашютов, и наоборот. Но самый большой, революционный, теперь уже смело можно заявить, плюс – это скачок от преступного, неосознанного подчас замысла врага к суровому наказанию, минуя само преступление с его кровью, ужасами, цинизмом, утечкой информации, болью, слезами родственников пострадавших и ущербом нашей военной мощи. Процесс бездушного отношения к эволюции преступления нами развенчан полностью, а пресловутая презумпция невиновности выкинута на свалку истории вместе с произведениями белогвардейской шлюхи Ахматовой и активного педераста Зощенко.

Сейчас, Коля, давай выпьем за самых ядовитых змей, потому что нет на земле ни одного насекомого, ни одной змеи, ни одного червяка, ни одного зверя, недостойного Свободы! Проклянем же тюрьмы, лагеря и зоопарки. Хотя это очень и очень разные вещи. Просто я хочу сказать, что некоторые люди хуже кобр и вонючих хорьков, ибо ведают, падлы, что творят. Но и тут, Коля, все до того запутано, что нам с тобой наверняка не распутать клубок мировой истории. Не мы его стянули с коленок старенькой бабушки-жизни и запутали, а какой-то котенок. Вот пускай котенок его и распутывает. Мы же вернемся к Кидалле. Он мне, значит, открыл свои планы революционного подхода к преступлениям и велел не беспокоиться насчет электронной каши в протоколе. В них, мол, наведет порядок один наш крупный прозаик-соцреалист. Пообедали. Покурили. Посмотрел я в окошко, а там «Детским миром» еще не пахло. На том месте, где он сейчас стоит, была забегаловка «Иртыш» и славный бар «Веревочка».

– Ну что ж, – говорю, – товарищ Кидалла, давайте ближе к нераскрытому особо важному делу. Раз я согласен, значит, у меня есть к органам кое-какие претензии. Во-первых, – говорю, – камера должна быть на солнечной стороне. Из газет – «Нью-Йорк таймс», «Вечерка», «Фигаро», «Гудок» и «Пионерская правда». Питание из «Иртыша». Оттуда же раки и пиво. Мощный приемник. Хочу иметь объективную информацию о жизни нашего государства, и, разумеется, не забудем, товарищ Кидалла, о сексе. О сексе, – говорю, – человек не должен забывать даже во время затяжного предварительного следствия, а оно, как я полагаю, будет длиться пять месяцев и семь дней. За такой срок можно женскую гимназию превратить в женскую консультацию имени Лепешинской, которая в нашей, небось, – говорю, – лаборатории из бытовой пыли получила живую клетку. Девочек будем менять каждую ночь. Невинных не надо. Не надо также дочерей и родственниц врагов народа, потому что я не тот человек, который злоупотребляет служебным положением и изгаляется над несчастными. Не тот, товарищ Кидалла!

Смотрю: Кидалла побелел, глаза зеленой блевотиной налились, рука к пресс-папье потянулась. Быстро подставляю под удар часть мозга, заведующую устными показаниями. Кидалла заскрипел зубами и вышел куда-то. Бить не стал.

– Чего, – говорю, когда он вернулся, – вы психуете?

– Я, – говорит Кидалла, – регулярно психую три раза в сутки. В стресс впадаю. И мне требуется разрядка. Я тогда помогаю друзьям допрашивать врагов. Сейчас вот помудохался с одной актриской. Берии самому не дала, сволочь, а какому-то паршивому филиппинцу поднесла себя на блюдечке. Мерзость. А Зоя Федорова – «Музыкальная история» – что вытворяет? Полюбила американца! И конца нашей работе не видно. Выкладывай, разложенец, остальные претензии!

– Три раза, – говорю, – в неделю кино, желательно неореализм, Чаплин и XX век Фокс, Бунюэль, Хичкок, Иван Пырьев. После процесса отправка в спецлаг с особо опасными политсоперниками Советской власти, бравшими штурмом Зимний, и ближайшими помощниками Ильича. Со светлыми личностями, в общем. Так. И еще, – говорю, – товарищ Кидалла, у меня к вам личная просьба. Поскольку вы не без моей дружеской поддержки получите за внедрение в следственный процесс ЭВМ закрытую медаль «За взятие шпиона» и значок «Миллионный арест», то я убедительно умоляю вас посадить на пару дней в мою однокомнатную камеру, в мое уютное каменное гнездышко изобретателя ЭВМ. Очень вас прошу. Я даже готов сократить срок предварительного следствия за знакомство с человеком, чей бюст со временем украсит вестибюль Бутырок, фойе Консьержери и Тауэра.

– Ну хватит сотрясать мозги, – говорит Кидалла, – закругляйся! Домой ты не вернешься. Входи в роль убийцы и насильника кенгуру. По системе Станиславского сочиняй сценарий процесса, обдумывай версии и варианты и радуйся: ты по-своему себя обессмертил и будешь фигурировать в Закрытой Истории Чека рядом со мной. А ее когда-нибудь

напишут! Напишут о нашем труде! Напишут, как мы помогали не объяснять весь мир, а перedelывать!

– А кто, кстати, – спрашиваю, – будет уделывать кенгуру? Может, вообще ее не убивать? Пускай живет. На хрена органам путать искусство с жизнью и наоборот? Кенгуру ведь не Киров, за нее золотом платить надо.

– Вопрос о кенгуру, – отвечает Кидалла, – муссируется сейчас на коллегии, и он не твоего преступного ума дело. Мы, если понадобится, и парочку динозавров укокошим, не постоим. Цель оправдывает средства. Твои претензии учтем, кроме одной. «Пионерской правды» не видать тебе, педерастина, как своих ушей!

Я, конечно, спросил Кидаллу, почему это не видать, а он вдруг снова побелел и в крик: «Молча-ать! Конвой!»

Приходит мусор – рыло девять на двенадцать. Кидалла и велит ему волочь меня в третью комфортабельную с содержанием по высшей усиленной.

Не отдохнуть ли нам, Коленька, не устроить ли нам перекур с дремотой? Не хочешь? Тогда давай выпьем за слонов и за всю секцию крупных хищных животных и пожелаем вонючему человечеству скорее оставить их в покое. А заодно и нас с тобой!

3

Мусор дал мне тогда какой-то микстуры в дежурке, и проснулся я, неизвестно сколько прокемарив, на чистом белье, в чудесной комнатухе без единого окна, но воздух – прелесть и холодок, как летом на даче. Герань в горшочках. Васильки и ромашки в вазочке. Послушай, Коля, я что-то вдруг забыл, имелся ли в той комнатухе потолок?... Имелся ли потолок? Странно. Даже такие простые вещи иногда, оказывается, забываются. Васильки, в общем, и ромашки в вазочке. Мощный приемник «Телефункен» и фотографии с картинками. Вся история ревдвижения в России, партийной борьбы и советской власти в фотографиях и картинках. Вольтер. «Радищев едет из Ленинграда в Сталинград». «Буденный целует саблю после казни царской фамилии». «Вот кто сделал пробоину в „Челюскине“ и открыл каверны в Горьком!!!». «Ленинский огромный лоб». «Сталин поет в Горках „Сулико“». «Детство Плеханова и Стаханова». «Якобы голод в Поволжье и на Украине». «Мама Миши Ботвинника на торжественном приеме у гинеколога». «У Крупской от коллективизации глаза полезли на лоб». «Кривонос и паровоз кулаков везут в колхоз». «Мир внимает Лемешеву и Козловскому».

Ты себе представить не можешь, Коля, чего только там не было вместо обоев, и, разумеется, на самом видном месте висели стереофото Кырлы Мырлы, еще совсем безбородого, не усатого и не кучерявого, и Ильича, наоборот, шевелюристического, с мягким пушком на скулах. Ну, что еще? Книжки. Сервант с хрустальными рюмочками. Гардероба не было, а стол стоял со стульями. Уют. Телефон. Я выпрыгнул из постельки, как мальчик, и ласточкин номер набрал. А мне в трубку Кидалла говорит, чтобы я скорее завтракал и начинал занятия по зоологии и географии. Учитель уже в пути. Тогда я набираю номер еще одной своей ласточки и опять нарываюсь на Кидаллу.

– Если, – говорит, – драть меня не перестанешь во время важного допроса, я тебя, гадюку, совсем по другому делу направлю, а этот телефон для признаний, раздумий, внутренних сомнений и рацпредложений. Подъем, мерзавец! Прекрати яйца чесать, когда с тобой разговаривает офицер контрразведки!

Я, конечно, спрашиваю, откуда ему известно, чем я в данный момент предварительного следствия занимаюсь, а Кидалла еще громче заорал, что видит на экране мою омерзительную харю, по которой он еще погуляет пресс-папье.

Я и повесил трубку. Лежу. Разглядываю вышивки на наволочках, простынях и пододеяльнике. Все – подарки на день рождения Якиру, Тухачевскому, Егорову и прочим военачальникам от корешей, с которыми они вместе брали Кронштадты, Перекопы и каленым железом выжигали дворянскую язву на теле России. Конфисковали бельишко у палачей более удачливые и гнусные палачи. Встал. Сходил в сортир. Маленький такой, милый сортирчик. На двери нацарапано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! История еще вынесет внутренним врагам свой приговор». Ну, думаю, идиотина, она ведь тебя уже приговорила! Добавки захотелось? Получишь! Не мечи икру! Обязательно получишь! Придешь на вахту, сунешь рыло за справкой об освобождении и получишь еще пять или десять по зубам от матушки Истории, движущей силой которой ты сам являлся, пока тебя не остановили твои дружки по баррикаде. Сукоедина. В таком сортире на следствии надо кайф ловить, а не изрыгать сентенции!...

Бамс! Открывается кормушка, на пол падает «Фигаро». Я стучу и спрашиваю: где «Гудок»? Мне голос хрен знает откуда отвечает: «„Гудка“ седни не будя. Типографские бастуют».

Удивляюсь. Набираю номер третьей своей ласточки из театра кукол. «Товарищ Кидалла, – говорю, – неужели гудковцы объявили нам с вами забастовку? Где „Гудок“? Я ж

исключительно этот орган любил читать в экспрессах! Мне без него, – говорю, – в неволе трудно».

Кидалла терпеливо разъяснил, что бастуют типографии Херста и не выходит «Таймс», а тираж «Гудка» задержан, так как по вине вредителя-редактора на передовой фотографии «Каганович в березовой роще» на одной из берез виднеется слово из трех букв и имя «Гоша».

– Гоша только что, – говорит Кидалла, – взят нами при попытке перейти финскую границу. Остальное – дело техники. Редактора через день ликвидируют, и «Гудок» начнет выходить как ни в чем не бывало.

Бамс! Снова кормушка, и на ней, Коля, завтрак. Полопал. Закурил. Дымок вытягивается неизвестно куда, но ясно, что на свободу. Колечко за колечком. Тю-тю! И никто ничего про меня не знает, кроме Кидаллы. А учитель все чего-то не идет и не идет. Я книжки полистал. Хорошие книжки. Из личных библиотек врагов народа. На «Трех мушкетерах» читаю: «Дорогому Бухарину – Портосу первой пятилетки. Не надо враждовать с гвардейцами Ришелье. И. Сталин». Не послушался, олень. Полез со шпагой на мясорубку. Достāju брошюру Толстого «Непротивление злу насилием». «Верному другу Зиновьеву, с пожеланием поплясать на трупах кавказских преторианцев. Каменев». А интересно, думаю, знает родной и любимый про дело кенгуру или не знает? Вдруг голос слышу:

– Учитель пришел. Постороннего не болтать. Не шушукаться, ничего не передавать. Быстро воспринимать!

Стена раздвинулась бесшумно. Шверник от «Буденного целует саблю» отъехал. Старикашку ко мне втолкнули, и стена снова сдвинулась, чуть его не раздавила. Прижало старенькие брючки. Пришлось старикашке выпрыгнуть из брюк и остаться в кальсонах с тесемочками. Жалко его. Дрожит, как старый петушок, борода седенькая трясется, и представляется мне:

– Профессор Боленский. По вопросу о сумчатых. Всесторонние консультации. С кем имею честь?

– Здравствуйте, – говорю, – профессор. Успокойтесь. Зовите меня Фан Фанычем. Вы зек или вольняшка?

– Пока еще вольняшка! – ответил по радио Кидалла. – Приступайте к занятиям, сволочи!

Профессор стал сморкаться, но это с понтом, а сам плачет от первого, возможно, в своей жизни оскорбления и в платочек с ужасом говорит: «Боже мой... Боже мой... Боже мой...»

Тут я, чтобы его отвлечь от позора чести, начал задавать научные вопросы. Зачем кенгуру карман, и какая такая историческая необходимость его спроектировала? Когда кенгуру хочет самца, и бывают ли у них брачные танцульки? Что они хавают? Во сколько ложатся кемарить? Кусаются ли? Копыта у них или когти, и почему вообще Австралия стала островом? Вопросы-то я задаю, а сам пуляю профессору ксиву, чтобы он тянул резину по три дня на каждый ответ, и от себя лично добавляю:

– Не бздите, дедушка, выкрутимся и вынесем на пару наш самый суровый приговор истории.

Профессор прочитал и чуть не погубил себя и меня, затряс мне руки и захипежил:

– Непременно! Всенепременно вынесем! У вас изумительный угол зрения, коллега!

– В чем дело? Что вы, гады, там не поделили? – гаркнул по радио Кидалла.

Старикашка, очень он меня тогда удивил, шустро доложил, что мой ум и зрение, то есть наблюдательность, его совершенно потрясли и что таким учеником, как я, может гордиться любой большой ученый.

– Не тем, кем надо, гордишься, генетическая твоя харя.

Продолжайте занятия, – сказал Кидалла.

Оказывается, профессора взяли вечером в буфете Большого зала Консерватории, приволокли к Кидалле, и тот спросил старикашку, что ему известно как крупному биологу о кенгуру. Старикашка, конечно, с ходу колется и продает своих любимых кенгуру со всеми потрохами, говорит, что знает о них все и готов дать показания. Ну его и приставил Кидалла ко мне для обучения, потому что к процессу я должен был прийти не с рогами, а со сценарием. Болтали мы о всякой всячине, но когда щелкало в динамике за «Буденным целует саблю», переходили на науку. Например, профессор толкует, что кенгуру являются бичом австралийских фермеров и опустошают поля, а Кидалла заявляет по радио:

– Вот и хорошо, что опустошают, так и дальше валяйте. Это на руку мировой социалистической системе.

– Извините, – говорит старикашка, – но нам еще придется покупать в случае засухи у Австралии пшеничку? Я уж не говорю об Америке.

– Не придется, – отвечает Кидалла, – у нас в колхозах кенгуру не водятся. А вы, Боленский, не готовились, кстати, к покушению на Лысенко и других деятелей передовой биологической науки?

– Я, гражданин следовательно, – вдруг взбесился старикашка, – о такое говно не стану марать свои незапятнанные руки!

– Чистюля. Продолжайте занятия.

Ну, мы, Коля, и продолжали... Пять дней живем вместе.

Он про свою жизнь мне тиснул, а кормили нас по девятой усиленной. Пиво. Раки. Бацилла. И когда я узнал, что старикашка – целочка (его невесту в пятом году булыжником пролетариата убило с баррикады) и что женщин он близко не нюхал, я вспомнил телефон одной славной ласточки, набрал номер и говорю Кидалле, чтобы срочно присылал двух незамысловатых миляг противоположного пола. Нам, мол, нужна разрядка. У профессора сосуды сузились, и общее переохлаждение от страха и ограничения гормональной жизни. Требуется живое тепло, а то он заикаться начал.

Старикашка тюремную науку лопал, как голодный волк: не жуя заглатывал и целый день до моего заявления прекрасного заикался. Заскрипел по радио Кидалла зубами, но делать нечего: раз в смете подготовки к процессу были денежки на девочек, то – кровь из носу – отдай их и не грехи. Советская власть обожает порядок в тюрьмах, моргах и вырезвателях.

И вдруг, вечером, слышим мы с профессором «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха», Буденный от Кырлы Мырлы отодвигается, и, ля-ля-ля, сваливаются в мою третью комфортабельную как с неба две стюардессы в синих пилоточках – юбчонки выше колен, бедра зовут на смерть! Профессор сразу бросился брюки надевать, которые раньше были стеной зажаты.

– Здрасьте, враги народа, – говорят небесные создания. Боленский покраснел, раскланялся, что-то забормотал по-французски.

Выбираю для него ту, что пожиганестей, и говорю:

– Учти, солнышко, халтуру не потерплю.

Старику терять нечего: он убил огнетушителем директора гондонного завода и приговорен к смерти. Люби его так, словно ты любишь в последний раз и тебе мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы.

Профессору я тоже объяснил насчет мучительного стыда, любви и велел применить «способ Лумумбы». В те времена он еще назывался «способом Троцкого». Открыли мы шампанского, завели патефончик – подарок Рыкову от Молотова. «У самовара я и моя Маша». Смотрю, Коля, стюардесса уже на коленях у нашего старикашки. Он ни жив ни мертв, ушами хлопает, воздух ртом ловит, а она профессионально расстегивает его ширинку и мурлычет:

– А кто же это нам передал огнетушитель? А кто же это старенькой кисаньке передал огнетушитель? И где же это, сю, сю, сю, было? На квартире резидента или в ресторане

«Националь»? Ах, куда же наша седая лапочка спрятала ра диопередатчик и шифры? Цу, цу, цу!

И моя гадюка тоже лижется и разведывает, целовался ли я с кенгуру и что я ей дарил, и кто меня приучил к скотоложству: враги академика Лысенко, Шостакович и Прокофьев с Анной Ахматовой или же космополиты и бендеровцы? Примитивная работа, Коля. Я с ходу спросил у гадюки, что у них сегодня – экзамен или зачет? И по какому предмету? Она неопытная была, раскисла, заревела и шепчет:

– Дяденька, помогите! Мы с Надькой два раза заваливали получение информации при подготовке к половому акту с врагами народа. Нас исключат из техникума и на комсомольскую стройку пошлют... Там плохо... Ваты на месяч ные и то не хватает... расскажите хоть что-нибудь... Вам же все равно помирать, а у нас вся жизнь, дяденька, впереди... Расскажите, дяденька!

Ну, Коля, тут я по доброте душевной такую чернуху раскинул, что ее на докторскую хватило бы, не то что на вшивый зачет. Девка запоминать не успевала и шпаргалку помадой на ляжке записывала, а я притычивал, чтобы Кидал-ла не засек по телевизору.

Вдруг старикашка взвыл нечеловеческим голосом, он уже на своей жиганке трепыхался и спьяну завопил по латыни:

– Цезарь! Лишенный невинности приветствует тебя! Щелкнуло. Слышу в динамике голоса, и Кидалла докладывает:

– Ведем наблюдения, товарищ Берия, по делу кенгуру.

И снова стало тихо. Только профессор дорвался, тахта ходуном ходит. Слова говорит. Мычит. Охает. Рыкает польвиному. Завещание обещает оставить и коллекцию марок. Свиданку назначает на площади Революции и снова мычит, мычит, правда, что молодой бычок, дорвавшийся на горячей полянке до пегой телки. Видать, понравилось студентке. «Ой, мамочки... ой, мамочки... ой, откуда ты такой взялся... мальчик мой родненький, – и уже в полной отключке, – огне-ту... огнету... туши... туши... огне... тушиыыыыы!»

Постой, Коля, не перебивай, я же нарочно тебя возбуждаю!...

Профессор зубами стучит и одно слово повторяет: «Апогей... А-погей... а-а-а-апогей!»

Снова – щелк, и Берия, наверное, Кидалле говорит с акцентом:

– Вы только посмотрите, товарищи, сколько у них энергии. Сколько у врага второго дыхания. Утройте бдительность! В какой стадии дело о попытке группы архитекторов пересмотреть архитектуру Мавзолея?

– Группу успешно формируем. На днях приступили к активному допросу, – ответил Кидалла. – Посвящаем его дню рождения Ильича.

– Продолжайте наблюдение! – велел Берия.

Под утро, Коля, улетели от нас стюардессы. Улетели. Словно бы их и не было. Профессор закемарил как убитый. Улыбается во сне, что мужчиной стал на семьдесят восьмом году жизни, и слюна, как у младенчика, с уголка губ на казенную подушку, подаренную некогда Сталиным Блюхеру, капает.

Я тоже уснул. Мне было, Коля, тяжело. Я ведь бедную бабу не трахнул, а всю ночь помогал ей готовиться к зачету. Давай выпьем за белых и бурых медведей и за голубых фламинго!

Ты веришь? Целый месяц мы кантовались с почетным членом многих академий мира, лауреатом Сталинской премии, депутатом Верховного Совета СССР академиком Бо-ленским. И не осталось на земле таких сведений о кенгуру, которых бы я, Коля, не знал. А уж зато старикашка пошел у меня по вопросам секса и женской психологии. Под конец он у меня вслепую рисовал большие, малые и прочие ихние замечательные устройства. На практических же занятиях, так сказать, загулял мой ученик по буфету. Девки к нам, наверное, после

того как стюардессы великолепно сдали зачет, влетали теперь каждый вечер и все в разных формах и ролях. Официантки – первые в мире стукачки, шахматистки, певички, доярки, краповщицы номерных заводов, лаборантки из ящиков, вокзальные бляди, писательницы, продащицы, кандидаты наук, слепые, глухонемые и после полиомиелита. Кидалла всех обучал, потому что был профессором закрытого секретного техникума и мы со старикашей явно понравились ему как преподаватели.

Особенно интересную информашку поставлял девкам профессор, вернее, половой маньяк, как однажды объявил по радио Кидалла. Его любимым коньком стал, с моей легкой руки, огнетушитель. Он в него притыкивал чертежи водородной бомбы, заливал напалм, закладывал долгодействующий фотоаппарат, магнитофоны, излучатели дезорганизующей энергии и тэдэ. И конечно, Коля, передавали ему огнетушители представители всех разведок мира, включая папуасскую. По дороге профессор продавал девчонкам вымышленных сообщников: Черчилля, померших коллег, секретарей партбюро, несуществующих соседей, любовниц и даже самого Лысенку. Старикашка однажды расцеловал меня за то, что он счастлив, стоя одной ногой в могиле, иметь такого истинного и светлого учителя жизни, как я – Фан Фаныч.

4

Сам понимаешь, расстались мы с профессором друзьями. Веришь, плакал старикашка на груди у меня перед тем, как его дернули.

– Я, – говорит, – за этот месяц прожил с вашей, Фан Фаныч, помощью огромную жизнь и не считаю, что изменил Дашеньке. – Ей, Коля, с баррикады в висок булыжник пролетариата, если помнишь, попал. – Спасибо, дорогой Фан Фаныч! Лично я, не беря с собой никого по делу, прощаю все зло мира за радость знакомства с вами и ничего не боюсь. Ни-че-го! Справедливость восторжествует!

У старикашки милого действительно страх пропал. Разделся догола, закурил сигару и ходит себе из угла в угол, лекцию мне тискает про образ жизни кенгуру. Я ему сказал напоследок пару слов насчет торжества справедливости.

– Торжество, – говорю, – уже было, да прошло. Свечи погашены, лакеи плюгавые фазанов дожирают. А нас с вами, голодных и холодных, на том торжестве не было, нет и не будет...

Тоскливо мне без него стало. Тоскливо. Ласточек я велел Кидалле больше не присылать, так как мне надо организовать накопленные знания, посочинять сценарий и набросать пару версий и вариантов. Лежу целыми днями. Курю, и дымок все улетает неизвестно куда... На солнечные часы смотрю. Окон, Коля, в камере действительно не было, не лови меня на слове, а солнечные часы были для садизма, и черт его знает откуда бравшаяся тень показывала мне время. Тоска, падла, тоска. Почти не хаваю, «Теле-функен» не включаю. От постельного белья Первой Конной воняет, от хлебушка – кровавой коллективизацией. Читаю «Гудок», он снова выходить начал, «Таймс» и «Фигаро». Кидалле по телефону говорю:

– Переведи ты меня отсюда куда-нибудь в настоящую тюрьму. Тут я чокнусь, стебанусь и поеду. Или пожар устрою. Сожгу простынки Тухачевского, стулья Орджоникидзе, указы Шверника, болтовню Троцкого, полотенце Ежова, «Три мушкетера» Бухарина, «Государство и революцию» Ленина! За что ты меня изводишь? Хочешь, возьму на себя дела ста восьмидесяти миллионов по обвинению в измене Родине? Хочешь, самого Сталина дело на себя возьму? Не хочешь? Тогда давай пришьем ему сто девятую – злоупотребление служебным положением и семьдесят четвертую, часть вторую – хулиганские действия, сопровождающиеся особым цинизмом? Молчишь, мусорина поганая, фашист, трупную синеву твоих петлиц в гробу я видал. Переведи меня отсюда в одиночку, пускай – лед на стенах и днем прилечь не дают! Переведи! Печенку на бетоне отморожу, чахотку схвачу, косточки свои ревматизмом кормить буду, сапоги твои вылижу, пускай глаза мои оглохнут, уши ослепнут, только переведи! Переведи меня в лед и в камень, где Первой Конной не воняет, Перекопом, правой оппозицией, коллективизацией, Папаниным на льдине, окружением белых солдатиков, сука, при чем тут я? Переведи, умоляю! Дай мне вместо пива и раков света кусочек дневного за решеткой! Я на ней сам с собой в крестики и нолики играть буду, ну кому ж я мешаю? Кому я ме-ша-ю???

Хипежу, Коля, а сам чувствую, вот-вот чокнусь, вот-вот стебанусь, вот-вот поеду. Кидалла молчит, терпеливо выносит окорбления в разные высокие инстанции и в круги, близкие к взятию Зимнего. Ничего не щелкает, «Буденный целует саблю» от юного безбородого Кырлы Мырлы не отодвигается, рыло надзирательское не появляется и в зубы мне маховиком не тычет. Побился я в истерике, но все бесполезно, и забылся вдруг. Под наркоз меня Кидалла бросил. Тогда я, разумеется, этого не знал.

Выхожу из наркоза обалдевший и связанный по рукам и ногам. Лежу почему-то на полу, на свежем сене, перед глазами миска сырой морковки и незнакомые веточки с листи-

ками. Оглядываюсь. Обстановка камеры все та же. Только почему-то у Кырлы Мырлы на портрете борода стала отрастать и в шнифтах безумный блеск появился. Уставился он на меня и словно говорит: «Хватит, Фан Фаныч, мир объяснять! Надоело! Пора его, паскуду, перелицевать!»

Да, Коля, чуть не забыл! Ряд картин и фотографий исчез почему-то со стен. «По большевикам пошло рыдание», «Ужас из железа выжал стон», «У гробов Горького, Островского и других», «Сталин горько плачет над трупом Кирова», «Карацупа и его любимая собака Индира Ганди», «Кулаки на Красной площади», «Маршал Жуков на белом коне» – все эти картины, Коля, и фотографии исчезли, и на ихних местах появились другие. «Наше гневное „НЕТ!!!“ – кибернетике, генетике, прибыли, сверхнаживе, джазу, папиросам „Норд“, французской булке и мещанству». Рядом «Члены Политбюро занимаются самокритикой», «Жданов сжигает стихи Анны Ахматовой», «Конфискация скрипичного ключа у Шостаковичей и Прокофьевых» и немного повыше «Микоян делает сосиски на мясокомбинате имени Микояна». Я подумал, что в верхах произошли кое-какие изменения и наверняка кого-то шлепнули. Потом оказалось – предгосплана Вознесенского...

Руки у меня затекли. Дотянулся губами до морковки. Пожевал. Понюхал листики. Слышу, какие-то радостные голоса: «Ест! Ест!... А я уж хотел с женой и детьми прощаться! Ест! Главное – нюхает! Поздравляю вас, Зиночка, с орденом Красной Звезды!» Я говорю Кидалле:

– Послушай, холодное ухо – горячая печень, если ты меня не развяжешь, то я обижусь и уйду в несознанку!

Нет ответа. Но вот наконец-то «Наше гневное „нет“ – французской булке!» отодвигается от «Иуд музыки нашей», и в камеру на цирлах входит милая, более того, Коля, прекрасная, только что-то уж очень бледная женщина. Молодая. Лет двадцать семь-тридцать пять. Волосы искрятся. Мягкие. Пышные. Русые. Близко-близко ко мне подходит. Я поневоле смотрю снизу вверх. Вижу ямочки на коленках, молока в них налить парного и лакать, и сердце у меня заходило ходуном, если бы не веревки, выскочило бы из ребер! Вижу трусики голубые, Коля, и в глазах потемнело от душной крови. Смотрит женщина сверху вниз на меня связанного, нежно улыбается, присела на корточки, по лицу погладила, я успел пальцы ее холодные поцеловать, и говорит:

– Ну успокойся, милый, успокойся, хороший... Тебя любят... Тебя жалеют... Тебя в обиду никогда не дадут.

– Я, – говорю, – спокоен уже, спасибо, но кто вы? И согласитесь, что связанный по рукам и ногам Фан Фаныч не может вполне соответствовать такой королеве, как вы. Вы похожи, ха-ха, на Польшу до первого раздела!

А она мне, Коля, словно глухая, опять говорит:

– И глаза у тебя, как сливы лиловые в синей дымке. Я вижу в них себя. Глубоко-глубоко... На донышке колодца... Это я плещусь... Это – я... Милое, хорошее, славное, красивое животное... Губы у тебя замшевые... Уши нежные... Ноги сильные...

Что за херня, занервничав слегка, думаю и говорю:

– Развяжите меня, пожалуйста. Руки затекли и, извините, пур ля пти не мешало бы...

Смотрю – берет женщина баночку, расстегивает, вытаскивает, а он стоит, и я никак помочиться не могу.

– Послушайте, – говорю, – вы же можете ответить, до каких пор я буду связан, и передайте Кидалле, что он, пси на мусорная, погорел с делом о кенгуру. Я не Рыков и не Бухарин, и не Каменев и издевательств не потерплю. Ими меня вообще не удивишь, как говяжьей кровью Микояна на мясокомбинате имени Кагановича.

Помочился лежа. А она снова нежно гладит меня по волосам, перебирает их и мурлычет так нежно, что понт какой-нибудь просечь в ее голосе, Коля, абсолютно невозможно.

– Милое, странное животное... Ты, наверное, скучаешь по своей Австралии... Поэтому у тебя глаза грустные... и лапы дрожат... и сердце бьется... Тук-тук-тук... Совсем как у нас... совсем как у нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.